

ОШО

ДХАММАПАДА
ТОМ 2

ББК 84,5 Ид
0,96

ОШО
096 Дхаммапада т 2 Москва ИПА «ТриЛ» 1998, 272 с.
ISBN 5-7135-23

Ошо, также известный как Багван Шри Раджниш — просветленный Мастер нашего времени. Ошо означает «подобный океану», «благословенный».

Эта книга содержит продолжение серии бесед по Дхаммападе- сборнике изречений Будды. «...Я безмерно люблю этого человека потому что никто никогда не прикасался к таким высотам и глубинам как Гаутама Будда»

Беседы были проведены в ашраме Ошо в г.Пуна Индия.

© OSHO INTERNATIONAL FOUNDATION
1977

© МОСКОВСКИЙ МЕДИТАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР «НИРВАНА», ПЕРЕВОД 1997

0403300 - 012 без объявления
7П6 (03) - 98

ISBN 5-7135-0046-23

ББК 84,5 Ид

Глава 1
Мудрость невинности

Как может обеспокоенный ум
Понять путь?
Если человек встревожен,
Он никогда не будет полон знания.

Безмятежный ум,
Больше не ищущий размышления
О правильном и неправильном,
Ум за пределами суждений —
Наблюдает и понимает.

Знай, что твоё тело — хрупкий сосуд,
И сделай ум своим храмом.

В любых испытаниях
Позволь пониманию сражаться за тебя,
Чтобы защитить завоеванное тобой.

Ибо вскоре — тело отброшено,
Шоа — что оно чувствует?
Бесплезным бревном лежащее на земле,
Шоа — что оно знает?

Злейший враг не повредит тебе сильнее
Мыслей, оставленных без охраны.

Но если ты овладел ими,
Никто так не поможет тебе,
Даже отец и мать.

Однажды меня спросили, что такое философия, и я сказал: «Философия это искусство задавать неправильные вопросы». Слепой спрашивает: «Что такое свет?» — это философия. Глухой спрашивает: «Что такое музыка? Что такое звук?» — это философия.

Если слепой спрашивает: «Как я могу снова обрести глаза?», это более не философия, это религия. Если глухой приходит к врачу, чтобы излечиться и снова начать слышать, тогда он движется в направлении религии, не в направлении философии.

Философия это догадки, рассуждения; ничего не зная, человек попытается изобрести истину. А истина не может быть изобретена; нечто изобретенное не может быть истиной. Истина должна быть открыта. Она уже здесь... все, что нам нужно, это открыть глаза — глаза, чтобы увидеть ее, сердце, чтобы почувствовать ее, бытие, чтобы присутствовать в ней. Истина всегда присутствует, но отсутствуем мы, и из-за того, что мы отсутствуем, мы не можем увидеть истину. Мы продолжаем спрашивать об истине, но мы не задаем правильного вопроса: «Как быть присутствующим? Как стать присутствием?»

Мы спрашиваем об истине, и это спрашивание снова уводит нас прочь от нее, потому что спрашивание подразумевает, что ответ может исходить от кого-то другого. Спрашивание подразумевает, что кто-то может рассказать вам, что такое истина. Никто не может рассказать; она не может быть рассказана.

Лао-цзы говорит: Истина, которая может быть высказана, более не истина. Высказанная, она становится ложью.

Почему? — потому что тот, кто знает, знает, что это не информация; в противном случае было бы очень легко передать эту информацию любому, кто готов ее принять. Это подобно вкусу на кончике языка. Если

человек никогда не пробовал сладкого, вы не можете объяснить ему, что такое сладость — это невозможно. Если человек никогда не видел цвет, невозможно объяснить ему, что это такое.

Есть вещи, которые могут быть лишь пережиты в виде опыта и поняты через опыт. Бог есть высший опыт, совершенно невыразимый, непередаваемый. Его нельзя передать. Самос большее, можно дать некоторые намеки; но и эти намеки должны быть приняты очень сочувственным сердцем; иначе вы упустите их.

Если вы истолковываете их в уме, вы упустите их, поскольку, что может сделать ваш ум, когда дело касается этого толкования? Он может лишь принести свое прошлое. Он может лишь принести свой собственный хаос. Он может принести свои конфликты, сомнения, замешательство. И все это он навяжет истине, все это он навяжет данному вам намеку, и несмеленно — все искажено. Ваш ум не находится в состоянии видения, чувствования.

Религия просто означает создание в вашем уме такого пространства, которое способно к видению, которое способно быть без конфликта, которое способно быть без всякого раджоения, которое способно к цельности, ясности, восприимчивости. Ум, который полон мыслей, не может воспринимать; эти мысли постоянно вмешиваются. Все эти мысли здесь, слой за слоем. К тому моменту, когда нечто достигает вашего глубочайшего ядра, если вообще достигает, это более не то же самое, что было послано тем, кто знает. Это совершенно другое явление.

Будда обычно повторял каждый свой намек трижды. Кто-то спросил его: «Почему ты повторяешь трижды одно и то же?»

Он ответил: «Даже трижды недостаточно. Когда я говорю что-то в первый раз, вы слышите только слова.

Эти слова пусты, просто пустые раковины, в них нет содержания. Вы не можете услышать их содержания с первого раза. Во второй раз вы слышите содержание, появляется аромат, но вы так ошеломлены, вы так заинтригованы им, что вы не в состоянии понимания. Вы слышите, но вы не понимаете. Вот почему я все повторяю трижды».

Я повторяю снова и снова по той простой причине, что вы так глубоко спите — вам нужно повторять, вас нужно бить. Возможно, в какое-то мгновение, благоприятное мгновение, вы не будете так глубоко погружены в сон; вы можете быть близки, очень близки к пробуждению, и что-то может войти в вас. Возможно, вы будете способны услышать. Да, есть моменты, когда вы очень близки к пробуждению — когда вы не спите и не бодрствуете, а где-то между сном и бодрствованием.

Вы знаете, что каждое утро бывает несколько мгновений, когда вы больше не спите, но вы еще не проснулись; вы не можете сказать, что вы проснулись. Вы можете смутно слышать звуки: пение птиц, голос молочника, жена разговаривает с соседом, дети собираются в школу, шум транспорта, проезжающий мимо поезд — но очень смутно, неполно, частично. И вы продолжаете дремать. В одно мгновение вы слышите, как мимо проезжает поезд, в следующее мгновение вы погружаетесь в глубокий сон.

Сейчас исследователи сна говорят, что это постоянно происходит во сне: если вы спите восемь часов, вы не остаетесь постоянно на одном и том же уровне, уровень постоянно меняется — вершины и долины. Всю ночь вы движетесь то вверх, то вниз. Иногда вы спите очень глубоко, и тогда исчезают даже сны, — Патанджали называл это *сущупти*, сон без сновидений, — а иногда вы полны снов. Иногда вы на самой грани пробуждения. Если вы слышите громкий

шум, происходит потрясение, и вы просыпаетесь, внезапно просыпаетесь.

Именно таково усилие всех будд: они ждут того правильного мгновения, когда вы очень близки к пробуждению. Тогда нужен лишь небольшой толчок, и ваши глаза откроются, и вы сможете видеть.

Бог не может быть объяснен, но может быть увиден, может быть пережит в виде опыта — он не может быть объяснен. Любое объяснение бога это не что иное, как оправдание; поэтому, чем больше существует священников, профессоров, теологов, тем меньше религии будет в мире. Чем больше Пап и шанкарачарий, тем меньше религии будет в мире — потому что эти люди продолжают объяснять, а бог не может быть объяснен. Они набили ваши умы столькими объяснениями, и теперь эти объяснения противоречат друг другу. Теперь почти невозможно сообразить, что есть что. Вы в глубоком замешательстве. Человек никогда еще не был в таком замешательстве, потому что население никогда не было таким плотным. Земля действительно превратилась в деревню, в огромную деревню.

В древние времена буддист знал лишь то, что говорил Будда, мусульманин знал лишь то, что говорил Мухаммед, христианин знал лишь то, что говорил Иисус. Теперь мы стали преемниками всего наследия человечества. Теперь вы знаете Иисуса, вы знаете Заратустру, вы знаете Патанджали, вы знаете Будду, вы знаете Махавиру, вы знаете Лао-цзы и еще сотни других объяснений, других намеков — и все они перепутаны в вас. Теперь очень трудно вытащить вас из этого замешательства. Единственный возможный способ — это отбросить весь этот шум, не по частям, но все вместе. Именно в этом все мое послание.

И, отбрасывая это, вы не будете отбрасывать Иисуса, Мухаммеда и Будду; отбрасывая это, вы приблизитесь к ним. Отбрасывая это, вы просто будете отбрасывать традиции, условности и эксплуатацию, которая продолжается во имя традиции. Очистившись от всего этого, забыв о Библии, Ведах и Гите, вы достигнете ясности, чистоты. Да, вам нужна генеральная уборка, вам нужно совершенно освободить сердце от бремени. Лишь тогда, в этом молчании, вы будете способны понять.

Будда говорит:

*Как может обеспокоенный ум
Понять путь?*

Тысячи людей собрались вокруг Будды, так же, как и вы собрались вокруг меня — тысячи искателей пришли к Будде и задавали ему всевозможные вопросы. Будда совершенно не интересовался их вопросами; он не был заинтересован в том, чтобы отвечать на них. Он был, несомненно, заинтересован тем, как показать им путь, но проблема была в том, что они были слишком обеспокоены своими вопросами и ответами, которые они собрали, они были слишком встревожены всем тем знанием, которое они носили с собой все время, что было невозможно, совершенно невозможно показать им путь. Отсюда эта сутра: *Как может обеспокоенный ум понять путь?*

Поэтому, вместо того, чтобы давать им еще больше ответов, больше знания, Будда начал отбирать у них их знание, их готовые ответы, их предвзятые концепции, их предрассудки. Индия так и не смогла простить этого Будде. После его смерти традиционный ум немедленно

начал выкорчевывать все посаженные им побеги; все розы были сожжены. Будда был совершенно выброшен из этой страны. Для величайшего сына этой страны здесь не нашлось приюта; учению пришлось искать убежища в других странах.

Это не случайность, так случалось всегда. Иисус был осужден иудеями, распят иудеями, тогда как Иисус был величайшим иудеем, когда-либо рожденным на Земле, величайшим цветением иудейского сознания, высшим выражением, кульминацией, Эверестом. Но почему иудеи отвергли его? Они должны были быть счастливы, они должны были танцевать и праздновать, но они не могли — они не могли его простить, потому что его присутствие заставляло их чувствовать себя посредственными; в этом было его преступление. Он должен был быть наказан за то, что он достиг таких высот, таких далей, за то, что он был настолько выше, за то, что он принес такое изящество, такую любовь. Он должен был быть наказан за свое присутствие, потому что его присутствие заставляло людей чувствовать себя безобразными в сравнении с ним. Его необходимо было удалить, чтобы посредственный ум снова смог чувствовать себя легко.

Иисус был убит не иудеями; он был убит посредственным умом. В случае Иисуса случилось так, что это оказался иудейский посредственный ум. То же самое произошло с Буддой. Индуисты не простили Будду, хотя он был величайшим из всех индуистов. Он был настолько чистым индуистом, насколько это возможно, он был самой квинтэссенцией индуизма. Он претворил в реальность то, о чем говорили Упанишады. Он был утолением величайшей жажды этой страны, но был вырван отсюда с корнем, он был выброшен отсюда.

Буддизм в Индии исчез, не осталось и следа — совершенно смыт. Почему? Он был очень уважаем в

Тибете, Китае, Корее, Японии, Тайланде, Бирме, Шри Ланке. Вся Азия любила этого человека, настолько уникально его учение, настолько полны его слова. Но Индия просто забыла о нем — индийский посредственный ум. Это никак не связано с Индией — но снова с посредственным умом. Посредственный ум никогда не позволяет существовать гению; посредственный человек счастлив с другими посредственными людьми. Глупые люди довольны своими глупыми лидерами. Чем более лидер глуп, тем больше людей довольны им — потому что он настолько похож на них.

Я слышал:

В приют для душевнобольных назначили нового смотрителя. Прежний смотритель сдавал свою должность, он уходил на пенсию, и для того, чтобы отблагодарить прежнего смотрителя за всю его службу и познакомить нового с его подопечными была устроена небольшая вечеринка. Собрались все сумасшедшие.

Прежний смотритель был немного озадачен; он никогда не видел их такими счастливыми. Все сумасшедшие были так счастливы, так радостны, что он не мог устоять перед искушением спросить их об этом — а он уходил в тот же день, поэтому он должен был спросить немедленно; иначе этот вопрос навсегда остался бы у него в уме, и он никогда не смог бы получить на него ответа.

Он спросил сумасшедших:

— Почему вы так счастливы?

— Это из-за нового смотрителя — он выглядит в точности как мы! Вы были среди

нас иностранцем, вы были нормальным. Он кажется сумасшедшим!

И это была правда — новый смотритель был почти сумасшедшим. Но сумасшедшие были очень довольны. К ним пришел кто-то, кто не будет заставлять их чувствовать себя сумасшедшими.

Такой же всегда была ситуация на Земле, — Земля это сумасшедший дом, — и когда бы ни появился нормальный человек, мы принимаем его плохо. Тысячи людей пришли к Будде, чтобы спросить: «Что есть Бог? Где Бог?» И особенно брамины, пандиты, ученые, те, кто был хорошо информирован о писаниях, они приходили к нему и спрашивали: «Верить ли ты в Бога? Дай определение своей веры, объясни свою концепцию».

И Будда снова и снова настаивал: *Как может обеспокоенный ум понять путь?* Обычно он говорил: «Пожалуйста, не спрашивайте о Боге. Вы спрашиваете о Боге, как слепой спрашивает о том, что такое свет — этого нельзя объяснить. Я врач», — настаивал он, — «я могу излечить ваши глаза, я могу снова вернуть вам зрение. И тогда вы сможете увидеть сами, вы должны сами увидеть этот свет. То, что я вижу свет, не поможет вам. Возможно, я вижу свет, возможно, я могу даже описать его, но это не даст вам никакого представления о том, что это такое».

Фактически, нет никаких возможных способов объяснить слепому человеку, что такое свет. Свет это опыт, свет экзистенциален, необъясним. А Бог это высший свет, свет всего света, свет, стоящий за всем светом, источник всего света. Как может быть объяснен Бог, если вы слепы?

Поэтому Будда никогда не говорил о Боге. А пандиты и брамины возвращались в свои родные места,

распространяя слухи: «Этот человек не отвечает на вопросы, потому что он не знает; в противном случае, почему бы просто не сказать да или нет? Мы задали такой простой вопрос, верит ли он в Бога? Он мог бы сказать да или нет — если он знает, ответ прост. Но он говорит обиняками; мы спрашиваем о Боге, а он рассказывает притчи. Он говорит: «Как можно это сказать? Как можно это объяснить?» В действительности, он не знает. В действительности он замаскированный атеист; он обманывает людей, развращает людей».

Индуисты сочинили о Будде очень хитрую историю. Они говорят, что Бог создал мир, и одновременно он создал ад и небеса — ад для тех, кто должен быть наказан, и небеса для тех, кто должен быть вознагражден за свои добродетели. Но случилось так, что тысячи лет прошли, но ни один человек не попал в ад, потому что никто не совершал грехов. Конечно, Дьявол очень устал от этого бесконечного ожидания — нет работы, нечего делать! Ни поступило ни единой души!

Очень злой, он приблизился к Богу и сказал:

— Зачем ты создал этот ад, для чего? И зачем ты заставил меня отвечать за него? Мы устали, весь мой персонал устал. Никто никогда не попадает к нам. Мы открываем лавку, сидим целый день, и ни единого клиента! Наши двери открыты — ни одна душа не входит. Какой смысл? Пожалуйста, освободи нас от этой работы.

Бог ответил:

— Почему ты не пришел раньше? Я совершенно забыл об этом. Я все устрою. Вскоре я буду рожден в мире как Гаутама

Будда, и я буду развращать умы людей. Я настолько развращу их умы, что у тебя соберутся толпы. Иди обратно в ад и просто жди.

Именно так и случилось. Как говорит эта история, Бог пришел в мир в образе Гаутамы Будды, развратил умы людей, разрушил их суеверия, искоренил их традиции, потряс их веру, создал у них в умах сомнение и подозрения. С тех пор ад так переполнен, что Дьявол снова и снова говорит Богу:

— Остановись! Пожалуйста, остановись! Мы устали, так много людей! Мы работаем круглые сутки изо дня в день; даже ночью мы не можем закрыть двери. Люди постоянно приходят!

Очень коварная история. Видите ли вы в ней тонкую хитрость? В определенном смысле Будда признан *аватарой* Бога. В этом отношении индуисты хитрее иудеев. Они просто отрицали, что Иисус — Сын Божий, они отвергли Иисуса. Индуисты в этом отношении более искусные люди, более блестящие, более культурные — несомненно, более древняя цивилизация. И чем древнее цивилизация, тем она коварнее.

Вы видите хитрость: Будда принят как десятое воплощение Бога, и в то же время, Бог воплощается в нем, чтобы развращать умы людей. Поэтому, хотя Будда и Бог, остерегайтесь, не слушайте его! Вы видите стратегию, трюк? Они не отрицают божественность Будды — фактически, почти невозможно отрицать божественность Будды.

Х. Г. Уэллс сказал, что Гаутама Будда парадоксален: самый безбожный человек, и, в то же время, самый

божественный. Он никогда не говорил о Боге; он никогда не говорил людям верить в Бога. Бог просто отсутствует в его учении. Это не необходимая гипотеза, она не нужна. Самый безбожный и, в то же время, самый божественный... кажется, никто так не божественен, никто так не изящен, как Будда — просто цветок лотоса, чистейшее сознание, которое только можно себе представить, свежее, как капли росы в утреннем солнце.

Они не могли этого отрицать, им пришлось принять божественность Будды. Но они не могли принять его подход, потому что, если бы они приняли его подход, он разрушил бы все устои их религии, всю организацию. Он отнимает все верования; фактически, он делает очень важным, очень существенным то, что человек верований никогда не будет способен узнать. Он не подразумевает, что вы должны стать неверующим, потому что неверие это то же самое верование, но отрицательное. Не будьте ни верующим, ни неверующим.

У Будды подход агностика. Он ни теист ни атеист — он исследователь. И он хочет, чтобы вы остались открыты для исследования. Идите без предрассудков, идите без готовых идей — потому что, если вы идете с определенной идеей, вы будете проецировать эту идею на реальность. И если какая-то идея глубоко укоренена в вашем уме, вы увидите, что эта идея воплощается в реальности, и это будет галлюцинацией, спроецированным вами сном. Вы должны идти совершенно пустым. Если вы действительно хотите знать истину, вы должны быть абсолютно пустым, вы не должны нести с собой никаких идей, никаких идеологий; вы должны быть обнаженным, голым, пустым. Вы должны действовать из состояния незнания. Состояние незнания есть состояние удивления.

Есть одно очень древнее высказывание Иисуса; оно не записано в Библии, но сохранено суфиями. Суфии сохранили множество прекрасных высказываний Иисуса. Это высказывание так замечательно важно, что можно только удивляться, почему оно не записано в Библии, но, если поразмыслить над этим, причина ясна.

Вот это высказывание: Блаженны те, кто удивляется, потому что их есть Царство Небесное. Блажен тот, кто удивляется. Этого нет в Библии. Почему? — потому что Библия хочет создать определенную религию, определенную секту; она хочет пропагандировать определенную идеологию. А человек удивления должен отбросить все идеологии.

Блажен тот, кто удивляется, потому что только в удивлении вы можете быть подобны ребенку, невинны. И лишь в этой невинности вы познаете то, что есть. *Как может обеспокоенный ум понять путь?*

Поэтому, когда к Будде приходил человек и задавал вопросы, — великие вопросы о жизни и смерти, — Будда говорил: «Жди, медитируй. Сначала позволь своему обеспокоенному уму перестать быть обеспокоенным. Позволь стихнуть этой буре в своем уме. Позволь прийти молчанию, и это молчание даст тебе глаза. Я могу тебе показать путь к тому, как быть молчаливым, и тогда тебе не нужно будет ничье руководство. Когда ты в молчании, ты будешь способен увидеть путь, ты будешь способен достичь цели».

А наши умы действительно обеспокоены. В них тысяча и одно беспокойство. Во-первых, каждый в той или иной мере находится в состоянии шизофрении; различие лишь в степени. Каждый расщеплен, потому что это было стратегией религиозных и политических эксплуататоров: если раздвоить человека, не позволить ему быть цельным, он останется рабом. Дом, разделенный и настроенный против самого себя, неизбежно

не будет крепким. Поэтому вас учили бороться с телом; это стратегия разделения, раздвоения вас. «Борись с телом, тело твой враг. Именно тело тянет тебя в ад. Борись, будь с ним на ножах! Борись днем и ночью! Борись многие жизни! Лишь тогда однажды ты сможешь его победить. И, пока ты не победишь тело, ты не войдешь в мир Бога».

Из столетия в столетие людей учили этой чепухе. И в результате каждый разделен, каждый против своего тела. А если вы против своего тела, проблемы неизбежны. Вы будете бороться со своим телом, а вы и ваше тело это одна энергия. Тело это видимая душа, а душа — невидимое тело. Тело и душа не отдельные, они — части друг друга, они — части одного целого. Вы должны принять тело, вы должны любить тело, вы должны уважать тело, вы должны быть благодарны своему телу. Лишь тогда вы достигнете определенной целостности, произойдет кристаллизация; в противном случае, вы останетесь в беспокойстве. Тело не оставит вас так легко; даже после сотен жизней борьба будет продолжаться. Вы не можете победить тело.

Я не говорю, что тело не может быть завоевано, имейте в виду, но вы не можете победить тело. Вы не можете победить его, будучи враждебным к нему. Вы можете завоевать его, лишь если вы дружелюбны, если вы любите, уважаете его, если вы доверяете ему. Вот в точности весь мой подход: тело это храм, вы — божество в храме. Храм защищает вас, укрывает вас от дождя, ветра, жары. Он у вас на службе! Почему вы должны бороться? Это так же глупо, как если бы водитель боролся с машиной. Что получится, если водитель будет бороться с машиной? Он уничтожит машину, и, борясь с ней, уничтожит себя. Машина это прекрасный транспорт, она позволяет вам совершать дальние путешествия.

Тело это самый сложный в существовании механизм. Оно просто удивительно! — и блаженны те, кто удивляется. Начните чувствовать удивление перед своим телом, потому что оно ближе всего к вам. Через тело природа ближе всего подходит к вам, бог ближе всего подходит к вам. В вашем теле — вода океанов, в вашем теле — огонь звезд и солнц, в вашем теле — воздух, ваше тело создано из земли. Ваше тело представляет все существование, все его стихии. Какое преображение! Какое превращение! Посмотрите на землю и на свое тело — какое превращение, и вы никогда не удивлялись этому! Пыль становится божеством — возможна ли величайшая тайна? Каких еще чудес вы ждете? Каждый день вы видите, как происходит это чудо. Из грязи появляется лотос... из праха появляется наше прекрасное тело. Такой сложный механизм, действующий так слаженно — бешумно. Это действительно сложно.

Ученые создали очень сложные машины, но они — ничто в сравнении с телом. Самый изощренный компьютер это лишь игрушка в сравнении с внутренним механизмом тела. И вас учили бороться с ним. Это создает раздвоение, это делает вас беспокойным, это удерживает вас в состоянии постоянной гражданской войны.

И из-за того, что вы боретесь с собой, — что предельно глупо, — ваша жизнь становится все менее и менее разумной и все более и более глупой. И тогда вы хотите великих преобразований — вы хотите отбросить ревность, вы хотите отбросить гнев, вы хотите, чтобы в вас не было жадности. Это невозможно! Начав с такого непонимания, как вы можете создать пространство, в котором происходит преображение, в котором гнев становится состраданием, в котором ненависть становится любовью, в котором жадность становится щедростью, в котором секс становится самадхи? Как вы можете надеяться, как вы можете ожидать таких

великих превращений в таком обеспокоенном состоянии?

Самое основное, что должно быть отброшено, это разделение; вы должны стать единым. Будьте единым, и тогда возможно все остальное; возможно даже невозможное.

Как может обеспокоенный ум понять путь?

Этот путь очень простой и прямой. Даже ребенок может понять его. Он прост, как дважды два четыре, или даже проще. Он прост, как песня птицы, он прост, как роза — простой и красивый, простой и поразительно величественный. Но лишь не обеспокоенный ум может понять его, лишь не обеспокоенный ум обладает способностью увидеть его; в противном случае вы будете жить в жадности и в гневе, вы будете жить в ревности и собственничестве, вы будете жить в ненависти. Вы можете притвориться, вы можете стать на поверхности святым, но глубоко внутри вы останетесь грешником. А величайший грех — это разделять себя. Величайший грех совершается не против других, он всегда совершается с самим собой. Это состояние самоубийства — когда вы создаете это разделение между своим телом и собой. Осуждая тело, вы можете стать лишь лицемером, вы можете жить лишь жизнью притворщика.

В купе первого класса две хорошо одетые дамы обсуждают наряды; молодой человек в углу притворяется спящим. Одна из женщин говорит, что одежда нынче дорога до невозможности; ее подруга предлагает ей последовать ее примеру и завести себе друга на стороне:

— Он будет давать тебе пять сотен в месяц в качестве маленького подарка — чего ты никогда не дождешься от мужа.

— Но что если я не смогу найти друга с пятью сотнями долларов?

— Тогда заведи себе двух — по двести пятьдесят с каждого.

Джентльмен вмешивается:

— Послушайте, дамы, я собираюсь заснуть. Разбудите меня, когда дело дойдет до двадцати баксов!

Люди притворяются всеми возможными способами. Человек, притворяющийся святым, может быть прямой противоположностью, человек, притворяющийся пробужденным, может быть спящим, а человек, притворяющийся спящим, может быть пробужденным... всевозможное притворство... потому что общество создает такой контекст, который позволяет вам либо жить жизнью отверженного, жизнью преступника, либо жить жизнью лицемера, притворщика. Общество дает вам лишь две возможности: либо быть честным и преступником, либо быть нечестным и уважаемым. Оно не даст вам третьей возможности. Почему оно не даст вам третьей возможности? — потому что третья возможность создает Иисуса, Будду, Кришну, а их присутствие заставляет толпу чувствовать себя очень посредственной, оскорбленной, униженной.

Поэтому, пожалуйста, не судите о людях по тому, как они выглядят. Более вероятно, — почти на девяносто девять и девять десятых процента, — что глубоко внутри они не то, чем кажутся на поверхности. Вы не можете знать этого наверняка; я говорю, почти наверняка, потому что вы можете ошибиться лишь на одну десятую процента — это немного. Лишь изредка вы сталкиваетесь с Буддой, с тем, чей внешний вид соответствует внутреннему; в противном случае вы сталкиваетесь с

людьми, которые на поверхности одно, а внутри — другое. Не обманывайтесь внешним видом.

Актриса познакомилась с безработным бродягой и привела его к себе домой, потому что, как она слышала, если у мужчины большой размер ботинок, это значит, что у него большой член. Накормив его сильно перченым бефштексом и напоив пивом, она потащила его в постель.

Проснувшись в одиночестве на следующее утро, он обнаружил на камине десятидолларовую банкноту и короткую записку: «Купи себе ботинки по размеру!»

Именно так мы постоянно судим... по наружности. Фактически, поскольку мы даже не знаем, что внутри у нас самих, как мы можем судить о том, что внутри у других людей? Мы не знаем искусства смотреть вовнутрь. Сначала вы должны практиковать это искусство по отношению к самим себе. Сначала вы должны войти в свое внутреннее пространство, в свой внутренний мир. Вы должны проникать глубже и глубже в свое сознание, к самому его центру. Как только вы проникаете в центр своего существа, вы становитесь способны видеть центр существа любого другого человека. Тогда никто не может обмануть вас, потому что тогда вы видите не наружность — вы видите реальность.

Как может обеспокоенный ум понять путь?

Обеспокоенный ум ничего не может понять. Это не то состояние, в котором возможно понимание. Понимание не значит знание. Обеспокоенный ум может стать очень знающим, — вы можете пойти в университеты и увидеть профессоров, очень знающих, — но они гораздо более обеспокоены, чем вы, они пребывают

в большем внутреннем конфликте, чем вы. Их знание совершенно не помогает им. Знание никогда никому не помогает, оно лишь обременяет. Оно придает вам респектабельность, уверенность. Это великое путешествие эго, эго раздувается от важности; но чем сильнее раздуто эго, тем более вы обеспокоены, потому что эго есть ложное явление. А когда вы слишком привязываетесь к ложному, вы начинаете утрачивать контакт с реальным. Когда ваши корни начинают расти в ложное, вы забываете о том, чтобы укорениться в реальном.

Человек знания так же бессознателен, как и вы. Невежественный и знающий находятся в одной лодке; они попутчики. Различие между ними только в информации — что совершенно безразлично; это безразличное различие. Возможно, я знаю лишь некоторые вещи, вы можете знать немного больше, кто-то другой может знать тысячу и одну вещь, а кто-то третий может быть просто ходячей Британской Энциклопедией — это совершенно безразлично.

Будда не человек знания, он человек понимания — не полный информации, но полный прозрения. Полный видения, не мыслей — полный ясности, зеркальной ясности и великой осознанности.

Вы движетесь как сомнамбула, как лунатик. Вы не знаете, что вы делаете, вы не знаете, почему вы это делаете; вы не знаете, куда вы идете, вы не знаете, почему вы идете. Ваша жизнь случайна, а случайная жизнь есть бессознательная жизнь — она подобна жизни робота.

Человек, пришедший с женой в театр, во время антракта пошел в туалет, но ошибся дверью и оказался в саду. Так как в саду было очень чисто, он вынул цветок из горшка, воспользовался горшком и водворил цветок на место.

Когда он вернулся в зал, следующий акт уже начался.

— Что уже произошло в этом акте? — спросил он у жены шепотом.

— Тебе следовало бы знать, — ответила она холодно. — Ты же был на сцене!

Человек живет в бессознательном. Он не осознает, совершенно не осознает. Вы можете понаблюдать за любым человеком, вы можете понаблюдать за собой, и постепенно вы увидите столько несознательных действий — почти невероятно, как вы жили до сих пор. Вы можете совершенно без причин! И когда вы поймаете самого себя на лжи с поличным, вы будете удивлены: почему, прежде всего, вы лжете? — поскольку для этого совершенно нет причин, вы от этого ничего не выигрываете. Просто привычка, механическая привычка. Вы становитесь печальны совершенно без причины.

Сейчас есть некоторые исследователи, которые говорят, что вы можете создать календарь своих настроений, и я нахожу эти исследования важными — вы действительно можете создать календарь своих настроений. Просто продолжайте записывать в течение одного месяца: как вы себя чувствуете в понедельник утром, днем, вечером, ночью... по меньшей мере, восемь раз в день, продолжайте ежедневно отмечать, как вы себя чувствуете, в точности в одно и то же время. И через три или четыре недели вы удивитесь тому, что каждый понедельник в одно и то же время вы чувствуете в точности то же самое.

Причиной не могут быть никакие внешние обстоятельства, потому что в каждый понедельник обстоятельства меняются. Это нечто внутреннее — хотя вы и найдете внешние поводы, потому что никто не хочет быть ответственным за собственные несчастья.

Человек чувствует себя хорошо, если за его несчастья ответственны другие. И вы можете найти поводы, вы можете их избобрести, если их нет.

В этом люди становятся очень творческими. Фактически, все их творчество состоит в создании поводов: «Почему я печален?» — и вы можете найти тысячу и одну причину. Жена что-то сказала, дети ведут себя плохо, соседи, начальник на работе, транспорт, цены поднимаются... вы можете найти тысячу и одну вещь; поводы всегда есть вокруг. Вы можете выкрасить весь мир в черный цвет, сделать его мрачным, и тогда вам будет легко — вы не ответственны за то, что вы печальны.

Но в том же самом мире во вторник утром вы чувствуете себя очень бодрым, радостным, сияющим — и снова вы находите поводы: «Прекрасное утро, солнце, птицы, деревья и небо, все так наполнено светом — какое прекрасное утро!» Вы можете найти поводы для всех возможных настроений, но если вы будете вести дневник от трех до восьми недель, вы будете действительно потрясены: почти все зависит от вас. В вас есть внутреннее колесо, которое продолжает вращаться, и одни и те же спицы оказываются наверху снова и снова.

Да, существуют внешние обстоятельства, но они — не повод, самое большее, они — выключатель. Определенное настроение, которое неизбежно должно прийти, включается определенным обстоятельством. Если бы не было этого обстоятельства, тогда роль выключателя играло бы что-нибудь другое — но оно неизбежно было бы включено.

Люди, жившие в изоляции, осознали этот факт. Будда обычно посылал своих учеников жить в одиночестве. В новой коммуне у нас будут подземные пещеры, и я смогу послать вас туда провести месяц в изоляции, в

абсолютной изоляции. Вы исчезаете из мира, и вы не можете обвинять никакие внешние обстоятельства, потому что снаружи ничего нет... вы и стены пещеры. Вы будете удивлены: в один день вы счастливы, в другой — несчастны, когда-то вы чувствуете жадность, когда-то вы чувствуете гнев, хотя нет никого, кто бы вас оскорблял, раздражал. Однажды вы обнаружите, что вы лжете самому себе, потому что вы не можете найти никого другого.

— Разрешите угостить вас коктейлем?
— спросил он, чтобы завязать беседу.

— Нет, спасибо, — ответила она, — я не пью.

— А как насчет небольшого ужина в моей комнате?

— Нет, я не думаю, чтобы это было правильно, — сказала она.

Не найдя успеха в более тонком подходе, молодой человек взял быка за рога:

— Я очарован вашей свежестью и красотой, мадемуазель, и готов на все, чего бы ни пожелало ваше сердце, если вы проведете со мной ночь.

— Нет, нет, мсье, я на это не способна.

— Скажите, — смеясь, сказал молодой человек, — вы когда-нибудь делаете что-нибудь хоть чуточку неправильное?

— Да, — сказала французская девушка, — я говорю неправду.

Понаблюдайте, сколько раз в день вы говорите неправду, — и совершенно без причины, — сколько раз вы совершенно без причины злитесь, и тогда вы увидите, что вы живете во внутреннем мире, в своем собственном

субъективном мире. Понимание означает понимание действия этих основ жизни. И если вы понимаете эти основы, трансформация легка. Фактически, само понимание становится трансформацией.

Как может обеспокоенный ум понять путь?

Если человек встревожен,

Он никогда не будет полон знания.

Слово «знание» не означает то, что вы подразумеваете под знанием. Когда Будда использует слово «знание», он подразумевает мудрость, не информацию; он подразумевает познание, не знание.

Если человек встревожен... если он в конфликте, в замешательстве, в разделении, во внутренней раздвоенности, если внутри человека толпа... *он никогда не будет полон мудрости.*

Мудрость требует единства, мудрость требует интеграции, мудрость требует кристаллизации осознанности, наблюдательности, наблюдения за своими действиями, настроениями, мыслями, эмоциями... наблюдения за всем, что происходит в вашем внутреннем мире. Когда вы просто наблюдаете это, начинаются чудеса. Если вы начинаете видеть, что вы лжете совершенно без причины, само это осознание становится препятствием. В следующий раз, когда вы будете на грани того, чтобы солгать, внутренний голос скажет вам: «Наблюдай, остерегайся — ты снова попадешь в эту ловушку». В следующий раз, когда вы становитесь печальны, что-то внутри вас заставит вас быть начеку, разбудит вас.

Это путь преобразования вашей энергии — *аэс дхаммо санантано. Аэс магго вишуддхья* — это путь очищения, это вечный закон трансформации.

*Безмятежный ум,
Больше не ищущий размышления
О правильном и неправильном,
Ум за пределами суждений —
Наблюдает и понимает.*

Вот первое требование к саньясину: *Безмятежный ум, больше не ищущий размышления о правильном и неправильном...*

Чрезвычайно важное и революционное утверждение. Будда говорит: Не размышляйте о том, что правильно, а что неправильно, потому что, если вы размышляете о том, что правильно, а что неправильно, вы станете разделенным, вы станете лицемером. Вы будете притворяться тем, что правильно, а делать неправильное. В то мгновение, когда вы размышляете о том, что правильно, а что неправильно, вы привязываетесь, вы отождествляетесь. Вы, конечно, отождествляетесь с правильным.

Например, вы видите на обочине дороги банкноту в сто рупий; возможно, она выпала из чьего-то кармана. Возникает вопрос: Взять ее или нет? Одна часть вас говорит: «Взять ее будет совершенно правильно. Никто не видит, никто никогда ничего не заподозрит. Ты ее не крадешь — она просто здесь лежит! Если ты не возьмешь ее, в любом случае, ее возьмет кто-то другой. Зачем ее оставлять? Это совершенно правильно!»

Но другая часть говорит: «Это неправильно — эти деньги не принадлежат тебе, они не твои. В определенном смысле, в косвенном смысле, это воровство. Ты должен сообщить в полицию, или, если ты не хочешь беспокоиться, просто иди дальше, забудь об этом. Не оглядывайся. Это жадность, а жадность это грех!»

Эти два ума здесь. Один говорит: «Это правильно, возьми ее», другой говорит: «Это неправильно, не бери ее». С каким умом вы собираетесь отождествиться? Конечно, вы отождествитесь с тем умом, который говорит, что это безнравственно, потому что это более удовлетворяет эго. «Ты нравственный человек, ты необыкновенный; любой другой взял бы сто рупий. В такие трудные времена люди не заботятся о таких тонкостях». Вы отождествитесь с нравственным умом. Но очень вероятно, что вы возьмете банкноту. Вы отождествитесь с нравственным умом, вы отречетесь от того ума, который хочет взять банкноту. Вы осудите его глубоко внутри; вы скажете: «Это неправильно — это грешная часть меня, низшая, достойная осуждения». Вы отстранитесь от нее. Вы скажете: «Я был против нее. Это мой инстинкт, это мое бессознательное, это мое тело, это мой ум убеждал меня сделать это; я знаю, это было неправильно. Я — тот, кто знает, что это неправильно».

Вы всегда отождествляетесь с правильным, моралистическим подходом, вы отстраняетесь от аморального действия — хотя и совершаете его. Таким образом возникает лицемерие.

Блаженный Августин сказал в своих исповедях: Господи, прости меня, потому что, я знаю, я продолжаю делать вещи, которых не должен делать, и не делаю вещей, которые я должен делать.

Возникнет конфликт, таким образом человек становится озабоченным. Поэтому Будда дает вам тайный ключ. Этот ключ может помочь вам выбраться из всех отождествлений: не отождествляйтесь с моральным умом — потому что и он является частью ума. Это та же самая игра: одна часть говорит, что это хорошо, другая — что это плохо; тот же прежний ум создает в вас конфликт. Ум всегда дуален. Ум живет в полярных

противоположностях. Он любит и ненавидит одного и того же человека; он и хочет совершить какое-то действие и не хочет его совершать. Это конфликт, ум это конфликт. Не отождествляйтесь ни с одним из них.

Будда говорит: Станьте просто наблюдением. Увидьте, что одна часть говорит одно, другая — другое. «Я ни то ни другое — *нет* *нет*, ни это ни то — я просто свидетель». Лишь тогда есть возможность того, что возникнет понимание.

Безмятежный ум, более не ищущий размышления о правильном и неправильном, ум за пределами суждений — наблюдает и понимает.

Идти за пределы суждений о хорошем и плохом — вот путь наблюдения. И именно в наблюдении случается трансформация. В этом заключается разница между нравственностью и религией. Нравственность говорит: «Выбери правильное и отвергни неправильное. Выбери хорошее и отвергни плохое». Религия говорит: «Просто наблюдай и то, и другое. Ничего не выбирай. Оставайся в невыбирающем сознании».

Религия очень, очень отличается от морали. Мораль очень ординарна, повседневна, посредственна; мораль не может привести вас к предельному, это не путь божественного. Мораль это лишь социальная стратегия. Именно поэтому одна и та же вещь хороша в одном обществе и плоха в другом, что-то считается хорошим в Индии и плохим в Японии. Что-то может быть хорошим сегодня и стать неправильным завтра. Мораль это побочный продукт общества, это социальная стратегия контроля. Это полицейский у вас внутри, судья у вас внутри — это трюк общества, направленный на то, чтобы загипнотизировать вас в соответствии с определенными концепциями, которые общество хочет навязать людям. Поэтому, если вы рождены в вегетарианской семье, не-вегетарианцы — величайшие из грешников.

Один джайнский монах однажды сказал мне: «Я люблю ваши книги, но почему вы упоминаете Иисуса, Мухаммеда и Рамакришну наравне с Махавирой? Вам не следует ставить их в один ряд. Махавира есть Махавира — как можно сравнивать его и причислять к одной категории с Иисусом, Мухаммедом и Рамакришной!»

Я сказал: «Почему бы нет?»

«Иисус пьет вино, ест мясо — можно ли совершить больший грех?»

Мухаммед ел мясо и был женат на девяти женщинах! Ему следовало отвергнуть женщину — и не только одну, девять! Совершенное число. Фактически, больше нет чисел; девять это последнее число, за ним все повторяется снова...

«Мухаммед был женат на девяти женщинах, он ел мясо — как вы можете сравнивать Мухаммеда с Махавирой? Как можно сравнивать Рамакришну с Махавирой? Он обычно ел рыбу».

Все бенгальцы едят рыбу.

Его единственная критика моих книг заключалась в том, что я поставил этих людей рядом.

Спросите христианина... Однажды я спросил христианского миссионера: «Что вы скажете об этом джайнском монахе? Он сказал то-то и то-то... у вас есть возражения?»

Он ответил: «Конечно! Как вы можете ставить Иисуса рядом с Махавирой? Иисус жил для человечества, пожертвовал собой ради человечества — а что сделал Махавира? Махавира совершенно эгоистичен, он думает только о своем спасении. Он не заботится о других! Он никогда не излечивал слепых, он никогда не воскрешал мертвых. Он просто медитировал двенадцать лет в горах, в лесах — может ли быть больший эгоизм?... А мир страдает, люди в такой боли, но он не пришел их утешить.

Может ли быть большая роскошь? Просто медитировать, сидя на берегу реки в лесу — может ли быть большая роскошь! Иисус пожертвовал собой — он жил и умер ради других. Вся его жизнь была не чем иным, как сущей жертвой. Как вы можете ставить Иисуса рядом с Махавирой?»

И он также кажется правым. Как вы можете решить? Будда никогда не излечивал больных, слепых, глухих, немых — он просто медитировал. Это кажется эгоистичным! Ему следовало бы открыть больницы, или, по меньшей мере, школы; он должен был распространять лекарства, он должен был идти туда, где были наводнения, и служить людям... он никогда не делал ничего подобного. Что это за духовность? В глазах христианина это чистый эгоизм.

Кто же из них прав? И кто может об этом судить? Мы живем согласно своим предрассудкам.

Джайнский монах неправ, христианский миссионер неправ, потому что оба они судят — а судить неправильно. Иисус есть Иисус — он живет по-своему. Будда есть Будда — он живет по-своему. Уникальные личности, уникальные выражения божественного. Ни один из них не копия другого, ни один из них не должен быть копией другого. И это прекрасно, что в мире есть разнообразие. Если бы были только Иисусы, Иисусы и Иисусы, они выглядели бы как машины Форда, выходящие с конвейера — каждую секунду появляется новая машина Форда, такая же, в точности такая же как и прежняя. Прекрасно, что Иисус один, единственный и неповторимый. И прекрасно то, что Будда — единственный и неповторимый.

Подход действительно религиозного человека лишен суждений. Моралист не может избежать суждений, он становится судьей. И этот джайнский монах, обыкновенный человек, глупец, готов судить Иисуса,

Рамакришну, Мухаммеда. Он ничего не знает, ничего не понимает, он никогда не медитировал — он еще не узнал себя. Именно поэтому он пришел ко мне.

Он пришел ко мне, чтобы понять, что такое медитация и как медитировать. Медитация еще не случилась, но суждения уже есть — и он готов судить даже такого человека как Иисус, и он даже не стыдится того, что он делает, он не стесняется, он очень высокомерен. И то же самое с христианским миссионером! Он не знает ничего о медитации, он не знает, что делал Махавира, что делал Будда. Он ничего не знает о тонких путях, которыми действует Будда. Само то, что он стал просветленным, есть величайшее возможное служение человечеству — нельзя сделать ничего большего. Конечно, он не излечивал физических глаз, но этот человек излечил тысячи духовных глаз — вот настоящая служба! Он заставил тысячи людей слушать, слышать, понимать — вот настоящее служение.

Но этот христианский миссионер, из-за того, что он содержит начальную школу и больницу, думает, что он обладает авторитетом чтобы судить. Моралист всегда судит, религиозный человек никогда не судит. Он живет в не-судящем сознании.

Ум за пределами суждений наблюдает и понимает. Он просто наблюдает и понимает. Если бы Будда встретил Иисуса, он бы понял, если бы Иисус встретил Махавиру, он бы понял. Просто наблюдение, видение — и случается понимание.

Знай, что твое тело — хрупкий сосуд,

И сделай ум своим храмом.

Под «умом» Будда подразумевает сознание. Под «умом» Будда подразумевает Ум с большой буквы — не

тот обыкновенный ум, который есть у вас, но Ум, который случается, когда исчезли все мысли, когда ум совершенно пуст от мыслей. Сделайте Ум своим храмом, потому что тело умрет — не зависьте от него.

В любых испытаниях

Позволь пониманию сражаться за тебя,

Чтобы защитить завоеванное тобой.

И помните это постоянно, потому что долга борьба, тяжело путешествие. Много раз вы падете и забудете, много раз вы начнете судить. Много раз вы будете отождествлять себя с тем или другим, много раз эго будет снова и снова утверждать себя. Когда утверждает себя эго, когда случается отождествление, когда возникает суждение, немедленно вспомните: наблюдайте, просто наблюдайте, и появится понимание.

Понимание есть секрет трансформации. Если вы можете понять гнев, тотчас же на вас изольется сострадание. Если вы можете понять секс, тотчас же вы достигнете самадхи. «Понимание» — самое важное слово, которое нужно запомнить.

Ибо вскоре — тело отброшено,

Тогда — что оно чувствует?

Бесполезным бревном лежащее на земле,

Тогда — что оно знает?

Не зависьте от тела и не оставайтесь привязанным к телу. Используйте его, уважайте его, любите его, заботьтесь о нем, но помните: однажды вам придется его оставить. Это лишь клетка, и она останется позади, когда улетит птица. Прежде чем это произойдет,

позаботьтесь и о птице. Очистите свое сознание, потому что оно останется с вами. Ваше понимание останется с вами, не ваше тело.

Поэтому не тратьте слишком много времени на то, чтобы украшать его косметикой, одеждой, драгоценностями — не тратьте слишком много времени на тело, потому что тело принадлежит земле, и земля потребует его обратно. Прах во прах. Вы не принадлежите земле, вы принадлежите чему-то запредельному, чему-то неведомому. Ваш дом в неведомом, здесь вы лишь гость. Наслаждайтесь этим визитом и используйте его, как только возможно, для роста в понимании и зрелости, чтобы вы могли взять с собой домой свою зрелость, свое понимание, свою мудрость.

Злейший враг не повредит тебе сильнес

Мыслей, оставленных без охраны.

Когда мысли оставлены без охраны, без наблюдения, ум — ваш злейший враг.

Но если ты овладел ими,

Никто так не поможет тебе,

Даже отец и мать.

Но тот же самый ум, если вы овладели им — путем наблюдения, медитацией — трансформирован. Он становится величайшим другом. Никто не может лучше помочь вам.

Ум это лестница: неохраняемая, она уносит вас вниз, охраняемая, она возносит вас вверх. Одна и та же лестница! Ум это дверь: неохраняемая, она выводит вас наружу; охраняемая, она приводит вас вовнутрь. Один

и тот же ум, неохраняемый, становится гневом, ненавистью, ревностью; охраняемый, он становится состраданием, любовью, светом.

Будьте наблюдательны, будьте пробуждены, будьте начеку, будьте лишены суждений. Не будьте моралистом: создайте религиозное сознание. Под «религиозным сознанием» подразумевается невыбирающая осознанность. Пусть это выражение глубоко погрузится в ваше сердце: невыбирающая осознанность. В этом сама суть учения Будды — *азс дхаммо санантано*.

На сегодня достаточно.

Глава 2
Ией до дна и панцуй!

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Не расскажешь ли Ты еще о новой фазе Твоей работы? Шри Рамакришна, Шри Рамана и даже Джидду Кришнамурти кажутся односторонними. Удалась ли Гурджиеву попытка создания многомерного подхода? В чем причина того, что его так часто понимали неправильно?

Аджит Сарасвати, более чем естественно быть непонятым, если ты действительно хочешь помочь людям. Если ты не хочешь им помочь, ты никогда не будешь непонят — они будут поклоняться тебе, они будут восхвалять тебя. Если ты только говоришь, они не боятся тебя. Тогда ты не касаешься их жизни.

Прекрасно знать сложные теории, системы мысли. Это помогает их эго, это питает их эго — они становятся более знающими. Каждый стремится быть более знающим. Это тончайшее питание для эго.

Но если ты действительно хочешь им помочь, тогда возникает проблема. Тогда ты начинаешь вызывать перемены в их жизни, тогда ты начинаешь вторгаться в их эго; тогда ты начинаешь вмешиваться в действие их механизмов и привычек, приобретенных за многие и многие столетия. Тогда ты создаешь антагонизм: они боятся тебя, они к тебе враждебны. И они будут стараться всеми возможными способами понять тебя неправильно, истолковать тебя неправильно.

Одномерные люди — прекрасные цветы, но их польза невелика. Кришнамурти говорил сорок лет, или даже больше, и люди слушали его. Одни и те же люди слушали его сорок лет... и их сознание не изменилось

ни на йоту. Конечно, они стали более знающими, более убедительными, более логичными. Если вы обсуждаете что-либо с ними, — а они мастера дискуссии, — они идут в самые тонкие, деликатные миры мысли. Они могут проанализировать все: осознанность, медитацию, сознание... Они стали очень умными, очень эффективными, но остались столь же посредственными, как и всегда, столь же глупыми, как и всегда, лишь с одной разницей: теперь их глупость облачена в одежды их так называемого знания, полученного ими от Джидду Кришнамурти. Кришнамурти остался лишь интеллектуальным явлением, потому что он никогда не заботился о том, чтобы войти в жизни людей. Опасно входить в жизни людей — вы играете с огнем.

Со Шри Раманой совершенно все в порядке: он сидит в молчании в своем храме, люди могут приходить, приносить цветы, поклоняться, и он просто наблюдает. Конечно, он обладает красотой и изяществом, но это односторонне, это не воздействует на жизнь во всей ее полноте. Самое больше, люди могут быть затронуты им эмоционально. Так же как Джидду Кришнамурти трогает людей интеллектуально, Шри Рамана трогает людей эмоционально.

И так же было в случае Рамакришны. Многие люди были эмоционально тронуты, и они плакали слезами радости. Но это не трансформирует вас. Эти слезы радости мгновенны; оказавшись снова дома, вы будете прежним.

Гурджиев, несомненно, пионер. С Гурджиевым начинается совершенно новая концепция духовной жизни. Фактически, он назвал ее «четвертым путем», — в точности как я называю свой путь «четвертым путем», он называет свой путь «четвертым путем». Он был чудовищно непонят, потому что он не был заинтересован в том, чтобы передать вам знание, в том, чтобы утешить

вас. Он не был заинтересован в том, чтобы снабдить вас прекрасными видениями, теориями, галлюцинациями. Он не был заинтересован в ваших эмоциях, слезах и сентиментах. Он не был заинтересован в том, чтобы вы поклонялись ему; он был заинтересован в том, чтобы трансформировать вас.

Трансформировать человека значит взять в руки молот, потому что многие части этого человека должны быть отколоты. Человек до такой степени перевернут с ног на голову, что в нем все, как оно есть, неправильно, и должно быть приведено в порядок. И он вложил столь многое в свой неправильный образ жизни, что он боится каждого, кто пытается изменить его образ жизни — не только ее периферию, но и центр — он испуган. Лишь немногие храбрецы могут войти в мир такого человека как Гурджиев. Требуется чрезвычайная храбрость, храбрость, способная умереть, потому что лишь тогда человек рождается заново.

Гурджиев был акушером. Он не был учителем, он был мастером. Кришнамурти остался учителем. Рамана остался прекрасной индивидуальностью — просветленный, он остался далекой звездой. Вы можете наблюдать, вы можете восхищаться, вы можете писать об этом стихи, но это все. Это останется далеким явлением. Вы не могли бы надеяться достичь его, расстояние было бесконечным. И с его стороны не было никаких усилий к тому, чтобы перебросить мост. Что вы могли сделать? Как могли *вы* перебросить мост? Если бы вы могли соединить себя мостом с таким человеком как Рамана, в мосте не было бы нужды. Человек таких способностей мог бы трансформировать себя сам; ему не нужен был бы мастер. Пока Рамана не пытался создать мост, мост был невозможен.

Он был отстранен, далек, холоден. Он не был вовлечен. Он знал, что все несчастье ложно. И, несом-

ненно, это так — но не для тех, кто несчастен. Пробужденный человек знает, что плачущий и кричащий во сне видит сон — это правда. Что касается пробужденного человека, это правда. Но, хотя это и сон, кошмарный сон, для крепко спящего человека это правда. И крепко спящий человек не может приложить никаких усилий к тому, чтобы соединить себя с пробужденным. Очевидно, что это невозможно. Он не может даже осознать того, что кто-то пробужден; он так вовлечен в свой кошмар. Лишь пробужденный может приложить усилие. Но беспокоить чей-либо сон, даже если это кошмарный сон, опасно. Никто не хочет, чтобы его беспокоили, никто не хочет чужого вмешательства.

У людей странные представления — спящие, идоты, но они имеют странные представления о свободе. У них нет никакой свободы; у них не может быть свободы. В своем сне они не могут позволить себе свободу. Как может быть какая-либо свобода у спящего человека? Но у них есть идеи о свободе, великие идеи о свободе, и тут вмешивается такой человек как Гурджиев. Его сострадание далеко превосходит сострадание Джидду Кришнамурти, Раманы, Рамакришны.

Рамакришна прекрасен — поющий восхваления Богу, молящийся, поклоняющийся, танцующий. Он — нечто из запредельного. Он напоминает вам, что в жизни возможно гораздо большее, чем происходящее с вами, — но это все. Посредством него вас может достичь небольшое воспоминание. Но ваша жизнь такова, что воспоминание не вызовет никакой мутации; оно будет забыто. Вы будете наслаждаться им. Снова и снова вы захотите прийти к этому человеку и увидеть, как он танцует, поет и молится... и вы почувствуете себя хорошо.

Именно это Будда называет «считанием чужих овец». Хотя это и прекрасный цветок, но, глядя на розу, вы не можете стать розой; так же как и вы не можете

стать Рамакришной, глядя на Рамакришну. Требуется великое усилие. Вам придется взобраться на гору вопреки всем опасностям.

Пока мастер не приблизится к вам, крепко спящим, пока он не потрясет ваши существа, пока он не схватит вас крепко и не вытащит из вашего невежества, это невозможно, это почти невозможно. Но будете злы на этого человека — кто хочет, чтобы его беспокоили? Человек вынужден привыкнуть к определенному образу жизни; уму всегда нравится старое, известное, знакомое. Даже если он несчастен, ум боится нового, потому что с новым вам придется учиться заново тому, как себя вести, каким быть. А кто хочет учиться? Вы так эффективны в старом, ваше эго удовлетворено старым — зачем беспокоиться?

И когда вы сталкиваетесь с таким человеком как Гурджиев, он разрушает всю ту чепуху, которую вы собрали. Он разрушает безжалостно! Иногда ему приходится говорить то, что не соответствует истине, но он вынужден говорить это просто для того, чтобы разрушить ваши идеи.

Друг спросил: «Как это возможно, что такой человек как Гурджиев, человек великого понимания, не понял идеи энергии кундалини?»

Он называл ее «кундабуфером». Он был очень против идеи кундалини. Он обычно говорил, что худшее, что может случиться с человеком, это подъем кундалини. Задавший этот вопрос, естественно, озадачен.

Но вы не понимаете, что действительно имел в виду Гурджиев. Он называл ее кундабуфером из-за всей той чепухи, которую создали в мире теософы. Они так много говорили о кундалини, змееобразной энергии, и все это было тарабарщиной; о ничем не знали о ней. Они просто фабриковали, изобретали теории и идеи. Все это было догадками.

Фактически, из ста книг, написанных о кундалини, девяносто девять — абсолютная чепуха. И те люди, которые собрались вокруг Гурджиева, прошли через все теософские философии, гипотезы, доктрины. Он разрушал их знание; он ничего не говорил против кундалини. Как он мог? Он знал это гораздо лучше, чем Блаватская, Анни Безант, Олкотт, Лидбитер — он знал это гораздо лучше всех этих людей. Эти люди были лишь специалистами по созданию доктрин, они действительно были большими специалистами. Они создали почти всемирное движение — с аурами, цветами и кундалини... новые слова из древнего духовного знания. И они создали миры, воображаемые миры вокруг этих слов.

Гурджиев был прав, называя ее кундабуфером. И он прав в том, что худшее, что может случиться с человеком, это подъем кундалини. Но всегда помните, что он обращался к своим ученикам, в определенном контексте. Он разрушал знание своих учеников об энергии кундалини — потому что первый шаг мастера состоит в том, чтобы разрушить ваше знание, потому что ваше знание в основе своей ложно, заимствованно.

Прежде чем вас можно ознакомить с истинным, нужно удалить не истинное. Иногда мастер вынужден быть очень беспощадным, иногда мастер вынужден говорить вещи, которые не соответствуют действительности. Кундалини не является ложной идеей, но, что касается девяноста девяти процентов людей, Гурджиев прав.

И сейчас снова такие люди как Гопи Кришна пишут книги о кундалини, змееобразной энергии и великой гениальности, которая приходит с ней. Этого еще не случилось с Гопи Кришной! Какой гениальностью он обладает? Самое большее и единственное, что он может представить в доказательство своей гениальности, это несколько абсолютно бездарных

стихов, таких же в точности, как пишут школьники. Всю свою жизнь он служил клерком. От его поэзии пахнет этой службой — она воняет! В ней нет красоты, нет великолепия — в ней нет ничего от высшего.

И теперь он пропагандирует по всему миру, что, когда поднимается кундалини, ваша скрытая гениальность находит выражение. Много ли йогов получило Нобелевскую премию? Много ли йогов внесло вклад в мировое научное знание, искусство, поэзию, живопись, скульптуру? Многие ли из тех людей, чья так называемая кундалини поднялась, внесли тот или иной вклад в мировую сокровищницу?

То, о чем говорит Гопи Кришна, это не кундалини, а кундабуфер. Гурджиев привел бы его в чувство одним ударом. Но он привлекает людей. Для людей очень привлекательна мистическая чепуха, оккультные глупости, эзотерическая тарабарщина. Как только вы начинаете говорить с людьми о чакрах, энергетических центрах, о проходящей через них кундалини, они все внимание. Только попробуйте! Необязательно что-то знать об этом — просто изобретите... потому что джайнские мистики не говорили о кундалини, буддистские мистики не говорили о кундалини; христианские мистики никогда ничего не знали о ней; суфии были в полном неведении относительно этой энергии кундалини. О ней говорит только индуистская йога.

В этом действительно есть нечто, но не в точно таком виде, как об этом говорят людям. Знание о кундалини, которое носится в воздухе вокруг, это полная чепуха, и Гурджиев имел право его осудить. Он осуждал все теософское движение. Теософы были очень настроены против Гурджиева. Они ничего не знали, но они создали великое движение. Они были в большей или меньшей степени политичными людьми, школярами,

логиками, но ни в какой мере не реализованными душами.

Гурджиев разрушил многие верования. Он разрушил одно из наиболее фундаментальных верований всего человечества. Он сказал: «Души нет. Вы не рождаетесь с душой — душа должна быть создана великим усилием. И очень редкие люди были способны на это. Миллионы людей, ходящих по земле, лишены душ».

Можно ли вызвать больший шок? — просто сказать людям: «У вас нет души. У вас внутри ничего нет — пустота, внутри никого нет. Вы еще не родились; вы просто тело, механизм. Да, в вас есть возможность, потенциал стать душой, но вы должны совершить для этого большую работу, великую работу, и лишь тогда станет возможным иметь душу. Это высшая роскошь».

Из века в век священники говорили вам, что вы рождаетесь с душой. Это создало очень неправильное положение вещей. Поскольку каждому говорили, что он рожден с душой, человек думает: «Тогда зачем беспокоиться? Я уже душа. Я бессмертен. Тело умрет, но я буду жить». Гурджиев сказал: «Вы не более, чем тело, и когда умрет тело, умрете и вы. Лишь изредка человек выживает, — человек, который создал душу во время жизни, переживает смерть, — не все. Будда, Иисус переживает смерть, но не вы! Вы просто умираете, не остается и следа».

Что пытался сделать Гурджиев? Он потрясал вас до самых корней; он пытался отнять у вас все те утешения и глупые теории, которые постоянно помогают вам откладывать работу над собой. Просто сказать людям: «У вас нет никакой души, вы просто овощи, капуста, или, может быть, цветная капуста», — цветная капуста это капуста с высшим образованием, — «но не более того». Он действительно совершенный мастер. Он убрал самую землю у вас из-под ног. Он так шокировал

вас, что вам пришлось обдумать всю ситуацию: собираетесь ли вы оставаться капустой? Он создавал вокруг вас ситуацию, в которой вам пришлось бы исследовать и искать душу, потому что — кто хочет умереть?

Идея о том, что душа бессмертна, помогала людям утешать себя тем, что они не умрут, что смерть происходит только на поверхности, просто долгий сон, освежающий сон, и вы родитесь снова. Гурджиев говорит: «Чепуха. Все это чепуха! Мертвый, вы мертвы навсегда — пока вы не создали душу...»

Посмотрите на это различие: вам говорили, что вы уже душа, а Гурджиев совершенно опровергает это. Он говорит: «Вы еще не душа, но возможность. Вы можете использовать ее, вы можете ее упустить».

Я хотел бы сказать вам, что Гурджиев использовал средство. Это неправда. Каждый рождается с душой. Но как быть с людьми, которые используют истину как утешение? Великому мастеру иногда приходится лгать — только великий мастер имеет право лгать — просто для того, чтобы вытащить вас из вашего сна.

Например, вы крепко спите, я трясу и трясу вас, но вы не шевелитесь. Тогда я начинаю кричать: «Пожар! Пожар!», и вы выбегаете из дома. Снаружи мы все проясним. Я скажу, что пожара нет... но это было единственным способом разбудить вас.

Как только вы познаете душу, Гурджиев шепнет вам на ухо: «Теперь не волнуйся. Забудь все, что я говорил тебе раньше. Но это было необходимо. Это было средством. Мне пришлось закричать «Пожар!», потому что иначе ты не вышел бы из своего сна».

Но такие люди неизбежно бывают непоняты. Понять такого человека как Гурджиев это почти невозможная работа. Вы можете понять его, лишь если вы идете с ним, если вы идете с ним рядом. А работа,

которую выполнял Гурджиев, была очень секретной — и не может быть по-другому. Настоящая работа может быть проведена только в тайной школе. Она скрыта, она под землей. Она не публична и не может быть публичной.

В средневековье мистики скрывались за одеждами алхимии; им приходилось скрываться от христиан. Христиане уничтожали все источники, которые могли породить тот или иной конфликт с христианской идеологией. Они никому не позволяли практиковать ничего другого; даже говорить что-либо другое не разрешалось: «Христианство и только христианство есть путь».

Мистикам приходилось скрываться. Они создали прекрасный обман, они создали идею алхимии. Они стали говорить: «Мы алхимики; мы не имеем ничего общего с духовностью. Все это чепуха. Мы исследуем и ищем секрет вечной жизни, вечной юности. Мы пытаемся найти способ превращать обыкновенный металл в золото». И лишь для того, чтобы обмануть общество, они создали химические лаборатории. Если бы вы вошли в мир алхимика, вы нашли бы сосуды, лекарства, травы и колбы... и вы бы увидели лабораторию, в которой проводится большая химическая работа. Но это было лишь фасадом; это не было настоящей работой — настоящая работа происходила не здесь, но глубоко внутри школы.

Настоящая работа состояла в том, чтобы создать интегрированные, кристаллизованные человеческие существа, чтобы создать пробужденность. Настоящей работой была медитация. Но христианство не разрешает медитацию. Оно говорит, что молитвы достаточно. Оно не позволяет внутренних исследований. Оно говорит, что поклоняться Богу достаточно, ходить в церковь по воскресеньям достаточно, читать Библию достаточно.

Оно дало вам игрушки — именно это произошло и в других странах.

И в Индии мистики жили инкогнито.

Вчера я читал суфийскую притчу — а Гурджиев в своей основе укоренен в суфийской традиции. Он — суфий. Он научился своим тайнам у суфиев.

Я читал суфийскую притчу:

Ученик пришел к мастеру и сказал:

— Я в затруднении. Проблема в том, что богатейший человек города уходит в паломничество. У него есть красивая дочь, а у меня очень хорошая репутация из-за всей той дисциплины, которую я прошел, и характера, который я воспитывал. У меня настолько высокая репутация в городе, что он хочет, чтобы я заботился о его красивой дочери, пока он в паломничестве. И я боюсь — я знаю свои искушения. Девушка действительно красива; фактически, она всегда привлекала меня. Я избегал!.. Это слишком: шесть или девять месяцев она будет жить со мной. Я не могу себе доверять. Что мне делать?

— Я знаю человека, которому известен секрет. Иди к нему, — ответил мастер.

И он сказал ему пойти в другую деревню, где жил один сумасшедший.

— Но что может сделать сумасшедший? Я знаю об этом сумасшедшем, я много слышал о нем. Он совершенно сумасшедший! Как он может помочь мне?

— Просто иди, но иди очень наблюдательно. Наблюдай все, что происходит там.

Ученик пришел к сумасшедшему. Очень красивый мальчик наливал вино, а сумасшедший пил.

Мусульманские страны веками были очень гомосексуальными — настолько, что лишь у мусульман есть рай для голубых. Он гораздо более развит, чем любой другой рай. В индуистском раю нет места для голубого. В христианском раю также нет, совершенно нет. Даже иудейский бог против гомосексуализма, он очень зол. Но мусульманский бог очень снисходителен. Добродетельные обеспечиваются не только красивыми женщинами, но и красивыми мальчиками.

Этот красивый мальчик, наливающий вино сумасшедшему — этот человек почувствовал сильную ненависть, осуждение. Но, поскольку мастер сказал: «Наблюдай, иди и попроси у него совета...», он забыл о своей проблеме. Сначала он спросил:

— Пожалуйста, объясни мне, что происходит. Что ты делаешь?

Сумасшедший рассмеялся и сказал:

— Этот мальчик мой сын. Подойди поближе — в моем стакане лишь вода. То, что он наливает — не вино.

— Тогда почему ты притворяешься, что пьешь вино? Никто не смакует воду так, как это делаешь ты. Фляга, из которой он наливает, не используется для воды — тогда почему?

Сумасшедший рассмеялся:

— Чтобы никто не доверил мне свою красивую дочь, уходя в паломничество. Это средство!

Должно быть, он читал мысли, должно быть, он был телепатом. Должно быть, он видел этого человека насквозь.

— Чтобы никто не доверил мне свою красивую дочь, чтобы никто не беспокоился. Чтобы меня оставили в покое. Но, пожалуйста, не раскрывай никому мой секрет; в противном случае, мне придется покинуть этот город и переехать в другой. Мое безумие это слух, созданный мной. Если *ты* действительно хочешь работать над собой, — сказал сумасшедший, — ты должен делать так же. Возвращайся. Начни вести себя глупо, безумно, аморально — по крайней мере, притворись! — и никто не будет беспокоить тебя.

Гурджиев жил очень таинственной жизнью; она не была публичной. Его школа была тайной школой. Люди могли лишь догадываться о том, что в ней происходит.

И именно это произойдет в новой фазе моей работы. Моя коммуна станет скрытой, подземной. У нее будет фасад снаружи: ткачи, плотники и гончары... это будет фасадом. Для людей, приходящих как гости, будет прекрасная выставочная комната, в которой можно будет покупать вещи. Они смогут увидеть творчество саньясинов: картины, книги, резьбу по дереву... Им можно позволить оглядеться вокруг: прекрасное озеро, бассейны, пятизвездочный отель — но они не будут знать, что, в действительности, происходит. То, что происходит, будет почти полностью скрыто. Оно должно быть скрыто, в противном случае, оно не может происходить.

У меня есть несколько секретов чтобы передать вам, и я не хотел бы умереть прежде, чем я их вам передам — потому что я не знаю никого другого, живущего сейчас в этом мире, кто мог бы делать эту работу. У меня есть секреты даосизма, секреты тантры, секреты йоги, секреты суфиев, секреты людей дзен. Я жил практически во всех традициях мира; я был путешественником многие жизни. Я собрал много меда с разных цветов.

И придет время, рано или поздно, когда я должен буду уйти — я не смогу снова воплотиться в теле. Это моя последняя жизнь. Весь тот мед, который я собрал, я хотел бы разделить с вами, чтобы вы могли поделиться им с другими, чтобы он не исчез с земли.

Это будет очень секретная работа; поэтому, Аджит Сарасвати, я не могу говорить о ней. Мне кажется, я и так сказал слишком много! Я не должен был говорить даже этого. Эта работа будет лишь для тех, кто совершенно предан.

В данный момент у нас есть большой пресс-центр, чтобы так много людей, как это только возможно, узнало о том явлении, которое происходит здесь. Но в новой коммуне настоящая работа просто исчезнет в глазах мира. Пресс-центр будет действовать — но он будет действовать с другой целью. Люди будут продолжать приходить, потому что мы должны выбирать из гостей; мы должны приглашать людей, которые могут быть участниками, которые могут раствориться в коммуне. Но настоящая работа будет совершенно секретной. Он будет происходить только между вами и мной.

Также будет немного разговоров и между вами и мной. Я буду становиться все более и более молчаливым, потому что настоящее единение происходит не через слова, а через энергию. По мере того, как вы станете готовы получать энергию в молчании, я буду становиться

все более и более молчаливым. Но я храню для вас величайшее сокровище. Будь восприимчив...

И по мере того, как моя работа уходит под землю и становится более секретной и более таинственной, в мире неизбежно распространится все больше и больше слухов и сплетен. Люди становятся очень подозрительными в отношении всего секретного, и, поскольку они не могут найти никакого ключа, они начинают изобретать свои собственные представления о том, что происходит. Поэтому будь готов и к этому.

Но не беспокойся об этом. Это будет тайная школа. Такие школы существовали во времена Заратустры; он создал такую школу. Многие подобные школы существовали в Египте и в Индии. Иисус был обучен ессеями, очень секретной тайной школой.

Все, что есть прекрасного и великого в истории человечества, случилось лишь благодаря немногим людям, которые собрали все свои энергии для внутреннего исследования. Моя коммуна будет тайной школой внутренних исследований. Это величайшее приключение из всех возможных и величайший танец.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Где ключ к этой загадке?

Будда говорит: Говори меньше;

быть в молчании прекрасно,

Потому что, что я могу сказать?

Сказки о прошлом, мечты о будущем,

Легкомысленные сплетни

или логические доводы

На устах кажутся фальшивыми.

Молчание прекрасно,

И все же...

Звуки веселой болтовни за чашкой чая

Эхом отражают беззаботное пение птиц —

Энергия, текущая в радостный космос.

Возлюбленный Мастер, скажи мне,

Где ключ к этой загадке?

Ниргун, не принимай Гаутаму Будду слишком всерьез. Молчание действительно прекрасно, несомненно прекрасно. Но кто тебе сказал, что не прекрасны сплетни? Фактически, чем больше ты наслаждаешься сплетнями, тем глубже будет твое молчание.

Это полярные противоположности, и они уравновешивают друг друга. Если ты тяжело работаешь днем, ты будешь глубоко спать ночью. Полярные противоположности: тяжелая работа приносит глубокий сон. Нелогично! Логично было бы, если бы ты отдыхал целый день, практиковал отдых целый день, и тогда твой сон ночью был бы глубоким, очень глубоким. Это было бы логично — но Бог нелогичен.

Это кажется совершенно правильным: целый день ты практикуешь отдых — естественно, что ты отдохнешь ночью лучше, чем кто-либо другой, кто не практиковал отдых! А человек, который делал в точности противоположную работу — тяжелую работу, пахал землю, копал ямы, работал в саду, рубил дрова, носил воду из колодца — целый день проработав в поте лица, он устает, к вечеру он очень устает. Логично было бы, если бы он вообще не мог спать, потому что он практиковал противоположное. Но именно так действует жизнь. Жизнь действует через полярные противоположности. Жизнь не логична; она диалектична. Это диалектика: тезис, антитезис, они уравновешиваются и становятся

синтезом. Тогда синтез снова действует как тезис и создает антитезис... и так далее, и тому подобное. Жизнь не аристотелианская, она гегелианская.

Сплетничать совершенно нормально. И, когда ты сплетничаешь, сплетничай тотально — пусть это будет медитацией! Прекрасно зная, что это сплетни, все же ты можешь наслаждаться. Фактически, ты можешь даже наслаждаться больше, потому что это просто сплетни! И затем будь в молчании.

Чирикание птиц прекрасно, но не наблюдал ли ты, что когда оно прекращается, наступает великое молчание? Чирикание птиц делает молчание более глубоким. Молчание, которое следует за бурей, самое глубокое, самое полное.

Ниргун, не принимай Будду слишком всерьез. Его нельзя воспринимать слишком серьезно — он одномерный человек. Я говорю... если бы ты спросил Будду, он не сказал бы то же самое. Он сказал бы: «Ниргун, ты приходишь в правильное состояние. Перестань сплетничать и перестань говорить. Говори по-минимуму, лишь то, что совершенно необходимо». Он предложил бы тебе быть очень телеграфичным. Если можно использовать десять слов, не используй одиннадцать. Если ты можешь, сокращай количество слов, чем меньше, тем лучше.

Но, согласно моему собственному опыту, если ты прекратишь всю болтовню, все разговоры, твое молчание будет поверхностным, оно будет просто разновидностью печали. В нем не будет глубины. Откуда взяться глубине? Оно может приобрести глубину только из полярной противоположности.

Если ты действительно хочешь отдохнуть, сначала танцуй — танцуй до упаду. Позволь танцевать всем фибрам своего тела и существа, и тогда придет расслабление, отдых, который будет тотальным. Тебе не нужно его делать, он происходит сам собой.

Я не говорю, что сплетни должны кому-то вредить. Тогда это больше не сплетни, это насилие; тогда это больше не сплетни, это нечто, замаскированное под сплетни. Сплетни должны быть чистым искусством, без всякой мотивации — шутя ради шутки, сплетничая ради сплетни. Это сделает тебя радостным. И когда это прекратится... сколько ты сможешь продолжать сплетничать? Всеу есть естественный предел. «Звуки веселой болтовни за чашкой чая» не могут продолжаться до бесконечности. Вскоре чашки опустеют, болтовня смолкнет... и тогда — глубокое молчание.

Хорошо, что птицы не слушали Будду, хорошо, что деревья не слушали Будду.

Ниргун, я бы не хотел, чтобы ты стал буддистом. Я знаю буддистских монахов: они становятся очень серьезными, до такой степени серьезными, что их серьезность становится болезненной. Они не могут смеяться, они не могут шутить шутки. Фактически, если бы они читали мои беседы о Будде и наткнулись бы на некоторые сочные шутки, они просто закрыли бы глаза. Они не смогут даже их прочитать. Все их существо воспротивится, отшатнется. Они не смогут меня простить.

Вообще не будь слишком серьезным. Мое послание — послание наслаждения. Вот в чем я отличаюсь от Будды. Будда — серьезный человек; нет ни единой статуи, которая изображала бы его смеющимся или хотя бы улыбающимся. Да, есть китайские и японские статуи, где он изображен смеющимся — иногда даже хохочущим, даже держащимся за живот. Но это китайские и японские будды.

Фактически, если вы увидите китайскую статую Будды и индийскую статую Будды, вы не сможете уловить никакой связи между ними двумя; они совершенно разные. Индийский Будда очень серьезен. У него атлетическое тело: широкий торс и очень

маленький, подтянутый живот — вообще нет живота. Если вы видите китайского Будду, он — полная противоположность. Вы не увидите никакого большого торса, он совершенно теряется из-за величины живота. И даже по мраморной статуе вы можете заметить, что его живот сотрясается от смеха. У него совершенно другое лицо, круглое лицо, напоминающее лицо ребенка. Лицо индийского Будды очень римское — оно было создано, когда Индию посетил Александр — оно греческое или римское. У него не индийские черты. Взгляните снова на статую индийского Будды, у него не индийские черты лица. Красота Александра произвела такое впечатление на людей, что они придали телу Будды лицо Александра.

И он очень серьезен, совершенно серьезен. Вы не можете представить себе, чтобы он смеялся. Но, когда буддизм достиг Китая, он встретился с очень глубокой философией — полной противоположностью. Там случилась диалектика. Буддизм стал тезисом, а даосизм — антитезисом: встреча Будды и Лао-цзы. Китайская статуя Будды это перекресток, это наполовину Будда, наполовину Лао-цзы — они смешиваются друг с другом. Этот живот принадлежит Лао-цзы, этот смех принадлежит Лао-цзы, а это молчание — Будде. Это была величайшая встреча из когда-либо случившихся в мире. Она породила наиболее глубокое, наиболее значительное в мире явление: дзен.

Дзен не является ни буддистским ни даосским; он — они оба вместе. Это странная встреча. Фактически, если бы Лао-цзы и Будда встретились физически, они не согласились бы *ни в чем*. Лао-цзы был человеком смеха. Он обычно разъезжал из одной деревни в другую, сидя на своем буйволе — должно быть, он выглядел как клоун. И он всегда смеялся, катаясь по земле — над всей смехотворностью существования, над абсурдностью жизни.

Будда и Лао-цзы полярно противоположны друг другу. Возможно, именно поэтому эти две философии были так привлекательны друг для друга. Обе они были неполны — встреча сделала их более полными. Ни Лао-цзы, ни Будда не согласились бы с дзен.

Я слышал историю:

В небесном кафе сидят и болтают трое — Будда, Конфуций и Лао-цзы. Подходит женщина, красивая женщина, владелица кафе. Она приносит сок жизни. Будда тотчас же закрывает глаза. Он говорит:

— Я не могу смотреть на него! Но него не стоит смотреть — жизнь есть несчастье. Рождение есть несчастье, жизнь есть несчастье, смерть есть несчастье. Уберите его от меня; иначе я не смогу открыть глаза!

Конфуций приоткрывает глаза наполовину — он верит в золотую середину, в срединный путь — он смотрит полуоткрытыми глазами и говорит:

— Я не могу отвергнуть его, не попробовав.

Он — человек научных склонностей.

— Как можно что-либо говорить, если ты не экспериментируешь? Ты не можешь заявлять такие вещи без подготовки. Поэтому, — говорит он, — дай мне глоток.

Он пробует его и говорит:

— Будда прав: он горький, он несчастный, и я совершенно соглашаюсь и свидетельствую в пользу Будды. Но я снова скажу, что Будда неправ — не попробовав его, ничего нельзя говорить. Хотя он и прав, — я могу подтвердить это, согласно моему опыту, он прав, — но сам по себе он неправ.

Лао-цзы хватают всю флягу и, прежде чем женщина успеваает что-либо сказать, выпивает ее залпом. Он выпивает всю флягу и так пьянеет, что начинает танцевать. Он ни говорит ни слова — горько или сладко, несчастье или блаженство. Когда он немного приходит в себя, Будда и Конфуций спрашивают его:

— Что ты скажешь?

— Мне нечего сказать. Жизнь должна быть выпита до дна, лишь тогда человек знает. А когда он знает, ему нечего сказать. Она не может быть причислена ни к одной категории. Несчастье или блаженство это категории — жизнь за пределами всех категорий. Но человек должен познать ее во всей полноте, и лишь я знаю ее во всей полноте. Ты даже не попробовал ее. Конфуций лишь попробовал, но ему не следует судить о целом по части. Лишь я могу сказать, что это такое, но я не собираюсь говорить, потому что это не может быть сказано. Если ты действительно хочешь знать, я могу заказать еще одну флягу. Пей до дна и танцуй — это единственный способ!

Это единственный способ что-либо узнать.

Встреча буддизма и даосизма это самое странное в мире явление. Но это неизбежно должно было случиться; в этом есть определенная неизбежность, потому что такие полярные противоположности привлекают друг друга, в точности как притягивают друг друга противоположные полюса магнита или положительные и отрицательные электрические заряды.

Буддизм пришел из Индии в Китай. Даосизм никогда не отправлялся в Индию, потому что даосизм был так пьян экстазом, радостью — кто заботится? Буддизм путешествовал, вынужден был путешествовать. Серьезность стала очень, очень тяжелой. Как только Будды не стало, как только не стало света, буддизм стал камнем на шее у его последователей — он стал очень тяжелым. Они должны были отправиться на поиски чего-то несерьезного, чтобы восстановить равновесие.

Ниргун, не воспринимай это серьезно. Наслаждайся своими сплетнями, наслаждайся мелочами жизни, маленькими радостями жизни. Все они вносят вклад в обогащение твоего существа. И всегда помни: несерьезность это самое фундаментальное качество действительно религиозного человека.

Один искренний молодой человек отправился к раввину за советом.

— Проблема в моем сексуальном аппетите. Он появляется, когда я пожимаю руку женщине — даже когда хорошенькая женщина проходит мимо по улице. Это беспокоит меня, потому что я очень люблю свою жену.

— Не беспокойся, сынок, — ответил раввин. — Где ты проголодаешься, это не важно, пока ты питаешься дома.

Этот раввин — мудрый человек, несерьезный, воспринимающий жизнь игриво. Мои саньясины должны воспринимать жизнь очень игриво — тогда вы можете обладать одновременно двумя мирами. Вы можете и иметь пирожное, и съесть его. Это настоящее искусство. Тот и другой мир, звук и молчание, любовь и медитация, пребывание с людьми, общение и одиночество. Все эти вещи должны быть прожиты

вместе, одновременно; лишь тогда вы узнаете предельные глубины своего существа и предельные высоты своего существа.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Что Вы скажете об известном высказывании Фридриха Ницше, «Бог умер»?

Нирадж, Фридрих Ницше говорит, что Бог умер, и это значит, что раньше он был жив. Насколько я знаю, он никогда не был жив. Как мог Бог умереть, если он никогда не был жив? Бог это не личность, поэтому он не может жить и не может умереть. Для меня Бог есть сама жизнь! Бог синонимичен существованию; поэтому ты не можешь сказать, что Бог жив или мертв. Бог есть жизнь! А жизнь вечна... это континуум, это вечность, без начала, без конца.

В действительности, Ницше говорил о том, что тот Бог, которому люди поклонялись до сих пор, потерял значение. Но он имел сильную склонность к драматическим утверждениям. Вместо того, чтобы сказать: «Бог, которому люди поклонялись до сих пор, больше не имеет значения», он сказал: «Бог умер». И, в любом случае, драматические утверждения глубже проникают в человеческое сознание. Если бы он сказал это философским образом, он не достиг бы цели, однако это высказывание стало самым важным в этом столетии. Ни одно другое высказывание не имеет такого значения, ни одно высказывание не оказало такого влияния на человеческое мышление, поведение, жизнь.

Христианский Бог умер, иудейский Бог умер — вот о чем говорил Ницше. Но существовало столько

богов, и все они спущены в унитаз. Если вы составите список, вы удивитесь тому, скольким богам поклонялись люди. Один человек составил список. Я читал этот список — ни одно из имен, которые он упоминает, не известно. Он упоминает около пятидесяти богов. Египетских богов больше нет — даже в Египте о них никто ничего не знает. Были времена, когда этим богам приносили в жертву даже людей, за них велись войны, ради них совершались жестокость, убийства, насилие; города сжигались во имя этих богов. Теперь неизвестны даже их имена. Я прочел весь список; из этих пятидесяти ни одно имя не известно. Люди изобрели множество богов, и когда эти боги надоели этим людям, они изобрели новые игрушки и выбросили старые.

Эти боги постоянно рождаются и умирают, но это не истинный Бог. «Истинный Бог» просто означает жизнь — *аэс дхаммо санантано* — неисчерпаемый закон существования. Как он может умереть? Это невозможно. Формы меняются...

Кажется, Бог недавно посетил метро в Нью-Йорке. Кто-то написал на стене: «Бог умер — подпись: Ницше», а ниже на той же стене написано: «Ницше умер — подпись: Бог».

Это кажется гораздо более правдоподобным. Но вот вам надпись еще лучше:

Радостная надпись в лондонском метро:
«Бог умер, но не волнуйтесь — Мария снова беременна!»

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

*Не скажешь ли Ты что-нибудь о чувстве
вины и страхе?*

Латифа, страх естествен, чувство вины это создание священников. Вина рукотворна. Страх свойствен тебе от рождения, и он очень существен. Без страха ты не вообще не смогла бы выжить. Страх нормален. Именно из-за страха ты не суешь руки в огонь. Именно из-за страха ты идешь с левой или с правой стороны дороги, в зависимости от закона страны. Именно из-за страха ты избегаешь яда. Именно из-за страха, когда сигналит водитель грузовика, ты отскакиваешь с дороги.

Если у ребенка нет страха, у него нет никакой возможности выжить. Его страх это защитная мера жизни. Но из-за его естественной тенденции защищаться... в этом нет ничего плохого — ты имеешь право защищать себя. Тебе есть что защищать — эта драгоценная жизнь, и страх просто помогает тебе. Только идиоты лишены страха, только имбецилы лишены страха; поэтому идиотов приходится защищать, иначе они обожгутся или выпрыгнут из окна, или пойдут купаться в океане, не умея плавать, или, они могут съесть змею... все что угодно!

Страх разумен — поэтому, когда ты видишь змею на своем пути, ты отскакиваешь с дороги. Это не трусость, это просто разумно. Но есть две возможности...

Страх может стать ненормальным, он может стать патологическим. Тогда вы боитесь вещей, бояться которых нет необходимости — хотя вы можете найти поводы и для этого ненормального страха. Например, кто-то боится заходить в дома. Логически вы не можете доказать, что он неправ. Он скажет: «Где гарантия того, что дом не упадет?» Известно, что некоторые дома

падают, поэтому может упасть и этот дом. Люди были раздавлены падающими домами. Никто не может дать абсолютной гарантии того, что этот дом не упадет — может случиться землетрясение... все возможно! Другой человек боится — он не может путешествовать из-за разбивающихся поездов. Кто-то еще боится — он не может сесть в машину из-за дорожно-транспортных происшествий. Кто-то еще боится самолетов...

Если ты боишься таким образом, это не разумно. Тогда ты должна бояться и своей кровати, потому что почти девяносто семь процентов людей умирает в кровати — поэтому это самое опасное место. Следуя логике, ты должна держаться подальше от кровати, никогда не подходить к ней близко. Но тогда ты сделаешь жизнь невозможной.

Страх может быть ненормальным, и тогда это патология. И из-за этой возможности его использовали священники, его использовали политики. Его использовали всевозможные эксплуататоры. Они делают его патологическим, и тогда вас очень легко эксплуатировать. Священники заставили вас бояться ада. Просто загляните в писания — с какой радостью они распишывают все эти мучения, с настоящим наслаждением. Писания описывают в деталях, в мельчайших деталях каждое из мучений.

Должно быть, Адольф Гитлер читал эти писания; должно быть он нашел великое вдохновение в этих писаниях, описывающих ад. Сам по себе он не был таким творческим гением, чтобы изобрести концентрационные лагеря и всевозможные пытки. Должно быть, он нашел их в религиозных писаниях — они уже есть, священники выполнили эту работу. Он лишь практиковал то, что проповедовали священники. Он был действительно религиозным человеком!

Священники лишь только говорили об аде, который ожидает вас после смерти. Он сказал: «Зачем ждать так долго? Я создам ад здесь и сейчас. Вы можете испытать его».

Однажды я слышал, что один человек умер, достиг ада и постучал в дверь. Дьявол посмотрел на него — он выглядел как немец — и спросил:

— Откуда ты пришел?

— Из Германии, — сказал человек.

— Тогда не тебе не нужно приходить в ад — ты уже жил в нем! Теперь ты можешь отправляться на небеса. Ты найдешь наш ад очень скучным, потому что там у вас гораздо лучшая версия ада. Мы все еще живем в веке воловьих упряжек — старых пыток. Вам известны более изощренные инструменты, пути, средства.

В аду все еще неизвестны газовые камеры. В одной-единственной газовой камере десять тысяч людей в мгновение ока могут превратиться в дым. И вы будете удивлены: хотя мы и живем в двадцатом веке, человек это все еще животное. Тысячи людей приходили, чтобы увидеть это. Было установлено стекло, прозрачное с одной стороны. Вы могли видеть то, что происходило внутри, а те, кто внутри, не видели тех, кто на них смотрит снаружи.

Тысячи людей стояли снаружи, наблюдая через стекло: люди исчезали в дыму — просто исчезали в дыму — тысячи людей умирали в течение секунд. А те люди, которые наслаждались снаружи — можете ли вы назвать их человеческими существами? Но помните, это не имеет

ничего общего с Германией, так же и по всему миру. Везде люди в точности одни и те же.

Священники очень рано осознали, что можно эксплуатировать инстинкт страха в человеке. Человек может быть так напуган, что он упадет к ногам священников и скажет: «Спасите нас! Только вы можете нас спасти». И священник согласится их спасти, лишь если они будут следовать священнику; если они будут следовать ритуалам, предписанным священником, священник спасет их. И из страха люди следовали священникам, всевозможным глупостям, суевериям.

Политики также вскоре осознали, что людей можно так сильно напугать. И если вы заставите их бояться, вы можете над ними доминировать. Именно из-за страха существуют нации. Боязнь Америки привязывает русских рабов к коммунистам, боязнь России привязывает американских рабов к правительству. Боязнь друг друга... индийцы боятся пакистанцев, пакистанцы боятся индийцев. Какой глупый мир! Мы боимся друг друга, и из-за этого страха становятся важными политики. Они говорят: «Мы спасем вас здесь, в этом мире». Священники говорят: «Мы спасем вас в ином мире». И они находятся в сговоре.

Именно страх создает вину — но не сам страх. Страх создает вину при помощи священников и политиков. Священники и политики создают в вас патологию, трепет. И, естественно, человек так тонок и хрупок, он боится. Тогда вы можете приказывать ему что-то делать, и он будет делать — прекрасно знаю, что это глупо, прекрасно зная глубоко внутри, что все это чепуха, но — кто знает?.. При помощи страха человека можно заставить делать все что угодно.

Молодая женщина, которая не могла удержаться от кашля в театре, прежде чем

идти на премьеру, попросила у врача лекарство.

— Выпейте вот это, — сказал он, подавая ей стакан.

Она, покривившись, выпила и спросила, что это, ожидая, что это какое-то гадкое на вкус лекарство от кашля.

— Это двойная доза слабительного, — ответил он. — Теперь вы не отважитесь ни чихнуть, ни кашлянуть.

...До тебя не дошло. Ты никогда его не пробовала — попробуй, и ты не отважишься ни чихнуть, ни кашлянуть. Проведи эксперимент: попроси слабительного у Аджита Сарасвати, и тогда ты поймешь эту шутку. Она очень экзистенциальна. Но, так как до тебя не дошло, я расскажу еще одну:

Однажды утром большая медведица напала на жилище Джо, все разрушила, съела и поломала и убежала прочь.

Джо выследил и застрелил ее, и, заметив, что она очень похожа на женщину, удовлетворил с ее останками свою страсть. Тогда он заметил, что среди ветвей ближайшего дерева прячется другой охотник. Поняв, что тот все видел, Джо направил на него ружье, заставил его слезть с дерева и спросил:

— Ты когда-нибудь занимался любовью с медведицей?

— Нет, но я готов попробовать.

Человека можно заставить делать все что угодно — просто ради собственного спасения. И из-за того, что созданная в вас священниками патология неестественна,

ваша природа восстает против нее, и иногда вы делаете нечто, что противоречит ей, — вы делаете что-то естественное, — и возникает чувство вины.

Латифа, вина означает, что у тебя в уме неестественное представление о том, какой должна быть жизнь, что нужно делать, и тогда однажды ты начинаешь следовать своей природе и делать естественные вещи. Ты идешь против идеологии. Из-за того, что ты идешь против идеологии, возникает вина, тебе стыдно. Ты чувствуешь себя низкой, недостойной.

Но, давая людям неестественные идеи, вы не можете трансформировать их. Поэтому священники были способны эксплуатировать людей, но они не были способны трансформировать их. Они и не заинтересованы в том, чтобы трансформировать вас; вся их идея в том, чтобы удерживать вас в рабстве. Они создают в вас совесть. Ваша совесть это в действительности не *ваша* совесть — она создана священниками. Они говорят: «Это неправильно». Вы можете знать в глубине своего существа, что, кажется, в этом нет ничего неправильного, но они говорят, что это неправильно. И они продолжают гипнотизировать вас с самого детства. Этот гипноз проникает глубоко, глубоко впитывается, глубоко просачивается в вас, почти становится частью вашего существа. Он сдерживает вас.

Они сказали вам, что секс неправилен — но секс это такое естественное явление, что он привлекает вас. Нет ничего плохого в том, что вас привлекает мужчина или женщина. Это просто часть природы. Но ваша совесть говорит: «Это неправильно». Поэтому вы продолжаете сдерживаться. Одна половина вас движется к женщине, другая тянет вас назад. Вы не можете принять никакого решения; вы всегда разделены, расщеплены. Если вы решите быть с женщиной, ваша совесть будет мучить вас: «Ты совершил грех». Если вы не будете с

женщиной, вас будет мучить ваша природа: «Ты моришь меня голодом».

Теперь вы в ловушке. Что бы вы ни сделали, вы будете страдать. А это то, чего всегда хотели священники — чтобы вы страдали, потому что, чем больше вы страдаете, тем чаще вы приходите к ним за советом. Чем больше вы страдаете, тем более вы ищете спасения.

Бертран Рассел совершенно прав в том, что, если предоставить человеку полную, естественную свободу, — свободу от этой так называемой совести и морали, — и если помочь человеку стать целостным, естественным существом, — разумным, понимающим, живущим в соответствии с своим собственным светом, а не с чужими советами, — так называемые религии исчезли бы из мира.

Я совершенно с ним согласен. Эти так называемые религии, несомненно, исчезли бы из мира, если бы люди не были в страдании; они не искали бы спасения. Но Бертран Рассел продолжает, он говорит, что сама религия исчезла бы с лица земли. Здесь я с ним не согласен. Так называемые религии действительно исчезнут, и, благодаря тому, что исчезнут так называемые религии, в мире в первые возникнет возможность существования религии. Не будет христиан, не будет индуистов, не будет мусульман — лишь тогда на земле распространится новый вид религиозности. Люди будут жить в соответствии со своим собственным сознанием. Тогда не будет чувства вины, раскаяния, потому что эти вещи никогда не изменяют людей. Люди остаются прежними; они просто продолжают менять свое внешнее одеяние, свою форму. Ничего существенного не меняется благодаря чувству вины, благодаря страху, благодаря небесам, благодаря аду. Все эти идеи потерпели полный крах.

Сейчас пришло время признать, что все старые религии потерпели крах. Да, они создали несколько прекрасных людей, — там Иисус, здесь Будда, — но из многих миллионов человеческих существ лишь изредка расцветает одно. Это исключение, оно не в счет. Его не нужно принимать во внимание. Будд можно пересчитать по пальцам.

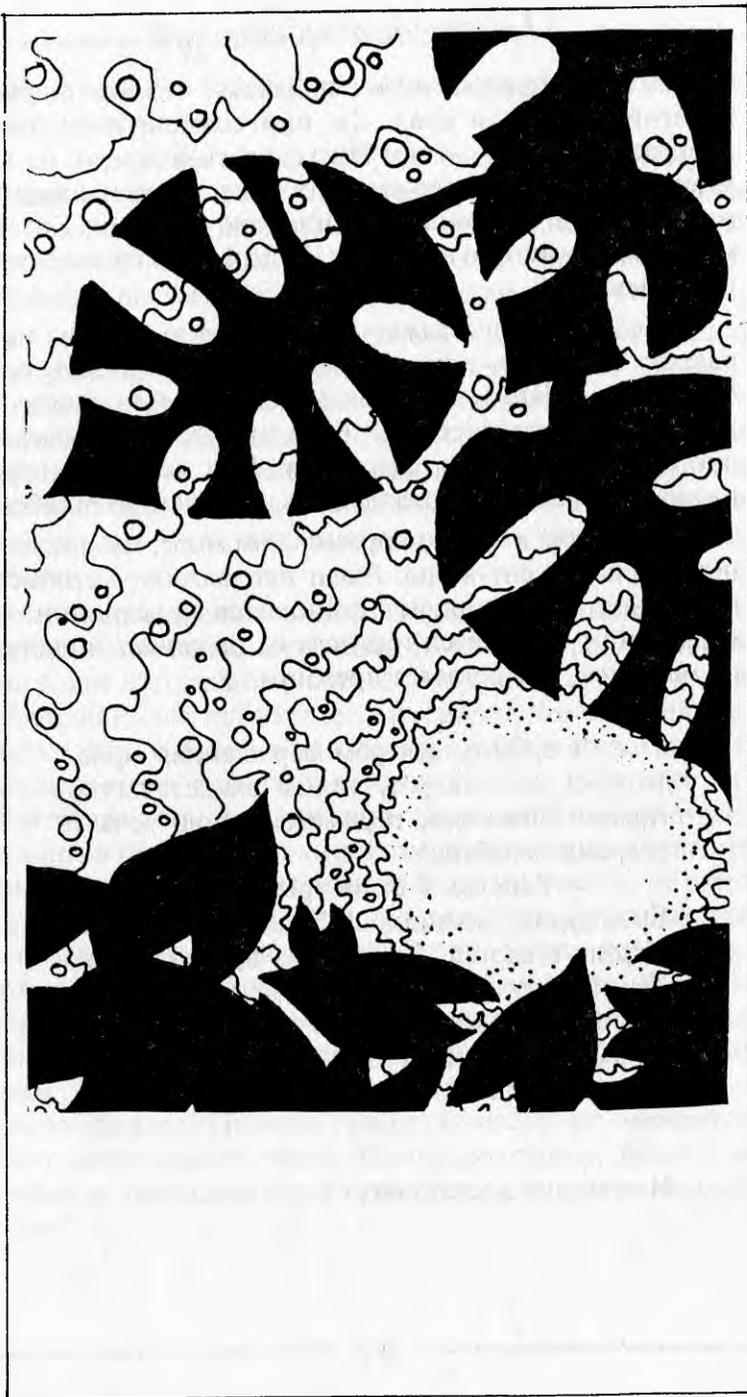
Если садовник сажает тысячу деревьев, и из них расцветает лишь одно, можете ли вы назвать его садовником? Что же остальные девять тысяч девятсот девяносто девять деревьев? Если это дерево расцвело, оно расцвело вопреки садовнику. Ему не может принадлежать заслуга — должно быть, он в чем-то ошибся.

Мы жили в очень неправильном мире; мы создали неправильную ситуацию. Люди продолжают меняться поверхностно — индуист становится христианином, христианин становится индуистом, но ничего никогда не меняется. Все остается прежним.

В субботу вечером обращенная проститутка дает на углу улицы свидетельство Армии Спасения, перемежая свою речь с ударами барабана.

— Раньше я была грешницей! (Бум!) Была дурной женщиной! (Бум!) Я пила! (Бум!) Играла в карты! (Бум!) Была проституткой! (Бум!) Выходила на панель вечером по субботам! (Бум! Бум! Бум!) А что я теперь делаю вечером в субботу? Я стою на этом углу и стучу в этот гребаный барабан!

На сегодня достаточно.

Глава 3
И иди дальше

Кто завоеует этот мир
И мир смерти со всеми его богами?
Кто откроеет
Сияющий свет закона?

Ты — даже как человек,
Который ищет цветы
И находит самый красивый,
Редчайший.

Пойми, что тело —
Просто пена на волне,
Пень от тени.
Сбрось цветочные стрелы желаний,
И тогда, невидимый,
Ускользни от короля смерти.

И иди дальше.

Смерть догоняет человека,
Который собирает цветы,
Когда, с отвлеченным умом и жаждущими
чувствами,
Он тщетно ищет счастья
В удовольствиях мира.
Смерть уносит его прочь,
Как затопляет наводнение спящую деревню.

Смерть побеждает его, когда,
С отвлеченным умом и жаждущими чувствами,
Он собирает цветы.
Он никогда не насытится
Удовольствиями мира.

Пчела собирает нектар с цветка,
Не вредя его красоте и аромату.
Так пусть мастер утвердится
И отправляется в путь.

Смотри на свои недостатки,
На сделанное или оставленное несделанным.
Инициируй недостатки других.

Подобны милому цветку,
Яркому, но лишённому аромата,
Хорошие, но пустые слова человека,
Который не понимает, что говорит.

Подобны милому цветку,
Яркому и ароматному,
Хорошие и правдивые слова человека,
Который понимает, что говорит.

Фирлянда свита из груды цветов —
Придай своей жизни столько же добрых дел.

На самом деле не Бог является центром религиозного поиска — это смерть. Без смерти вообще не было бы никакой религии. Именно смерть заставляет человека исследовать и искать запредельного, бессмертного.

Смерть окружает нас, как окружает океан небольшой остров. Остров может затопить в любое мгновение. Следующее мгновение может не прийти, завтра может не наступить. Животные не религиозны по той простой причине, что они не осознают смерть. Они не могут воспринять то, что они умрут, хотя они и видят, что умирает множество других животных. Это квантовый скачок — заключить, видя, что кто-то умирает: «И я также умру». Животные не настолько бдительны, осознанны, чтобы прийти к такому выводу.

И большинство человеческих существ также ниже человеческих существ. Человек становится действительно зрелым, когда он приходит к такому выводу: «Если смерть случается со всеми остальными, я не могу быть исключением». Если этот вывод глубоко проникнет в ваше сердце, ваша жизнь больше никогда не будет прежней. Вы не можете оставаться привязанным к жизни по-старому. Если она будет отнята у вас, какой смысл быть таким собственником? Если однажды она исчезнет, зачем цепляться и страдать? Если она не останется с вами навсегда, зачем оставаться в таком несчастье, боли, беспокойстве? Если она уйдет, она уйдет — неважно, когда она уйдет. Время неважно — сегодня, завтра, послезавтра. Но жизнь выскользнет у вас из рук.

В тот день, когда вы осознаете, что вы умрете, что ваша смерть абсолютно несомненна... фактически, естественная определенная вещь в жизни это смерть. Ничто другое так не определено. Но так или иначе, мы продолжаем избегать этого вопроса, вопроса смерти. Мы продолжаем занимать себя другими делами. Иногда

мы говорим о великих вещах, — о Боге, небесах или аде, — лишь для того, чтобы избежать *настоящего* вопроса. Настоящий вопрос не в Боге, потому что, какое представление вы имеете о Боге? Что вы знаете о Боге? Как вы можете задавать вопросы о том, что совершенно неизвестно вам? Это будут пустые вопросы. Это будет, самое большее, любопытством, инфантильным, детским, глупым.

Глупые люди спрашивают о Боге, умный человек спрашивает о смерти. Люди, спрашивающие о Боге, никогда не находят Бога, а человек, спрашивающий о смерти, неизбежно найдет Бога — потому что именно смерть трансформирует вас, ваше видение. Ваше сознание обостряется, потому что вы задали настоящий вопрос, подлинный вопрос, самый важный в жизни вопрос. Вы создали такой великий вызов, что вы не можете долго оставаться спящим; вам придется проснуться, вам придется быть достаточно бдительным, чтобы столкнуться с реальностью смерти.

Так начались поиски Будды:

В тот день, когда родился Будда... он был сыном великого короля, единственным сыном, и он родился, когда король становился старым, очень старым; поэтому в королевстве было великое празднование. Люди долго ждали. Люди очень любили этого короля; он служил им, он был очень добрым и сострадательным, он был очень любящим и щедрым. Он сделал свое королевство одним из самых богатых, красивых королевств тех дней.

Люди молились о том, чтобы у короля родился сын, потому что у него не было наследника. И вот, когда король был очень стар, родился Будда — его рождение было

неожиданным. Великое празднование, великая радость! Все астрологи королевства собрались, чтобы сделать предсказания о Будде. Его имя было Сиддхартха — ему дали это имя, Сиддхартха, потому что оно означает осуществление. Король был счастлив, его желание было осуществлено, его глубочайшее стремление было осуществлено — он хотел сына, всю жизнь он хотел сына; отсюда имя Сиддхартха. Это просто означает свершение глубочайшего желания.

Рождение сына сделало жизнь короля осмысленной, значительной. Астрологи, великие астрологи, сделали предсказание — все они согласились друг с другом, кроме одного молодого астролога. Его звали Коданна. Король спросил:

— Что случится в жизни с моим сыном?

Все астрологи подняли два пальца, кроме Коданны, который поднял один.

Король попросил:

— Пожалуйста, не говорите символами — я простой человек, я ничего не знаю об астрологии. Скажите мне, что вы подразумеваете под двумя пальцами?

И все они ответили:

— Либо он станет *чакравартином*, — владыкой мира, — либо отречется от мира и станет буддой, просветленным. Есть эти две возможности, поэтому мы подняли два пальца.

Король был обеспокоен второй возможностью — что он отречется от мира. «Поэтому опять возникает проблема: кто унаследует

королевство, если он отречется от мира?» И он спросил Коданну:

— Почему ты поднял один палец?

— Я абсолютно уверен, — ответил Коданна, — что он отречется от мира и станет буддой, просветленным, пробужденным.

Король был недоволен Коданной. Истину очень трудно принять. Он игнорировал Коданну; Коданна совсем не был вознагражден — истина не вознаграждается в этом мире. Напротив, истина наказывается тысячей и одним способом. Фактически, престиж Коданны после этого дня упал. Из-за того, что король не наградил его, распространился слух, что он глупец. Когда согласились все астрологи, он был единственным, кто не согласился.

Король спросил других астрологов:

— Что вы предлагаете? Что я должен сделать, чтобы он не отрекся от мира? Я не хотел бы, чтобы он был нищим, я не хотел бы, чтобы он был саньясином. Я хотел бы, чтобы он стал чакравартином, правителем всех шести континентов.

Таковы амбиции всех родителей. Кто хочет, чтобы его сын или дочь отвергли мир и отправились в горы, чтобы исследовать свое внутреннее, чтобы искать себя?

Наши желания экстровертны. Король был обыкновенным человеком, таким же, как и каждый другой — с такими же желаниями и амбициями. Астрологи сказали:

— Это можно устроить: дай ему так много удовольствий, как это только возможно, содержи его в таком комфорте и роскоши, насколько это в человеческих силах. Не

позволяй ему узнать о болезнях, о старости, и особенно о смерти. Не позволяй ему узнать о смерти, и тогда он не отречется.

В определенном смысле они были правы, потому что смерть это центральный вопрос. Как только он возникает в вашем сердце, стиль вашей жизни неизбежно изменится. Вы не можете продолжать жить старым, глупым образом. Если эта жизнь собирается закончиться смертью, это не может быть настоящей жизнью, это жизнь должна быть лишь иллюзией. Истина должна быть вечной, если она истина — мгновенна только ложь. Если жизнь мгновенна, должно быть, это лишь иллюзия, ложь, неверное представление, непонимание; тогда, должно быть, жизнь где-то укоренена в невежестве. Должно быть, мы живем таким образом, что этому приходит конец.

Мы можем жить по-другому и стать частью вечного потока существования. Лишь смерть может дать вам этот радикальный сдвиг.

Поэтому астрологи сказали:

— Пожалуйста, не позволяй ему ничего узнать о смерти.

И король принял все меры. Он построил для Сиддхартхи три дворца в разных местах для разных времен года, чтобы он никогда не чувствовал неудобств времен года. Когда становилось жарко, он жил во дворце в определенном месте на холмах, где всегда было холодно. Когда было слишком холодно, у него был другой дворец на берегу реки, где всегда было тепло. Король принял все меры

к тому, чтобы он никогда не испытывал неудобств.

Старикам не позволялось входить во дворцы, где он жил — только молодым. Король собрал вокруг него всех красивых молодых женщин королевства, чтобы он оставался увлеченным, взволнованным, чтобы он оставался в снах, в желаниях. Для него был создан сладкий мир сновидений. Садовникам было приказано убирать ночью все мертвые листья; увядшие, сухие цветы должны были быть убраны ночью, потому что — кто знает? Видя мертвый лист, он может задуматься о том, что случилось с этим листом, может возникнуть вопрос о смерти. Видя увядающую розу, ее падающие лепестки, он может спросить, что случилось с этой розой, он может начать медитировать, размышлять о смерти.

Его удерживали в полном неведении относительно смерти двадцать девять лет. Но сколько можно избегать? Смерть это такое важное явление — сколько можно обманывать? Рано или поздно он должен был войти в мир. Теперь король становился очень старым, и его сын должен был узнавать пути мира, постепенно ему стали позволять выходить наружу, но, когда бы он ни проезжал по улицам столицы, старики, старухи, нищие убирались с его пути. Саньясинам также не позволялось появляться у него на пути, потому что, видя саньясина, он мог подумать: «Что это за человек? Почему он в оранжевом? Что с ним случилось? Почему он выглядит по-другому, почему он выглядит отстраненным, безучастным? У него другие глаза,

другой аромат, его присутствие имеет другое качество. Что случилось с этим человеком?»

И тогда вопрос отречения, фундаментальный вопрос смерти... Но однажды это должно было случиться. Это неизбежно.

Мы делаем то же самое. Если кто-то умирает, и мимо проходит похоронная процессия, мать уводит ребенка в дом и закрывает дверь.

Эта история очень значительная, символическая, типичная. Ни одни родители не хотят, чтобы их ребенок знал о смерти, потому что он немедленно начнет задавать неудобные вопросы. Именно поэтому мы строим кладбища за пределами города, чтобы никому не нужно было туда ходить. Смерть это центральный факт; кладбище должно быть в самом центре города, чтобы каждый проходил мимо каждый день множество раз — по пути на работу, по пути домой, по пути в школу, колледж, по пути домой, по пути на фабрику... чтобы человек снова и снова получал напоминание о смерти. Но мы выносим кладбища за город, мы делаем кладбища очень красивыми: цветы, деревья. Мы пытаемся спрятать смерть — особенно на Западе, смерть — это табу! В точности как раньше табу был секс, теперь табу смерть. Смерть это последнее табу.

Нужен кто-то подобный Зигмунду Фрейду — какой-нибудь Зигмунд Фрейд, который принес бы смерть обратно в мир, который мог бы показать людям явление смерти. На западе, когда кто-то умирает, его тело украшают, обмывают, душат, подкрашивают. Есть специалисты, которые прекрасно делают эту работу. И, если вы видите мертвого мужчину или мертвую женщину, вы удивлены: они выглядят более живыми, чем были при жизни! Косметика, румянец на щеках,

ясное лицо... кажется, он крепко спит спокойным и мирным сном.

Мы обманываем себя! Его мы не обманываем, его больше нет. Нет никого, просто мертвое тело, труп. Но мы обманываем себя, подкрашивая его лицо, кладя венки, одевая его в прекрасную одежду, везя его тело в дорогой машине — большая процессия, воздающая дань человеку, который умер. Его никогда не ценили, когда он был жив, но теперь никто его не критикует, все его хвалят.

Мы пытаемся обмануть себя; мы делаем смерть как возможно более красивой, чтобы не возникал этот вопрос. И мы продолжаем жить в иллюзии, что всегда умирает кто-то другой — очевидно, вы не видите своей собственной смерти, вы всегда видите, что умирает кто-то другой. Логическое заключение — всегда умирает кто-то другой, поэтому о чем волноваться? Вы кажетесь себе исключительным, Бог создал для вас отдельные правила.

Помните, никто не исключение. *Аэс дхаммо санантано* — только один закон правит всем, один вечный закон. Что бы ни случилось с муравьем, то же случится и со слоном, что бы ни случилось с нищим, случится и с императором. Богатый или бедный, невежественный или эрудит, грешник или святой — закон не делает отличий; закон очень справедлив.

Смерть очень коммунистична — она уравнивает людей. Она не обращает внимания на то, кто вы. Она никогда не ищет вашего имени в справочниках, в «Кто есть кто». Она просто не заботится о том, нищий ли вы, или Александр Великий.

Однажды Сиддхартха *должен* был осознать, и он осознал. Он собирался участвовать в молодежном празднике; он собирался его открыть. Принц, естественно, дол-

жен был открывать молодежный праздник каждый год. Это был прекрасный вечер; молодежь королевства собиралась, чтобы танцевать, петь и наслаждаться всю ночь. Первый день в году — праздник всю ночь напролет. И Сиддхартха собирался открыть этот праздник.

На пути он встретил все то, от чего его пытался оградить отец — он столкнулся с этими вещами. Сначала он встретил больного, свой первый опыт болезни. Он спросил:

— Что случилось?

Эта история очень красива. Она говорит, что возница собирался солгать, но бестелесная душа вселилась в возницу и заставила его сказать правду. Ему пришлось вопреки самому себе сказать:

— Этот человек болен.

И Будда немедленно задал разумный вопрос:

— Тогда я тоже могу заболеть?

Снова возница собирался солгать, но душа бога, просветленная душа, бестелесная душа заставила его сказать «да». Возница был озадачен; он собирался сказать «нет», но с его уст слетело:

— Да, ты тоже будешь болен.

Тогда они встретили старика — тот же самый вопрос. Они проехали мимо мертвого тела, которое несли в гхат для сожжения, и тот же самый вопрос... когда Будда увидел мертвое тело, он спросил:

— И я тоже умру однажды?

— Да, господин, — ответил возница. — Мне жаль говорить это, но никто не исключение — даже ты умрешь.

Будда сказал:

— Тогда поворачивай колесницу обратно. Ехать на праздник молодежи бессмысленно. Я уже заболел, я уже состарился, я уже на грани смерти. Если однажды я умру, тогда в чем смысл всей этой чепухи? — жить и ждать смерти. Прежде чем она придет, я хотел бы узнать нечто, что не умирает. Теперь я посвящу всю свою жизнь поискам чего-то бессмертного. Если есть что-то бессмертное, тогда единственной осмысленной вещью в жизни может быть только этот поиск.

И, когда он это говорил, он увидел четвертое — саньясина, монаха в оранжевом, который очень медитативно шел мимо. И Будда спросил:

— Что случилось с этим человеком?

— Господин, это то, о чем ты думаешь. Этот человек увидел, что происходит смерть, и отправился на поиски бессмертного.

Тем же самым вечером Будда отрекся от мира; он оставил свой дом и отправился на поиски бессмертного, на поиски истины.

Смерть это самый важный в жизни вопрос. И те, кто принял вызов смерти, безмерно вознаграждены.

Сутры. Будда говорит:

Кто завоеует этот мир

И мир смерти со всеми его богами?

Кто откроет

Сияющий свет закона?

Он бросает вам вызов. Он поднимает в вашем сердце вопрос. Он спрашивает: *Кто завоеует этот мир и мир смерти со всеми его богами?*

Этот мир — мир смерти, и все боги, которых вы создали в своем воображении являются частью этого мира — они умрут. Вы, ваш мир, ваши боги — все они умрут, потому что этот мир создан вашими желаниями, как и боги созданы вашими желаниями и воображением.

Вы не знаете, кто вы — как вы можете знать реального Бога? Как вы можете знать реальный мир? Все, что вы знаете, это лишь проекция, своего рода сон. Да, когда продолжается сон, он кажется реальностью. Каждую ночь вам снятся сны, и вы знаете, что, пока вам снится сон, вы не подозреваете об этом, вы не сомневаетесь в нем, вы не задаете вопросов.

Гурджиев обычно говорил своим ученикам: «Каждую ночь, когда вы ложитесь спать, когда вы уже на грани, и завеса сна падает на вас, но все же вы еще немного помните, вы еще не утонули в темноте сна, немного осознанности, и наступает сон... эти мгновения, эти интервалы между бодрствованием и сном», — говорил Гурджиев, — «очень значительны. Задайте в уме вопрос и продолжайте повторять его, когда вы засыпаете. Простой вопрос: реальность ли это? О реальном ли этот сон? Продолжайте повторять этот вопрос, пока вы засыпаете, чтобы однажды днем во сне вы могли спросить: реальность ли это?» Этот день приносит великое благословение.

Если во сне вы можете спросить: «Реальность ли это?», сон немедленно исчезает. Вы спрашиваете — и сна больше нет. Внезапно внутри происходит великое пробуждение. Во сне вы становитесь бдительны. Сон продолжается; в этом великая красота этого опыта. Сон продолжается; тело остается спящим, ум остается спящим, но что-то за пределами тела и ума становится

бдительным; в вас возникает свидетель. «Реальность ли это?» — если вы спрашиваете во сне... очень трудно помнить, потому что, когда вы засыпаете, вы совершенно забываете себя. Отсюда средство — засыпая, продолжайте повторять вопрос: Реальность ли это? Реальность ли это? Засните, повторяя этот вопрос.

Примерно через два или три месяца, однажды это обязательно случится — во сне внезапно возникает вопрос: Реальность ли это? И вы получаете один из самых глубоких в вашей жизни опытов. В то мгновение, когда вы задаете этот вопрос, сон тотчас же исчезает, и воцаряется полная пустота и молчание. Сон продолжается, но все же зажегся небольшой огонек осознанности.

И лишь тогда вы станете осознавать эту жизнь и ее иллюзорность; тогда вы будете способны увидеть, что мир желаний, ревности, амбиций это лишь сон, видимый с открытыми глазами. И если вы можете увидеть, что этот мир тоже является сном, вы на грани просветления.

Но помните, верования не помогут. Вы можете верить в то, что мир иллюзорен — в Индии миллионы людей верят и постоянно повторяют как попугаи: «Этот мир есть *майя*, иллюзия» — то и это. И все, что они говорят, это вздор, чепуха, потому что это не является их подлинным переживанием. Они слышали, что это говорят люди, и они повторяют. Они не *знают* сами по себе, они не свидетельствовали это; поэтому это никогда не изменит их жизни. Они продолжают повторять: «Этот мир нереален», и они продолжают жить в этом мире так же, как и те, кто не верит в это — нет никакой разницы, никакой качественной разницы.

В чем разница между материалистом и так называемым религиозным человеком? В чем разница? В том, что он каждое воскресенье ходит в церковь? Или в том, что он изредка ходит в храм? Это единственная

разница; в противном случае, в фактической жизни, вы найдете их в точности похожими друг на друга. Иногда нерелигиозный человек может быть более честным, более подлинным, более искренним, более правдивым, чем религиозный — потому что религиозный человек нечестен уже в том, что он религиозен, не имея никакого собственного опыта. Его религиозность основана на нечестности; он повинен в величайшей нечестности, на которую только способен человек: он верит в Бога и ничего не знает о Боге; он верит в вечную жизнь, не испытав ее вкуса. Он ничего не видел, и все же он продолжает притворяться. Его религиозность нечестна в своей основе; поэтому неудивительно, что в так называемых религиозных странах, таких как Индия, вы найдете, что люди менее честны, чем в так называемых материалистических странах Запада.

Западный материалист более искренен. Индийский религиозный человек очень подлый, нечестный, обманщик, потому что, если вы можете обмануть даже Бога, кого вы оставите в покое? Если ваша религия ложна, ложной будет и вся ваша жизнь. Человек, у которого хватит характера, чтобы сказать: «Пока я не знаю Бога, я не собираюсь в него верить», внутренне искренен, честен. Таково мое наблюдение: у атеистов больше возможностей познать Бога, чем у так называемых теистов.

Кто завоеует этот мир и мир смерти со всеми его богами? Кто откроет сияющий путь закона?

Аэс дхаммо санантано — кто откроет вечный, неисчерпаемый закон? *Аэс магго вишуддхья* — кто найдет путь вечной чистоты, вечной невинности? Кто? Будда бросает вам вызов и говорит:

*Ты — даже как человек,
Который ищет цветы*

*И находит самой красивый,
Редчайший.*

Да, вы можете завоевать этот мир смерти — потому что в своем глубочайшем ядре вы часть вечности, вы не часть времени. Вы существуете во времени, но вы принадлежите вечности. Вы — проникновение вечности в мир времени. Вы бессмертны, живя в смертном теле. Ваше сознание не знает ни рождения, ни смерти. Лишь ваше тело рождается и умирает. Но вы не осознаете своей осознанности; вы не сознаете своего сознания.

В этом все искусство медитации: осознавать само сознание. В то мгновение, когда вы узнаете, кто обитает в теле, кто вы, в самом этом откровении вы трансцендируете смерть и мир смерти. Вы трансцендируете его мгновенно.

*Ты — в точности как человек, который ищет цветы
и находит самый красивый, редчайший.*

Иисус говорит: Ищите и найдете, просите, и вам будет дано, стучите, и двери откроются перед вами.

Нужно великое исследование, великий поиск. Точно так же, как наука это исследование объективного мира, религия это исследование субъективного мира. Наука исследует то, что вы видите, религия исследует самого видящего. Религия, несомненно, это наука наук.

Наука никогда не может быть более важной, чем религия; это невозможно, потому что наука, прежде всего, это человеческие усилия. Это то, что вы делаете — но кто этот делающий внутри вас? Делающий никогда не может быть меньше, чем делаемое. Художник никогда не меньше своих картин, поэт никогда не меньше своих стихов. Ученый знает о мире, но он ничего не знает о самом ученом.

Альберт Эйнштейн в свои последние дни обычно говорил: «Иногда я подозреваю, что моя жизнь была потрачена впустую. Я исследовал самые дальние звезды и совершенно забыл о том, чтобы исследовать себя — а я был ближайшей звездой!»

Просто потому что мы сознательны, мы принимаем это как должное — медитирующий никогда не принимает это как должное. Он идет вовнутрь, он стучит в двери своего собственного внутреннего существа, он ищет и исследует внутри, он не оставляет неперевернутым ни одного камня. Он входит в свое собственное существо. Его свершение — великое, величайшее, потому что он находит редчайшее. Да, есть много цветов, но среди них ни один не сравнится с цветком вашего сознания. Этот редчайший цветок — это тысячелепестковый лотос, золотой лотос. Пока человек его не знает, он не знает ничего. Пока он не находит его, все богатства бесполезны, вся власть тщетна.

Пойми, что тело —

Просто пена на волне,

Тень от тени.

Сбрось цветочные стрелы желаний,

И тогда, невидимый,

Ускользни от короля смерти.

Тело это мгновенное явление. Однажды его не было, однажды его не станет снова. Оно существует лишь как временное существо — как пена; с берега она выглядит так красиво, пена, белая пена на волне. И, если взойшло солнце, вокруг пены может возникнуть радуга; она выглядит так красиво, она подобна бриллиантом, она так бела и чиста. Но если вы возьмете ее в

руки, она начнет исчезать. Ваши руки лишь становятся мокрыми, вот и все.

Так же и с телом. Оно выглядит красиво, но в нем растет смерть, в нем прячется смерть, в нем ожидает старость. Это только вопрос времени.

Дело не в том, что в определенный день вы умрете. Фактически, реальность такова, что в тот день, когда вы рождаетесь, вы начинаете умирать. Ребенок одного дня отроду уже немного умер, он умер на один день. Он будет продолжать умирать день за днем. То, что вы называете днем рождения, на самом деле не день рождения — вам следовало бы называть его днем смерти. Человек, празднующий свой пятидесятый день рождения, на самом деле празднует свой пятидесятый день смерти. Смерть подходит ближе. Если он проживет семьдесят лет, осталось только двадцать. На пятьдесят лет он уже умер!

Мы постоянно умираем, насколько это касается тела... пена исчезает. Не обманывайтесь тем, что у вас есть семьдесят лет, потому что семьдесят лет это ничто в протяжении вечности — в чем смысл семидесяти лет? Это пена, это мгновенное.

Пойми, что тело — просто пена на волне, тень от тени. Это даже не тень, но тень от тени. Будда хочет подчеркнуть его нереальность. Это эхо от эхо, очень, очень отдаленное от реальности. Бог реален — назовите его истиной. Будде нравилось называть его дхаммой — законом. Бог это высшая реальность; тогда душа это его тень, а тело — тень от этой тени. Двигайтесь от тела к душе и от души к дхамме — к Богу, к вечному закону.

Пока вы не достигли вечного закона, не останавливайтесь на отдых, потому что, кто знает — сегодня вы здесь, завтра вас может не быть. Не тратьте эти драгоценные дни, гонясь, стремясь к тщетным вещам. Люди продолжают собирать мусор, и тогда — однажды их

больше нет. И тогда весь тот мусор, который они собрали за свою жизнь, остается позади. Они не могут взять с собой ни единой вещи.

Говорят, что когда Александр Великий умирал, он попросил своих министров, чтобы, когда его гроб понесут к могиле, его руки свисали из гроба.

— Зачем? — спросили министры. — Это неслыханно! Так никто не делает! Это не традиционно. Что это за странная, эксцентричная идея? Почему твои руки должны свисать из гроба?

Александр ответил:

— Я хотел бы показать людям, что даже я, Александр Великий, ухожу с пустыми руками. Я ничего не беру с собой. Вся моя жизнь потрачена напрасно. Я так старался...

...он действительно старался, он боролся, он был действительно честолюбивым человеком, одержимым властью, он хотел стать правителем всего мира, и, так или иначе, он в этом преуспел — он стал правителем всего известного мира... Но даже он говорит:

— Я умираю, и я не могу ничего взять с собой; поэтому все мои усилия были просто упражнением в бесполезности. Позвольте людям узнать, позвольте им осознать, позвольте им понять мою глупость, мой идиотизм. Возможно, это поможет им понять свой собственный паттерн, свой образ жизни.

Сбрось цветочные стрелы желаний, и тогда, невидимый, ускользни от короля смерти.

Если вы можете быть без желаний, смерть не может иметь над вами никакой власти. Именно желающий ум попадает в сети смерти, а мы все полны желаний: желания денег, власти, престижа, респектабельности — тысяча и одно желание. Желание создает жадность, жадность создает соревнование, соревнование создает ревность. Одно ведет к другому, и мы продолжаем все больше запутываться в суматохе мира. Это сумасшедший мир, но коренная причина его сумасшествия — желания.

Когда вы сеете семена желания... желание означает «иметь больше». У вас есть определенная сумма денег, вы бы хотели ее удвоить. Желание означает стремление к большему. И никто не думает о том, что количественная разница не удовлетворит его. Если вы не можете быть удовлетворены десятью тысячами рупий, как вы можете быть удовлетворены двадцатью тысячами? Количество рупий удвоится. Но если десять тысяч рупий не могут принести вам удовлетворения, ваше удовлетворение не может быть удвоено; в первую очередь, удовлетворения не было. Фактически, когда у вас есть десять тысяч рупий, у вас есть и некоторое количество тревоги, страха — когда вы получите двадцать тысяч рупий, эти тревоги удвоятся, когда у вас будет тридцать тысяч рупий, они утроятся, и так далее, и тому подобное. Вы можете продолжать умножать...

И, что бы ни было у вас, всегда будет кто-то, у кого будет большее — мир велик. Отсюда зависть, а зависть это лихорадка души. Кроме медитации для нее нет лекарства. Врач может вам помочь, если ваше тело страдает лихорадкой, но вам может помочь только мастер, только будда, если вы страдаете лихорадкой души. Очень немногие люди страдают физической лихорадкой, но почти каждый страдает духовной лихорадкой — завистью.

Зависть означает, что у кого-то есть больше, чем у вас. Невозможно быть первым во всем. Возможно, у вас больше всех в мире денег, но у вас некрасивое лицо. И нищий вызывает у вас зависть — его тело, его лицо, его глаза — вы завидуете. Нищий может вызвать зависть у императора.

Наполеон бы невысокого роста — только пять футов пять дюймов. Я не вижу в этом ничего плохого; это совершенно нормально — во мне тоже пять футов пять дюймов, и я никогда от этого не страдал, потому что, будет ли ваш рост шесть футов или пять, в любом случае ваши ноги достают до земли! Так в чем проблема? Если бы человек пяти футов роста висел на фут над землей, это было бы проблемой! Но Наполеон очень страдал. Он постоянно стеснялся своего маленького роста. И, конечно, его окружали высокие люди. Солдаты, генералы — все они были высокими, а он был коротышкой.

Обычно он стоял на каком-нибудь возвышении... В точности то же самое было с первым премьер-министром Индии, Джавахарлалом Неру. В нем также было пять и пять — в этом росте явно что-то есть! Последний вице-король Индии, лорд Маунтбаттен, был очень высоким — а леди Маунтбаттен еще выше. Когда лорд Маунтбаттен принимал у него присягу премьер-министра... вы можете посмотреть на фотографию, эти фотографии есть повсюду: Маунтбаттен стоит на полу, а Неру — на ступеньке, просто чтобы казаться хотя бы равным, если не выше, чем Маунтбаттен. Но, даже стоя на ступеньке, он

ниже Маунтбаттена... Глубокое чувство неполноценности.

Наполеон постоянно стеснялся своего роста. Однажды он хотел завести часы и не мог дотянуться до них рукой. Часы висели высоко на стене. Его телохранитель — а телохранитель должен быть высоким, сильным — его телохранитель сказал:

— Подождите, я выше вас, я их заведу.

Наполеон очень рассердился и ответил:

— Глупец! Проси прощения! Ты не выше меня, ты просто длиннее! Измени это слово. Выше? Что ты имеешь в виду?

Он был очень окорблен. Бедный телохранитель не имел в виду ничего обидного — он даже не осознавал, что «выше» может быть оскорбительным. У Наполеона было все, но его проблемой был рост.

Очень трудно иметь в мире все и быть во всем первым. Это невозможно! Тогда возникает зависть, она постоянно продолжается. У кого-то больше денег, чем у вас, у кого-то больше здоровья, кто-то красивее вас, кто-то умнее... вы постоянно сравниваете. Желаящий ум продолжает сравнивать.

Гольдштейн и Вайнберг имели общее дело и переживали плохие времена. Однажды Гольдштейн, прогуливаясь по лесу, встретил самую настоящую фею, и она сказала ему:

— Я исполню тебе три желания, но помни: чего бы ты ни пожелал, Вайнберг получит в два раза больше.

По пути домой Гольдштейн подумал:

— Неплохо было бы иметь просторный особняк.

И, откуда ни возмись, появился особняк. Но в то же мгновение он увидел через дорогу Вайнберга, гордо оглядывающего две свои виллы. Гольдштейн подавил зависть и пошел осматривать свой новый дом. Когда он вошел в спальню, его посетило другое минутное желание:

— Я хотел бы такую женщину, как Софи Лорен.

И, конечно, она тут же появилась во всем великолепии — вылитая Софи Лорен. Но, когда он выглянул из окна спальни, он увидел Вайнберга, стоящего на балконе с двумя великолепными женщинами.

— Ну ладно, — он вздохнул, мысленно обращаясь к фее, — ты можешь отрезать мне одно яйцо!

Зависть есть зависть... Если вы не можете получить все, по меньшей мере, вы можете помешать другому. Зависть становится разрушительной, зависть становится насилием. Зависть является тенью желания. Желание всегда сравнивает, и из-за сравнения возникает страдание. Люди тратят свои жизни впустую на желания, на зависть, на сравнение, и драгоценное время просто теряется. Даже если Бог даст вам три желания, вы поступите так же, как Гольдштейн — потому что еврей есть в каждом. Только будда не еврей; все остальные евреи.

Желание имеет еврейскую природу. Оно хочет большего, оно одержимо большим. И те, кто живет в желаниях, неизбежно становятся жертвами смерти. Лишь человек, который понимает глупость желаний, жадности,

постоянного стремления к большему, зависти, сравнения, который осознает всю эту чепуху и отбрасывает ее, выходит за пределы смерти. Он становится невидимым. Будда использует прекрасное слово: *И тогда, невидимый, ускользни от короля смерти.*

Смерть может увидеть только того, кто облачен в одежды желания. Смерть может увидеть только желание. Если желание отброшено, вы становитесь невидимым для смерти; смерть не может коснуться вас, потому что без желания вы просто чистое сознание и ничего больше. Вы больше не отождествлены с телом и умом. Вы просто знаете одно: что вы свидетель. Смерть не может видеть вас — вы можете видеть смерть.

Обычно смерть может видеть вас, а вы не можете видеть смерть — поскольку желание грубо, смерть может его увидеть. Сознание невидимо, это не материя — это чистая энергия, это свет. *Вы* можете видеть смерть, но смерть не может видеть вас. А увидеть смерть это еще один прекрасный опыт, великилепный опыт. Человек смеется, когда он видит смерть — смерть так бессильна. Ее сила не принадлежит ей, ее сила в вашем желающем уме. *Вы* даете ей силу. Чем больше вы желаете, тем больше вы боитесь смерти. Чем более вы жадны, тем больше вы боитесь. Чем больше у вас есть, тем больше, естественно, вы тревожитесь — смерть придет и отнимет все.

Сбрось цветочные стрелы желаний, и тогда, невидимый, ускользни от короля смерти.

И иди дальше.

Помните это предложение: *И иди дальше.*

Тогда начинается настоящее путешествие, паломничество. До этого вы просто ходили по кругу — одни и

те же желания: больше денег, больше денег, больше власти, больше власти... порочный круг, который никуда не ведет. Когда все желания отброшены, ваше сознание освобождено от грубости желания. Теперь *иди дальше* — теперь вы можете идти в бесконечное существование, вы можете двигаться в бесконечность существования. Теперь перед вами будет открываться одна тайна за другой. Теперь для вас доступно все существование, вся его полнота... сейчас *иди дальше*.

*Смерть догоняет человека,
Который собирает цветы,
Когда, с отвлеченным умом
и жаждущими чувствами,
Он тщетно ищет счастья
В удовольствиях мира.
Смерть уносит его прочь,
Как затопляет наводнение спящую деревню.*

Если вы слишком увлечены желаниями, удовольствиями, удовлетворением, если ваши чувства слишком жаждут возбуждения, если вы по глупости ищете счастья во внешнем мире, тогда смерть приходит и уносит вас, как наводнение затопливает спящую деревню.

Человек, ищущий счастья во внешнем мире, глубоко спит. Он не осознает того, что он делает, потому что счастье никогда не может быть найдено снаружи. И, что бы ни казалось счастьем, в конце концов оказывается не более чем источником несчастья. Внешний мир только обещает, но никогда не поставляет товар. Когда вы далеко, вещи кажутся прекрасными. По мере того, как вы подходите ближе, они начинают исчезать. Когда, после долгого и изнурительного усилия,

вы получаете их, вы просто в растерянности. Вы не верите своим глазам — это был мираж.

Вещи красивы только на расстоянии. Когда вы получаете их, в них ничего нет. Деньги значительны только для тех, у кого их нет. Те, у кого они есть, знают, что они бесполезны. Слава значительна только для тех, у кого ее нет. Те, у кого она есть... спросите их: они устали от своей известности, они смертельно устали от своей известности. Они хотят быть неизвестными. Они хотят быть никем.

Вольтер писал в своих мемуарах, что, когда он не был знаменит, его единственным желанием была слава; ради нее он был готов пожертвовать всем. И если вы ищете определенную вещь, вы ее получите, запомните. Однажды он стал знаменитым, и тогда он написал: «Я так устал от своей славы, потому что из моей жизни исчезло все личное, исчезли все интимные отношения — я был так знаменит, что я всегда был окружен людьми, повсюду, куда бы я ни пошел. Если я шел на прогулку в сад, за мной следовала толпа. Я был почти как представление, своего рода ходячий цирк».

Его слава достигла таких вершин, что стала опасной для жизни. Однажды, возвращаясь из путешествия, возвращаясь с вокзала, он добрался до дому почти голый, с царапинами по всему телу, весь в крови — потому что в то время во Франции существовало суеверие, что, если ты добудешь кусок одежды знаменитого человека, ты тоже можешь стать знаменитым. Поэтому люди порвали на нем одежду, и, хватая одежду, поцарапали его.

В этот день он заплакал и сказал:

— Как я был глуп, когда хотел славы. Как прекрасно было, когда никто меня не знал, и я был свободным человеком! Теперь я больше не свободен.

Тогда он захотел снова стать никем. И случилось так, что слава исчезла. В этой жизни ничто не постоянно — в один день вы знамениты, в другой день вы никто. Когда он умер, только четверо шли за его гробом; и из этих четверых одним была собака — поэтому даже три. Люди совершенно забыли о нем, они забыли о том, что он жив. Они узнали об этом, лишь когда прочитали в газетах, что умер Вольтер. Они стали спрашивать друг друга:

— Разве он был жив?

Если у вас есть слава, вы устаете от нее. Если у вас есть деньги, вы не знаете, что с ними делать. Если люди уважают вас, вы становитесь рабом, потому что тогда вам придется постоянно соответствовать их ожиданиям; в противном случае уважение исчезнет. Только когда вы неизвестны, вам кажется, что это нечто значительное. Когда вас не уважают, вы жаждете уважения. Когда вас уважают, вы должны заплатить за уважение. Чем больше люди уважают вас, тем пристальнее они следят за вами — выполняете ли вы их ожидания, или нет. Вся ваша свобода исчезла. Но именно так живут люди.

Будда говорит, это подобно спящей деревне — приходит наводнение и забирает всю деревню, приходит наводнение смерти.

Смерть побеждает его,

Когда, с отвлеченным умом и жаждущими чувствами,

Он собирает цветы.

Он никогда не насытится

Удовольствиями мира.

Никто никогда не может быть удовлетворен миром — это невозможно. Вы можете становиться все более и более неудовлетворенным, вот и все, потому что удовлетворение случается, лишь когда вы идете вовнутрь. Удовлетворенность это ваша глубочайшая природа. Удовлетворенность не относится к вещам. Вы можете быть обеспечены вещами, — красивый дом, красивый сад, не нужно заботиться о деньгах, — да, вы можете быть обеспечены, но вы останетесь прежним: обеспеченно неудовлетворенным. Фактически, когда вы всем обеспечены, и вам никак не приходится зарабатывать деньги, двадцать четыре часа в сутки вы осознаете свою неудовлетворенность, потому что вам не остается никакого другого занятия.

Именно поэтому богатые люди более неудовлетворены, чем бедные. Так и должно быть, — по логике, так быть не должно, — но так устроена жизнь. Жизнь не следует Аристотелю и его логике. Богатые люди, приезжающие с Запада, озадачены, видя удовлетворенные лица бедных индийцев. Они не могут поверить своим глазам. У этих людей ничего нет — почему они выглядят удовлетворенными? И индийские так называемые махатмы, святые и политические лидеры постоянно хвастаются миру: «Наша страна духовна — посмотрите! Люди так удовлетворены, хотя у них и ничего нет, потому что они внутренне богаты».

Это чепуха. Они не богаты внутренне. Удовлетворенность, которую вы видите на индийских лицах, это не удовлетворенность внутренней реализации. Причина просто в том, что они так заняты деньгами, хлебом и маслом, что они не могут выделить времени на неудовлетворенность. Они не могут позволить себе сидеть и сокрушаться о собственных несчастьях. Они так несчастны, что у них нет времени на то, чтобы быть несчастными! Они так несчастны, что они никогда не знали никаких удовольствий, поэтому они не могут сравнивать.

Когда общество становится богатым, приходит время задуматься: «Что дальше?..» И, кажется, больше ничего нет. Когда доступны все внешние вещи, вы начинаете думать: «Что я здесь делаю? У меня есть все, но я так же пуст, как и всегда». Человек начинает обращаться вовнутрь.

Нищие выглядят удовлетворенными, потому что они не испытали никакого вкуса богатства. Но богатый человек становится очень неудовлетворенным. Благодаря богатству он осознает бесполезность всех богатств. *Смерть побеждает его, когда, с отвлеченным умом и жаждащими чувствами, он собирает цветы. Он никогда не насытится удовольствиями мира.*

Вы не можете насытиться. Это невозможно. Вы не можете получать удовлетворение от вещей; ум продолжает требовать большего. Чем больше у вас есть, тем больше вы создаете для себя проблем — потому что вы можете позволить себе проблемы, у вас есть время. Фактически, у вас столько времени, что вы не знаете, что с ним делать. Вы начнете делать глупости. Вы создадите для себя новые несчастья, новые тревоги. И, не найдя удовлетворение снаружи, вы почувствуете такую неудовлетворенность, что можете начать думать о самоубийстве.

Гораздо больше людей совершает самоубийство в богатых странах, чем в бедных. Или вы почувствуете такую неудовлетворенность, что вы можете сойти с ума, свихнуться. Гораздо больше людей сходит с ума в богатых странах, чем в бедных.

Быть богатым в определенном смысле опасно: это может привести вас к самоубийству, это может привести вас к безумию — но это также и очень значительно, потому что это может привести вас к религии, к вашему внутреннему, ко внутренней революции. Это зависит от вас — возможности открыты. Богатый человек должен стать либо неврастеником, самоубийцей, либо медитирующим; у него нет других возможностей.

Бедный человек не может стать неврастеником, самоубийцей; у него нет даже хлеба в достатке, что говорить об уме? К вечеру он так устает, он не может думать, нет сил думать... он засыпает. Утром снова — прежняя суэта, зарабатывание хлеба. Каждый день он должен работать, как-то остаться в живых, выжить. Он не может себе позволить роскошь невроза, роскошь психоанализа — это роскошь, которую могут себе позволить только богатые люди! Он не может быть и настоящим медитирующим. Он пойдет в храм, но он попросит чего-нибудь мирского. Его жена больна, его дети не могут ходить в школу, он безработный. Он идет в храм и просит. Качество религии бедного человека очень бедное.

В мире есть две разновидности религии: религия бедных — очень мирская, очень материалистическая — и религия богатых — очень духовная, нематериалистическая. Когда молится богатый, его молитва не может быть о деньгах. Если он все еще молится о деньгах, значит, он еще недостаточно богат.

Как-то односельчане спросили суфийского святого, Фариды:

— Великий король Акбар так часто приходит к тебе — почему ты не попросишь его открыть школу в нашей деревне? У нас нет школы.

Фарид ответил:

— Хорошо, но я не буду ждать, пока он придет. Я пойду сам.

Он пошел в Дели, он был принят — каждый знал, что Акбар чрезвычайно уважает его. Акбар молился в своей личной мечети; Фариду впустили вовнутрь. Он вошел и увидел молящегося Акбара. Король стоял совсем рядом — было слышно, что он говорит. С простертыми руками Акбар заканчивал свою молитву, намаз, и он говорил Богу:

— Всемогущий и сострадательный, излей на меня большие богатства! Дай мне большее королевство!

Фарид немедленно повернулся и пошел прочь. Так как это было в конце молитвы, Акбар заметил, что кто-то приходил и ушел. Он оглянулся и увидел, что Фарид спускается по лестнице, догнал его, коснулся его ног и спросил:

— Почему ты пришел? — потому что он пришел в первый раз, — И почему ты уходишь?

Фарид ответил:

— Я пришел, думая, что ты богат, но, услышав твою молитву, я понял, что ты все еще беден. Если ты до сих пор просишь денег, власти, будет нехорошо с моей стороны просить денег, потому что я пришел попросить немного денег, чтобы открыть школу в нашей деревне. Нет, я не могу просить у

бедного. Тебе самому нужно больше. Я соберу немного денег в деревне и отдам их тебе! Что же касается школы, если ты просишь Бога, то и я могу попросить Бога — почему я должен использовать тебя как посредника?

Эта история записана самим Акбаром в его автобиографии. Он говорит: «Впервые я осознал, что да, я еще недостаточно богат, я еще не удовлетворен всеми этими деньгами. Они ничего не дали мне, и я продолжаю просить большего, почти совершенно бессознательно! Пришло время покончить с этим. Жизнь уплыла, а я все еще прошу мусора. И я много собрал — он ничего не дал мне».

Но почти механически он продолжает просить. Помните, религия, которая возникает в вас, когда вы жили в мире и знаете тщетность мира, имеет совершенно другой аромат, нежели чем религия, возникающая в вас из-за того, что ваши физические потребности не удовлетворены.

Религия бедного человека бедна, религия богатого богата. Я бы пожелал миру богатой религии; поэтому я не против технологии, индустриализации. Я не против создания процветающего общества, я полностью за него, потому что таково мое наблюдение: религия достигает кульминации, лишь когда люди совершенно разочарованы в мирских богатствах, а единственный способ заставить их совершенно разочароваться это позволить им испытать опыт богатства.

Пчела собирает нектар с цветка,

Не вредя его красоте и аромату.

*Так пусть мастер утвердится и отправляется
в путь.*

Будда называл своих монахов «просящими милостыню», *мадхукари*. Быть мадхукари означает собирать мед как пчела. *Бхиккху*, буддистский саньясин, ходит от дома к дому; он никогда не просит только в одном доме, потому что это может быть слишком обременительно. Поэтому он просит во многих домах, немного от одного дома, немного от другого, и он не становится ни для кого обузой. И он никогда не приходит в тот же дом снова. Это называется мадхукари — подобно медовой пчеле. Пчела движется от одного цветка к другому, продолжает двигаться от одного цветка к другому — она не собственница.

Пчела собирает нектар с цветка, не вредя его красоте и аромату. Она берет у одного цветка так мало, что это не вредит его красоте, его аромат не нарушен. Цветок просто не замечает пчелу; она приходит так молчаливо и так молчаливо уходит.

Будда говорит: человек осознанности живет в этом мире как пчела. Он никогда не вредит красоте этого мира, никогда не разрушает аромат этого мира. Он живет в молчании, движется в молчании. Он просит ровно столько, сколько необходимо. Его жизнь проста, она не сложна. Он не собирает на завтра. Пчела никогда не копит на завтра, самого по себе сегодня достаточно.

Так пусть мастер утвердится и отправляется в путь. Очень странное выражение: *...утвердится и отправляется в путь.* Утвердитесь внутри, будьте центрированы внутри, а снаружи будьте путешественником: внутри совершенно укорененный, снаружи никогда не остающийся долго в одном месте, не остающийся долго с одним человеком, потому что возникают привязанности, возникает собственность. Будьте в точности как пчела.

Вчера вечером я читал мемуары одного поэта. Он говорит: «Я обнаружил одну странную вещь: когда я влюбляюсь в действительно красивого человека, я не могу обладать ей или им. Если я обладаю, я тотчас же вижу, что я уничтожаю красоту этого человека. Если я становлюсь привязанным, каким-то образом я раню другого человека, его свободу».

Поэты чувствительный народ; они могут осознать многое, чего не осознают обыкновенные люди. Но это прекрасное прозрение, с большой глубиной: если вы действительно влюбляетесь в красивого человека, вы не хотите обладать, потому что обладать значит разрушать. Вы будете подобны пчеле; вы будете наслаждаться его обществом, вы будете наслаждаться его дружбой, вы разделите любовь, но не будете обладать. Обладать значит низвести человека до вещи. Это значит разрушить его дух, это значит превратить его в товар — и вы можете делать это, лишь если вы не любите. Вы можете делать это, лишь если ваша любовь это не что иное, как ненависть, замаскированная под любовь.

Будда говорит: Подобно пчеле двигайтесь в жизни — наслаждайтесь, празднуйте, танцуйте, пойте, но как пчела — от одного цветка к другому. Испытайте весь опыт, потому что только путем опыта человек становится зрелым. Но не будьте собственником, ни к чему не привязывайтесь. Оставайтесь текучим как река — не становитесь застойным. Утвердитесь внутри, конечно, станьте кристаллизованным внутри, но снаружи оставайтесь путешественником.

*Смотри на свои недостатки,
На сделанное или оставленное
несделанным.
Игнорируй недостатки других.*

Обычно человеческие существа игнорируют собственные недостатки и подчеркивают, преувеличивают недостатки других. Это путь эго. Эго чувствует себя хорошо, когда оно видит: «У каждого много недостатков, а у меня — ни одного». В этом весь трюк: игнорируйте свои недостатки, преувеличивайте недостатки других, и, конечно, каждый вокруг кажется чудовищем, а вы — святым.

Будда говорит: делайте наоборот. Если вы действительно хотите трансформировать себя, игнорируйте недостатки других — это не ваше дело. Кто вы такой, вас никто не просил вмешиваться, вы не имеете на это права, так зачем себя утруждать? Но не игнорируйте собственных недостатков, потому что они должны быть изменены, преодолены.

Когда Будда говорит, *смотри на собственные недостатки, на сделанное или оставленное несделанным*, он не имеет в виду, что вы должны раскаиваться, если вы поступили неправильно; он не имеет в виду, что вы должны хвастаться и гладить себя по голове, если вы поступили правильно. Нет. Он просто предлагает вам следить за тем, чтобы вы запомнили и не повторили в будущем того, что неправильно, чтобы вы запомнили и в будущем увеличили, улучшили то, что было хорошо, и уменьшили зло — не раскаяние, но запоминание.

В этом различие между подходом христианства и буддизма. Христианин запоминает, чтобы раскаиваться; поэтому христианство создает большое чувство вины. Буддизм не создает никакой вины, он не за раскаяние, он за запоминание. Прошлое есть прошлое; оно прошло и прошло навсегда — не к чему о нем беспокоиться. Просто помните о том, чтобы не повторять снова одних и тех же ошибок. Будьте более наблюдательны.

*Подобны милому цветку,
Яркому, но лишенному аромата,
Хорошие, но пустые слова человека,
Который не понимает, что говорит.*

Те, кто продолжает механически повторять писания — их слова хороши, но пусты. Они как цветы, милые, яркие, но лишенные аромата. Они подобны бумажным или пластмассовым цветам — в них не может быть аромата, в них не может быть жизни. Жизнь и аромат возможны, лишь когда вы говорите от себя себя, не опираясь на авторитет писаний; когда вы опираетесь на собственный авторитет, когда вы говорите как свидетель истины, не как ученый школяр, не как пандит, когда вы говорите как пробужденный.

*Подобны милому цветку,
Яркому и ароматному,
Хорошие и правдивые слова человека,
Который понимает, что говорит.*

Помните о том, чтобы не повторять чужих слов. Испытывайте опыт, и говорите только то, что является вашим опытом, и у ваших слов будет существо, вес; у ваших слов будет сияние, будет аромат. Ваши слова будут привлекать людей; не только привлекать — воздействовать. Ваши слова будут чреватые великим смыслом, и те, кто готов их услышать, будут трансформированы ими. Ваши слова будут дышать, жить; в них будет биение пульса.

*Гирлянда свита из груды цветов —
Придай своей жизни столько же добрых дел.*

Пусть ваша жизнь станет гирляндой — гирляндой добрых дел. Но добрые дела, согласно Будде, возникают, лишь если вы более наблюдательны, более бдительны, более осознанны. Добрые дела не должны прививаться как характер; добрые дела должны быть побочным следствием вашего более сознательного существа.

Буддизм подчеркивает не характер, но сознание — это его величайший вклад в человечество и человеческую эволюцию.

На сегодня достаточно.

Глава 4
Распространяй слух!

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

*Все это кажется очень парадоксальным:
быть тотальным, и все же оставаться
свидетелем, наблюдателем; утонуть в
любви, и все же быть в одиночестве. Это
звучит таинственно, и я чувствую полную
растерянность и замешательство.
Обманываюсь ли я?*

Прем Урджа, жизнь красива, потому что она парадоксальна. В ней есть соль, потому что она парадоксальна — она не только сладкая, в ней есть и соль. Если бы в ней была только сладость, она стала бы засахаренной, сахариновой.

Жизнь содержит поразительную тайну, потому что она основана на парадоксе. Ты чувствуешь замешательство, потому что у тебя есть определенная навязчивая идея о том, какой должна быть жизнь — ты не позволяешь жизни быть такой, как она есть. Ты хочешь навязать ей определенную концепцию, определенную логику. Это замешательство — твоего собственного создания.

Попробуй навязать жизни определенный логический образец, и ты окажешься в большом замешательстве, потому что жизнь не обязана следовать твоей логике. Жизнь есть как она есть. Ты должен слушать ее. В ней есть все цвета, весь спектр — это радуга. Но у тебя есть идеи о том, что она должна быть только голубой, или только зеленой, или только красной — но в ней есть все семь цветов. Тогда что ты собираешься делать с остальными шестью цветами, которые не включены в твою концепцию? Либо тебе придется игнорировать их,

отгораживаться от них, чтобы ты не начал их осознавать, подавлять, просто отрицать их... Но, чтобы ты ни сделал, жизнь не собирается отбрасывать свои цвета; они останутся — отвергнутые, осужденные, подавленные, они все равно останутся, ожидая момента, чтобы взорваться в твоём сознании.

И, когда они взрываются, ты в замешательстве. За это замешательство ответственен ты. Жизнь это совершенно не замешательство. Жизнь это тайна, но не замешательство. Из-за того, что ты не хочешь, чтобы она была таинственной, ты хочешь, чтобы она была математической, очень ясной, чтобы ты мог ее измерить и посчитать — отсюда затруднение. Оно не создано жизнью. Отбрось свои концепции, и тогда взгляни... Тогда ты увидишь, что приходящая буря приносит с собой и молчание — это нелогично! Молчание, которое чувствуется после бури, самое глубокое, самое подлинное. Если бы не было бури, молчание осталось бы поверхностным, оно было бы тупым, в нем не было бы глубины. После бури... чем сильнее буря, тем глубже молчание. Это парадоксально.

Это парадоксально лишь потому, что ты хочешь применить определенную логику. Буря — и создаст тишину? Это не соответствует твоим представлениям, — это правда, — и тогда ты будешь в замешательстве. Но почему это должно соответствовать твоим представлениям? Жизнь нужно воспринимать — не постигать. Посмотри, что происходит на самом деле, не давай заранее заготовленных ответов. Не двигайся по жизни с предрассудками, с предвзятым умом, с априорными концепциями. Иди невинным, обнаженным, невежественным. Действуй из состояния незнания. И тогда... жизнь это не замешательство. Это поразительная радость, это экстаз. За то, что сегодня сбивает тебя с толку, завтра ты почувствуешь благодарность, благодарность за то, что это так, что это нелогично.

Жизнь была бы совершенно скучной, если бы Бог следовал Аристотелю. Какая радость, что Бог не последователь Аристотеля, какая радость, что он ничего не знает об Аристотеле, что он не читал его книг, что он не верит в логику, что он верит в диалектику. Отсюда парадоксы.

Человек может быть глубоко в любви, и все же оставаться в одиночестве. Фактически, человек может быть в одиночестве, лишь если он в глубокой любви. Глубина любви создает вокруг тебя океан, глубокий океан, и ты становишься островом, совершенно одиноким. Да, океан постоянно бросает волны на твои берега, но, чем больше волн бросает океан на твой берег, тем более ты становишься интегрированным, укорененным, центрированным.

Любовь имеет ценность лишь потому, что она дает вам одиночество. Она дает вам достаточное пространство для того, чтобы быть самим собой.

Но у вас есть представление о любви; эта идея создает проблемы — не сама любовь, но эта идея. Идея состоит в том, что в любви любовники исчезают друг в друге, растворяются друг в друге. Да, бывают мгновения растворения — но в этом красота жизни и всего экзистенциального: когда любовники растворяются друг в друге, в те же самые мгновения они становятся очень сознательными, очень бдительными. Это растворение не является видом опьянения, это растворение не бессознательно. Он приносит вам великое сознание, оно высвобождает великую осознанность. С одной стороны, они растворяются — с другой стороны, они впервые видят поразительную красоту одиночества. Один определяет другого, его одиночество; они определяют друг друга. Они благодарны друг другу. Именно благодаря друг другу они были способны увидеть собственное «я»; один становится зеркалом, в котором отражается другой.

Любовники являются зеркалами друг для друга. Любовь заставляет вас осознать ваше истинное лицо.

Поэтому выражение «любовь приносит одиночество» выглядит очень противоречивым, парадоксальным. Вы всегда думали, что любовь приносит единение. Я не говорю, что она не приносит единения, но, пока вы не в одиночестве, вы не можете быть вместе. Кто будет вместе? Чтобы быть вместе, нужны два человека, чтобы быть вместе, нужны два независимых человека. Единение будет богатым, безмерно богатым, если каждый из них совершенно независим. Если они зависят друг от друга, это не единение — это рабство, это оковы.

Если они зависят друг от друга, цепляются, стремятся обладать, если они не позволяют друг другу быть в одиночестве, если они не дают друг другу достаточного пространства для роста, они — враги, а не любовники; они разрушают друг друга, они не помогают друг другу найти свою душу, свое существо. Что это за любовь? Это может быть просто страх одиночества; из-за этого они цепляются друг за друга. Но настоящая любовь не знает страха. Настоящая любовь способна на одиночество, настоящее одиночество, и из этого одиночества вырастает единение.

Халиль Джибран говорит: Двое любовников подобны столбам в портике храма — они поддерживают одну и ту же крышу, но стоят по отдельности; они вместе, насколько это касается поддерживания крыши, но совершенно отделены, насколько это касается их существ. Будьте столбами храма, поддерживающими один храм любви, одну крышу любви, но все же укорененными в собственном существе, не отвлеченными от него. И тогда вы узнаете и красоту, чистоту, ясность, здоровье, целительность одиночества, и ту радость, танец, музыку, которые приносит единение.

Красиво, когда кто-то играет на сольном инструменте, — соло на флейте, — в этом есть поразительная красота. И также есть красота в оркестре. Любовь знает обе возможности: она знает, и как быть одиноким флейтистом, и как быть в ритме, в гармонии с другим.

В реальности нет противоречия — противоречие появляется лишь потому, что у тебя есть определенная идея. Отбрось идею, и — где смятение? Смятение появляется только из заключений. Если у тебя уже есть заключение, а жизнь кажется чем-то другим — тогда ты в смятении. Вместо того, чтобы пытаться исправить жизнь, отбрось свои заключения.

Никогда не действуйте из заключений! — вот что я продолжаю повторять вам каждый день: не действуйте из состояния знания. Знание означает заключения, а все заключения заимствованны. Жизнь так безгранична, что она не может уместиться в одном заключении. Все заключения частичны. И, когда часть объявляет себя целым, это порождает своего рода фанатизм, ортодоксию; это создает тупой и глупый ум.

Урджа, ты говоришь: «Быть тотальным, и все же оставаться свидетелем, наблюдателем... кажется очень парадоксальным».

Лишь кажется, этот парадокс только на поверхности; иначе быть тотальным значит быть наблюдателем. Когда ты в чем-то тотально, в тебе высвобождается великая осознанность — ты становишься свидетелем. Внезапно! Дело не в том, что ты практикуешь свидетельствование. Если ты тотален... однажды, тотально танцуя, ты увидишь, о чем я говорю.

То, что я вам даю, это не логические заключения: это экзистенциальные указания, намеки. Танцуй тотально! — и тогда ты будешь удивлен. Ты почувствуешь нечто новое. Когда танец становится тотальным, и танцор

почти растворяется в танце, в тебе возникнет новый вид осознанности. Ты совершенно теряешься в танце: танцор исчез, остается лишь танец. И в то же время ты не бессознателен, совсем нет — как раз наоборот. Ты очень сознателен, сознательнее, чем когда-либо раньше.

Но если ты начинаешь об этом думать, появится парадокс. Тебе не удастся свести концы с концами, и ты придешь в большое замешательство.

Испытай это на опыте. Что бы ни говорилось здесь, это говорится для того, чтобы помочь вам получить опыт. Я не вешаю на вас никакого знания, никакой информации — лишь несколько намеков, чтобы испытать вкус многомерных качеств жизни.

Ты говоришь: «Это кажется парадоксальным... утонуть в любви, и все же быть в одиночестве». Это не так — это только кажется. Но ты, кажется, слишком привязан к своим заключениям; поэтому возникает эта мысль: «Обманываюсь ли я?»

В некотором смысле, да, ты обманут всеми своими предрассудками, всеми своими заключениями, всем своим знанием. Я пытаюсь снова привести тебя в мир невинности. Я пытаюсь дать тебе новое рождение, чтобы ты снова мог стать ребенком — полным благоговения и восхищения.

Ребенок никогда не видит ни в чем парадоксов — и в этом красота ребенка. Ребенок может очень любить тебя и говорить: «Я не могу без тебя жить», и в следующее мгновение разозлиться и сказать: «Я больше никогда не хочу тебя видеть». Он тотален в обоих своих утверждениях, и через несколько мгновений он снова сидит у тебя на коленях с огромной радостью — и она также тотальна.

Ребенок тотален в каждое мгновение, ребенок никогда не видит никаких противоречий. Когда он злится, он — настоящий гнев; когда он любит, он —

настоящая любовь. Он движется от одного мгновения к другому, не создавая для себя замешательства. Он никогда не смущается. Он никогда не привносит этого парадокса, потому что он еще не пришел ни к каким заключениям. Он не знает, каким должен быть человек. Он просто позволяет себе быть, что бы то ни было — он течет вместе с жизнью.

Урджа, в чем-то ты стал застойным. В тебе слишком много знания, и оно действует как преграда. Оно не позволяет тебе течь вместе со мной, вместе с моими людьми. Оно не позволит тебе течь вместе с жизнью, оно не позволит тебе течь вместе с Богом.

Бог есть одновременно день и ночь, лето и зима, рождение и смерть... и ты должен быть способен впитать все эти так называемые парадоксы. Если ты можешь впитать все эти так называемые парадоксы, не приходя в замешательство, просветление близко.

Просветление это состояние, когда все парадоксы исчезли. Человек просто принимает во внимание жизнь, как она есть. У него нет никаких заключений, чтобы сравнивать, никаких идей, чтобы судить. Тогда как ты можешь быть в смятении? Вы не можете смутить меня, — это невозможно, — потому что у меня нет заключений. Без заключений, без знания, просто испытай вкус жизни, как она есть. Это тайна, а не парадокс.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

*Я не верю ни единому слову об этой тайне.
Ничего подобного не существует! Я предполагаю, что Ты рекламируешь свою новую коммуну, потому что пресс-центр*

слишком ленив и не так умен, каким можешь быть Ты.

Сарджано, это не вопрос того, чтобы верить или не верить — это так. Вопрос веры возникает лишь потому, что ты не осознаешь этого. Верование значительно, как и неверование — когда ты не осознаешь реальность. Тогда ты либо веришь, либо не веришь.

Я не предлагаю верить в тайну, о которой я говорю. Я также не предлагаю и не верить — я говорю: Идем со мной! Это так! Позволь мне тебя разбудить... это так.

Ты говоришь: «Я не верю ни единому слову об этой тайне». Это очень хорошо. Пожалуйста, не верь ни единому слову, потому что, если ты начнешь верить, ты не будешь способен к опыту. Я не заинтересован в верующих, я заинтересован в исследователях. Но, пожалуйста, не начинай и предполагать, потому что предположения есть предположения. Предположения не помогут. Они станут верованием — если ты продолжаешь предполагать долгое время, если ты продолжаешь повторять одно и то же предположение снова и снова, оно становится верованием. Тогда ты создаешь собственное верование, и оно становится преградой.

Верования, как и неверования, это такие тонкие преграды. Помни, когда я говорю верование, я также подразумеваю и неверование — потому что это другая сторона монеты. Верование и неверование — оба они являются преградами. Как только ты создаешь вокруг себя систему верований, — либо заимствованную у других, либо созданную тобой самим; либо заимствованную из Библии, «Майн Кампф», «Капитала», Бхагават-Гиты, либо созданную твоими предположениями, самодельную, это не имеет значения, — верование становится преградой, невидимой преградой. И,

как только оно установилось, оно не позволяет тебе видеть больше ничего, что ему противоречит.

Вчера я читал об одном эксперименте. Сарджано, медитируй на это.

Некий натуралист провел следующий эксперимент: стеклянный сосуд был разделен на две части совершенно прозрачной перегородкой. С одной стороны от перегородки он поместил щуку; с другой — несколько маленьких рыбок в качестве ее добычи.

Щука не замечала перегородки и бросалась на добычу, единственным результатом чего был, конечно, только разбитый нос. Одно и то же происходило много раз, и всегда с тем же результатом. Наконец, видя, как плачевно заканчиваются ее попытки, щука оставила охоту; поэтому через несколько дней, когда перегородка была удалена, она продолжала плавать среди маленьких рыбок, не пытаясь их атаковать... Не происходит ли этого и с нами?

Теперь перегородки больше нет, — она удалена, — но в уме щуки возникла система верований. Теперь она верит в прозрачную перегородку. Теперь верования достаточно; она никогда не пересекает пределов перегородки, которой больше нет. Теперь она может пересечь! Теперь ей ничто не препятствует, кроме ее собственного верования... она создала верование. И, конечно, из своего опыта, Сарджано, — это даже не предположение, — это был опыт, повторяющийся опыт. Она пыталась снова и снова, и каждый

раз получала только разбитый нос и боль — конечно, возникло верование.

Вы должны простить ее — бедная щука пришла к заключению, что это бесполезно: «Здесь преграда, прозрачная преграда, и я не могу пройти...», и она никогда больше не пыталась. Она никогда больше в своей жизни не попытается. Теперь она может съесть рыбок, они доступны, но она доплывает только до определенной линии, и оттуда возвращается обратно.

Такова же и ситуация человеческих существ. Индуист имеет вокруг себя одну преграду, мусульманин — другую, джайн — третью; все люди прячутся за прозрачными перегородками, и из-за этих перегородок они не могут видеть того, что за их пределами.

Жизнь это тайна, Сарджано. И моя коммуна будет просто экспериментом в тотальной жизни, экспериментом в движении в жизнь за пределы всех преград — преград верований, преград идеологий, преград католицизма, преград коммунизма... выход за пределы слов.

Человек это не то, чем он кажется; он — гораздо большее. Как и цветы — не то, чем они кажутся вам — это зависит от вас. Когда ученый подходит к цветку, он видит лишь его часть, его научную часть; перед ним преграда, прозрачная преграда. Он никогда не выходит за ее пределы. Он увидит научную часть, материальную часть цветка. Роза больше не красива, потому что красота не является его концепцией. Он будет взвешивать, измерять; он будет смотреть на составляющие цветка: сколько цвета, сколько воды, сколько земли, и так далее, и тому подобное... он никогда не подумает о красоте.

Когда к розе подходит поэт, он никогда не заботится о весе, измерении, земле, воде и других элементах, составляющих розу. Для него роза состоит из чистой красоты; это нечто из запредельного, сошедшее на землю. У него другое видение, гораздо большее, чем видение ученого, гораздо более значительное, чем видение ученого.

Но когда к тому же цветку подходит мистик, он танцует — он танцует в огромной радости, потому что роза это не что иное, как Бог. Для него роза содержит в себе всю вселенную — все звезды, солнца и луны, все возможные и невозможные миры содержатся в этом маленьком цветке розы. Она равнозначна Богу, — не меньше и не больше, — в точности равнозначна Богу. Он может молиться, он может поклониться.

Ученый посмеется, поэт будет немного озадачен... Ученый посмеется над глупостью мистика: «Что он делает? — молится розе, молится дереву, молится реке, молится горе? Чепуха, суеверие!» Он отвергнет это. Он просто отрицает мир мистика.

Поэт будет слегка озадачен. Он может понять наслаждение красотой розы, но молиться розе, кланяться розе, кричать «Аллилуйя!» розе? Этого он не может понять. Это за пределами его видения. Он почувствует себя сбитым с толку. Он подумает, что мистик немного не в себе.

Ученый сочтет его суеверным, невежественным. Поэт сочтет его несколько эксцентричным, немного сумасшедшим — потому что он идет за пределы его преграды, мистик идет за пределы преграды поэта. Мистик идет за пределы всех преград — он называется мистиком именно потому, что он живет мистически.

Сарджано, то, что я говорю о новой коммуне, абсолютно правильно. И я не говорю о ней много, потому что говорить много опасно. Я не хочу привлечь

к ней людей неправильного типа. Поэтому — лишь несколько намеков для тех, кто способен понять эти намеки. Я говорю на специальном шифре, который может быть понят только теми, кто ищет таинственного и удивительного. Остальные будут отгорожены — не мной, своими собственными предрассудками, своими собственными прозрачными преградами.

Ты видишь, что здесь происходит! Люди приезжают со всего мира — что мешает жителям Пуны? Им никто не препятствует, но они не придут сами — достаточно их прозрачных преград. И хорошо, что они не приходят, потому что здесь они были бы только помехой. Из них приходят лишь немногие — те, кто способен понять запредельное, невоспринимаемое, кто способен воспринять нечто от невоспринимаемого.

Но, веришь ты или нет, послушай анекдот:

Беседуют два гомосексуалиста.

— Слышал ли ты о последнем научном открытии? Нормальное сношение вызывает рак.

— Это правда?

— Нет, конечно, нет! Но распространяй этот слух дальше.

Сарджано, веришь ты или нет, пожалуйста, распространяй этот слух. Он должен достичь самых отдаленных уголков земли. Пусть это будет слухом! Не беспокойся. Сделать ли его правдой это моя забота. Если я найду правильных людей, — а я нахожу, — я его материализую.

Эта тайна, о которой я говорю, будет материализована. Но она будет материализована лишь для тех, кто готов рискнуть всеми своими предрассудками, кто готов пожертвовать всеми своими выводами. Сарджано — один из этих людей. Я верю в него. Он задал этот

вопрос не за себя, он задал его за других — потому что я его знаю, он совершенно сумасшедший. Он только поэт, но он на грани того, чтобы стать мистиком. Он задал этот вопрос за других, это не вопрос его сердца. Его сердце полностью согласно со мной.

Вы не можете скрыть от меня свои сердца. В то мгновение, когда вы подходите ко мне близко, единственное, что меня интересует, это ваше сердце. Даже после первой встречи я знаю, что возможно, а что невозможно для вас.

Я полюбил Сарджано с самого первого мгновения. Он может иметь у себя в голове множество теорий, знаний и информации — это совершенно меня не заботит. Меня заботит то, что у него прекрасное сердце — это сердце может быть трансформировано в сердце мистика.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Мое понимания о себе таково, что все мои действия возникают из желания общаться.

Даже тончайшая мысль это разговор, попытка получить опыт других и подтвердить свое существование.

С осознанием того, что я единственный, кто может переживать мои переживания и придавать им подлинность, все эти ненужные действия должны были бы исчезнуть. Это так просто и очевидно.

Почему эта реализация не достигает моего глубочайшего ядра?

Прем Стивен, это еще не реализация — это все еще информация, это все еще догадка, это все еще мышление; на правильном пути, конечно, в правильном направлении, правда, но это еще не реализация. «Реализация» это великое слово. Человеку следует использовать его осторожно. Ты можешь думать о великом, но оно не становится твоей реализацией благодаря мышлению. Ты можешь думать о Боге и прийти к заключению, что Бог есть — но это все еще не реализация.

Реализация в точности означает реализацию — она должна стать для тебя реальностью, не просто идеей! Даже если это хорошая идея, это все же идея. Идея не может тебя трансформировать, идея не может достичь ядра твоего существа. Она остается на периферии.

Все идеи периферийны — так же, как волны остаются на поверхности. Волна не может глубоко погрузиться в океан; для нее нет способа это сделать. В глубочайшем ядре волн нет. На поверхности может бушевать шторм, но в глубочайшем ядре океан тих и спокоен — и так всегда. Лишь поверхность может быть беспокойна.

Все мышление это беспокойство поверхности вашего существа. Плохие идеи, хорошие идеи, все они на периферии. Люди верят в то, что плохие идеи находятся на периферии, а хорошие в центре — это не так. Хорошие или плохие, это не имеет значения. Идея есть идея, и идея остается на периферии.

Только свидетельство может быть в центре.

Поэтому первое, что нужно осознать — что ты еще не осознал. Как только нечто осознано, оно обязательно трансформирует тебя — немедленно трансформирует тебя. Тогда не может возникнуть этот вопрос: «Это так просто и очевидно. Почему эта реализация не достигает моего глубочайшего ядра?» Тогда это «почему»

невозможно. Если вы что-то реализуете, ваш характер немедленно меняется. Ваш характер это тень вашего сознания. Когда сознание ново, и характер становится новым.

Если ты спрашиваешь «почему», если ты спрашиваешь, как измениться, тогда реализация это только идея — не доверяй идеям. Они обманут тебя, это великие обманщики, это фальшивые монеты. Ты можешь продолжать их накапливать, считая, что ты становишься богаче, но однажды ты будешь уничтожен. Ты будешь очень раскаиваться, это будет большим несчастьем, потому что все то время, которое ты собирал эти фальшивые монеты, просто потрачено впустую. И его нельзя потребовать обратно — оно ушло навсегда.

И второе... ты говоришь, Стивен: «Мое понимание о себе таково, что все мои действия возникают из желания общаться. Самая тонкая из мыслей это разговор, попытка получить опыт других и подтвердить мое существование».

Зачем? Зачем тебе нужны другие, чтобы подтвердить твое существование и придать подлинность твоему существованию? Потому что ты подозрителен, потому что ты сомневаешься в своем существовании. В действительности ты не знаешь, что ты есть; ты знаешь об этом, лишь когда тебе говорят это другие. Ты зависишь от мнений других.

Если они говорят, что ты красив, ты думаешь, что ты красив. Если они говорят, что ты умен, ты думаешь, что ты умен. Поэтому ты хочешь произвести на людей впечатление — своим умом, своей красотой, ты хочешь произвести на людей впечатление всеми возможными способами, потому что ты можешь увидеть в их глазах нечто, что становится для тебя подлинностью.

Именно поэтому, если кто-то тебя оскорбляет, это вызывает такую ярость, если кто-то называет тебя

идиотом, это так вредит твоему имиджу; иначе, о чем беспокоиться? Это не твое дело. Если он называет тебя идиотом, это его проблема. Просто от того, что тебя назвали идиотом, ты не становишься идиотом. Но ты становишься, потому что ты зависишь от чужих мнений.

Именно так мы живем в обществе. Мы постоянно пытаемся произвести друг на друга впечатление. Именно поэтому мы живем как рабы, поскольку, если ты хочешь произвести на людей впечатление, ты должен следовать их идеям; только тогда они будут впечатлены. Ты должен быть хорошим таким образом, как они этого хотят. Если они вегетарианцы, ты должен быть вегетарианцем, они будут впечатлены — они скажут, что ты святой. Если они ведут определенный образ жизни, ты тоже должен будешь делать это; только тогда ты получишь их признание.

Ты можешь добиться уважения, лишь если ты следуешь идеям людей. Взаимное понимание того, что ты поддерживаешь их идеи позволяет им чувствовать себя хорошо, чувствовать, что их идеи правильны; значит, они правы. И они поддерживают и уважают тебя, потому что ты следуешь правильным идеям, ты поступаешь правильно. Они ценят тебя, они осыпают тебя почестями, они называют тебя святым, мудрецом... ты чувствуешь большое удовлетворение. Это приносит удовлетворение им, потому что они воздают почести своей идеологии, и они уважают твою личность. Это взаимное соглашение. И обе стороны находятся в иллюзии. Ты поддерживаешь их иллюзию, они поддерживают твою иллюзию. Вы — партнеры в одном деле галлюцинации.

Почему человек должен хотеть подтвердить себя, придать себе подлинность с помощью других? Если ты знаешь сам, если ты испытал опыт своего существа, его

красоты, радости, великолепия и славы, может ли тебя заботить, что говорят другие?

Будда проходил по деревне, жители которой были очень предубеждены против него. Почему они были против Будды? — потому что Будда родился в этой деревне, он жил в этой деревне много лет, и люди не могли поверить, что человек, который родился среди них, мог стать просветленным. Это было оскорбительно для их эго!

Именно поэтому Иисус говорит: пророк не уважаем, не любим своим собственным народом. Сам Иисус был изгнан из своего родного города. Он приходил туда лишь один раз — после того, как он стал просветленным, он приходил туда лишь один раз. И люди были так взбешены тем, что он утверждал: «Я реализовал себя, я — сын Бога», что они привели его в горы и сбросили с обрыва. Они хотели его убить. Ему пришлось вырваться из их рук, из их когтей. И он никогда больше не возвращался.

Будда шел по деревне, в которой он родился, где-то на границе Индии и Непала, и люди собрались и стали оскорблять, ругать, называть его обидными словами. Он молча слушал полчаса и затем сказал:

— Становится жарко, а я должен добраться до другой деревни, в которой меня ждут. Сейчас я не могу уделить вам больше времени. Если вы хотите сказать мне что-то еще, пожалуйста, подождите. Вы можете собраться и сказать все, что вы хотите сказать. Но сейчас извините меня. Я должен идти.

Так тихо, так спокойно, а они действительно называли его грязными словами. Они не могли поверить своим глазам. Они сказали:

— Мы ничего не говорим тебе — мы оскорбляем тебя, мы ругаем тебя! Ты что, не понимаешь, что мы говорим?

— Я слышу и понимаю все, что вы говорите, — ответил Будда, — но это не проблема! Если вы злы, это ваши проблемы. Вмешиваться в вашу жизнь это совершенно не мое дело. Если вы хотите злиться, если вы наслаждаетесь этим, наслаждайтесь! Но я не собираюсь брать у вас никакой чепухи.

На самом деле, вы немного опоздали. Если вы действительно хотели меня беспокоить, вам нужно было сделать это десять лет назад. Тогда я действительно разозлился бы на вас. Я бы реагировал, я бы бил вас! Но сейчас со мной случилась великая реализация, осознание того, что мое существо не зависит от мнений других людей. То, что вы думаете обо мне, только говорит что-то о вас, но ничего не говорит обо мне! Я знаю себя; поэтому я не завишу ни от каких мнений о себе. Только люди, невежественные относительно их собственного «я», зависят от мнений других.

Стивен, вся эта идея о том, чтобы общаться с людьми и искать у них подтверждения, просто говорит о глубокой темноте внутри; иначе в этом не было бы необходимости. Я не говорю, что когда человек наполняется светом, он перестает общаться — нет. Лишь тогда он может общаться, потому что у него есть, что сказать. Есть ли у тебя что сказать? Есть ли у тебя что-нибудь, чем ты можешь поделиться с людьми? Ты —

нищий, ты просишь милостыню. Когда ты хочешь подтверждения, проверки, удостоверения, ты просишь милостыню. Ты говоришь: «Пожалуйста, скажите мне что-нибудь хорошее, милое, чтобы я почувствовал себя хорошим. Я чувствую себя очень плохо, я чувствую себя недостойным — дайте мне какое-нибудь достоинство! Сделайте меня значительным». Ты просишь подаяния; это не общение.

Общение возможно, лишь когда песня рвется из твоего существа, когда возникла радость, когда пережито блаженство — тогда ты можешь поделиться. Тогда это не только общение, не только словесное общение — общение начинает происходить на гораздо более глубоком уровне. Но тогда ты не нищий, ты — император.

Только Будды могут общаться и соучаствовать. Другим нечего сказать, нечего дать. Фактически, что ты делаешь, когда говоришь с людьми... а люди постоянно общаются, болтают, если не в действительности, то у себя в уме — в точности как ты говоришь, что у себя в уме ты постоянно говоришь с кем-то, с каким-то воображаемым человеком... Ты говоришь за себя и отвечаешь за другого; эта болтовня, этот диалог постоянно у тебя внутри.

Это состояние абнормальности. Я не называю это ненормальностью, я называю это абнормальностью. Все человечество существует в абнормальном состоянии. Ненормальный человек выходит за рамки обычного. Абнормальный человек так же ненормален, но он ненормален в рамках обычного. Внутри он остается ненормальным, но снаружи он продолжает вести себя нормально. Поэтому для него у меня есть это слово: абнормальный.

Нормальность случается лишь тогда, когда ты становишься так тотально молчалив, что внутренняя

болтовня исчезает. Когда ума больше нет, ты нормален. Ум либо абнормален — то есть, нормально ненормален, — либо ненормален, — то есть ненормально ненормален. Не-ум является нормальностью. И в не-уме ты понимаешь, ты осознаешь не только свое собственное существо, но и существо — само существо — существования. Тогда у тебя есть нечто, чтобы поделиться, чтобы общаться, чтобы соучаствовать, танцевать, праздновать.

Прежде этого попытки как-то составить собственный образ из чужих мнений безнадежны. Твой образ останется беспорядочным, потому что ты собираешь мнения из стольких источников — они будут противоречить друг другу.

Один человек считает, что ты уродлив, он ненавидит тебя, ты ему не нравишься; другой человек считает, что ты так красив, так изящен, что никто не может с тобой сравниться — ты несравненный. Что ты собираешься делать с этими двумя мнениями? Ты не знаешь, кто ты; теперь появляются эти два мнения — как ты можешь судить, какое из них правильно? Ты бы хотел, чтобы правильным было то мнение, которое говорит, что ты красив; тебе не нравится то мнение, что ты уродлив. Но дело не в том, что тебе нравится, а что — нет. Ты не можешь оставаться глухим к другому мнению, оно остается. Ты можешь подавить его, но оно все равно останется.

Ты будешь собирать мнения своих родителей, своей семьи, своих соседей, людей, с которыми ты работаешь, учителей, священников... тысячи мнений шумят у тебя внутри. И именно так ты собираешься создать образ самого себя. Он будет беспорядочным. У него не будет никакого лица, никакой формы, это будет хаос. Так существует каждый — в хаосе. Никакой порядок не возможен, потому что отсутствует центр, который мог бы создать порядок.

Этот центр я называю осознанностью, медитацией — *аэс дхаммо санантано*. Таков неисчерпаемый закон, высший закон — только те, кто осознает, знают, кто они такие. И, когда они знают, никто не может поколебать их знание. Никто не может! Даже если что-то говорит весь мир, но ты знаешь, ты осознал себя, это не имеет значения.

Весь мир говорил, что Иисус — сумасшедший. В тот день, когда он был распят, ни один человек... собрались тысячи — ни один человек не был за него. Все считали, что он сумасшедший.

В те дни была традиция во время праздников прощать одного из преступников. В тот день был праздник, и три человека должны были быть распяты: два вора и Иисус. Понтий Пилат спросил людей: «Мы можем простить одного человека из этих трех. Кого вы хотели бы отпустить?» Он думал, что они попросят отпустить Иисуса, но они не попросили за него. Они попросили отпустить вора, — не Иисуса, а вора, известного вора, — о нем знал весь город. Но они не могли простить невинного человека, Иисуса. Почему?

Иисус не колеблется. Весь мир против него; он знает, что Бог с ним. Он умирает с тихим и спокойным умом, с молитвой на губах — с молитвой, которая уникальна. Вот последние слова Иисуса: «Отец, прости их, потому что они не знают, что делают. Аминь...» Прости их, потому что они не знают, что делают! Они распинают его, но его сердце полно сострадания к этим людям.

Когда ты знаешь, ты знаешь абсолютно. Когда случается реализация, она так окончательна, что, даже если весь мир против тебя, это совершенно не имеет значения. Тебе не нужно никакого подтверждения от кого-то другого.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Почему я всегда чувствую, что секс и деньги каким-то образом глубоко связаны друг с другом?

Нирмал, они связаны. Деньги это власть; поэтому они могут быть использованы множеством способов. Они могут купить секс, и так происходило веками. У королей были тысячи жен. Даже в этом веке, в двадцатом веке, всего тридцать лет назад, сорок лет назад у низама Хидерабада было пятьсот жен.

Говорят, что у Кришны было шестнадцать тысяч жен. Раньше я думал, что это уже слишком, но, когда я узнал, что у низама Хидерабада было пятьсот жен сорок лет назад, мне больше не казалось, что это слишком много — всего в тридцать два раза больше! Кажется, это в человеческих силах. Если вы справляетесь в пятиюстами, почему бы не шестнадцать тысяч?

Это делали все короли мира. С женщинами обращались, как с рогатым скотом. Во дворцах великих королей женщины были пронумерованы. Трудно было помнить имена, поэтому король мог приказать своим слугам: «Приведите мне номер четыреста один» — потому что, можно ли запомнить пятьсот имен? Номера... как номера солдат; у них нет имен, у них есть только номера. И это очень большое отличие.

Номера абсолютно математичны. Номера не дышат, у них нет никакого сердца. У номеров нет никакой души. Когда солдат умирает на войне, вы просто читаете на доске объявлений: «№ 15 погиб». «№ 15 погиб» это одно, если вы назовете точное имя этого человека, это совершенно другое. Тогда — он был мужем,

и его жена теперь станет вдовой; он был отцом детей, и теперь они станут сиротами; он был единственной поддержкой для своих старых родителей, и теперь у них не будет поддержки. Семья покинута, свет семьи исчез. Когда умирает пятнадцатый номер, у пятнадцатого номера нет жены, помните; у пятнадцатого номера нет никаких детей, нет старых родителей. Пятнадцатый номер это просто пятнадцатый номер! И пятнадцатый номер восполним — придет любой другой человек и станет пятнадцатым номером. Но ни одно индивидуальное человеческое существо не восполнимо. Это трюк, психологический трюк — давать солдатам номера. Это помогает... никто не обращает внимания на то, что исчезают номера; постоянно появляются новые номера и замменяют старые.

Жены были пронумерованы, и их число зависело от того, сколько у вас денег. Фактически, в старые времена это было единственным способом узнать, богат ли человек; это было своего рода меркой. Сколько у него жен?

Сейчас индуисты, особенно *Ария Самаджи*, критикуют Хазрата Мухаммеда за то, что у него было девять жен — и они не думают о том, что у Кришны их было шестнадцать тысяч. И он не исключение, он — правило. В этой стране, в других странах женщину эксплуатировали веками — а деньги это способ эксплуатации! Весь мир страдает от проституции; она унижает человеческие существа. А что такое проститутка? Она была низведена до механизма, вы можете купить ее за деньги.

Но очень хорошо запомните, что и ваши жены не очень отличаются. Проститутка подобна такси, а жена это ваша собственная машина, постоянное соглашение. Бедные люди не могут иметь постоянных соглашений, им приходится использовать такси. Богатые люди могут заключать постоянные соглашения — они могут иметь

собственные машины. И, чем более они богаты, тем больше у них может быть машин.

Я знал человека, у которого было триста шестьдесят пять машин — по машине на каждый день. И у него была машина, целиком сделанная из золота...

Деньги это власть, а власть может купить все. Поэтому, Нирмал, ты прав в том, что между сексом и деньгами есть связь.

Еще одно должно быть понято. Человек, подавляющий секс, становится одержим деньгами, потому что деньги становятся заменителем секса. Деньги становятся для него любовью. Посмотрите на жадного человека, на денежного маньяка: как он прикасается к сотенным банкнотам — как будто он ласкает свою возлюбленную; посмотрите на его глаза, когда он видит золото — они так романтичны. Даже великие поэты ничто в сравнении с ним. Деньги стали его любовью, его богиней. В Индии бедные люди даже поклоняются деньгам. Есть определенный день для того, чтобы поклоняться деньгам — настоящим деньгам — они поклоняются банкнотам и монетам, рупиям. Разумные люди делают такие глупости!

Людей можно отвлечь от секса многими способами. Если секс подавлен, он может стать гневом. Поэтому солдат должен быть лишен секса, чтобы его энергия стала гневом, раздражением, разрушительностью, чтобы он был более насильственным, чем когда-либо. Секс может быть превращен в амбиции. Подавите секс: когда секс подавлен, у вас появляется энергия; вы можете направить ее в любом направлении. Она может стать поисками политической власти, она может стать поисками больших денег, она может стать поисками славы, имени, аскетизма, и так далее, и тому подобное.

У человек есть только одна энергия, и эта энергия — секс. В вас не много энергий. И только одна энергия

задействована во всех возможных движущих силах. Это огромная потенциальная энергия.

Люди гонятся за деньгами, потому что они думают, что, если у них будет больше денег, у них может быть и больше секса. У них может быть гораздо больше красивых женщин и мужчин, у них может быть гораздо большее разнообразие. Деньги дают им свободу выбора.

Человек, свободный от сексуальности, человек, сексуальность которого стала трансформированным явлением, свободен также и от денег, свободен также и от амбиций, свободен также и от желания известности. Тотчас же все эти вещи исчезают из его жизни. В то мгновение, когда сексуальная энергия начинает подниматься вверх, в то мгновение, когда сексуальная энергия становится любовью, молитвой, медитацией, все низшие проявления исчезают.

Но деньги и секс глубоко связаны. Твоя идея, Нирмал, имеет в себе некоторую истину.

С верхнего этажа публичного дома доносятся крики маленького сморщенного клиента:

— Нет! Не так! Я хочу по-своему, так, как мы делали это в Бруклине! Перестань! Сделай по-моему или забудем об этом!

Мадам карабкается по лестнице и врывается в комнату девушки:

— Что с тобой, Зельда? — спрашивает она. — Сделай так, как он хочет!

Она удаляется, девушка ложится, и мужчина любит ее совершенно обычным образом. Она садится, одевается, зажигает сигарету и спрашивает:

— И это значит по-твоему, Химми?

— В точности, — гордо отвечает он.

- И это то, что вы делали в Бруклине?
- То самое.
- Так в чем же разница?
- В Бруклине я получил это бесплатно.

Люди могут быть одержимы деньгами точно так же, как они одержимы сексом. Одержимость может быть перенесена на деньги. Но деньги дают вам покупательную способность, и вы можете купить все что угодно. Конечно, вы не можете купить любовь, но вы можете купить секс. Секс это товар, любовь — нет.

Вы не можете купить молитву, но вы можете купить священников. Священники это товар — молитва это не товар. То, что можно купить — обыкновенно, обыденно. То, чего нельзя купить, священо. Помните это: священное за пределами денег, обыденное всегда во власти денег.

А секс это самая обыденная вещь в мире.

Мужчина входит в современный чикагский публичный дом и ночной клуб, находящийся в собственности синдиката, планирующего поднять свой имидж. Публичный дом занимает несколько этажей небоскреба гостиницы; его принимает очаровательная молодая сотрудница приемной, одетая в сексуальную униформу, спрашивающая его, сколько денег он хочет потратить. Она объясняет, что цены варьируются от пяти до тысячи долларов, в зависимости от качества и числа желаемых девушек. Все это показывается на дисплее. Самые высокие цены на нижних этажах, в которых высокие потолки, зеркала над кроватями, три или четыре девушки с вами в постели и так

далее. Более низкие цены за меньшие удовольствия, заканчивая пятью долларами за «черную как уголь негритянскую мамашу с большими ноздрями», как объясняет очаровательная сотрудница. Клиент обдумывает услышанное.

— Есть ли у вас что-нибудь еще дешевле? — спрашивает он наконец.

— Конечно, — отвечает девушка. — Седьмой этаж — сад на крыше. Один доллар. Самообслуживание.

Деньги связаны с сексом, потому что секс покупается. А все, что можно купить, является частью мира денег.

Помни одно: если ты знаешь только вещи, которые можно купить, если ты знаешь только вещи, которые можно продать, твоя жизнь останется пустой. Твоя жизнь останется совершенно бесполезной, если ты знаком только с товарами. Встреться с вещами, которые не могут быть куплены и проданы — и тогда впервые у тебя появятся крылья, тогда впервые ты будешь парить высоко.

Один великий король, Бимбисара, пришел к Махавиру. Он слышал, что Махавира достиг *дхианы* — медитации, самадхи. В терминологии джайнов это называется *самайик* — высшее состояние молитвы или медитации. У Бимбисары было все в этом мире. Он начал беспокоиться: «Что такое этот самайик? Что такое это самадхи?» Он потерял покой, потому что впервые он осознал, что одной вещи у него нет — а он был не тот человек, который может оста-

ваться удовлетворенным, не получив того, что привлекло его внимание.

Он отправился в горы, нашел Махавиру и сказал:

— Сколько ты хочешь за свой самайик? Я пришел его купить. Я могу дать тебе все, что ты хочешь, но дай мне этот самайик, это самадхи, эту медитацию — что это такое? Где оно? Дай мне сначала посмотреть на него».

Махавира был удивлен такой глупостью со стороны короля, но он был очень вежливым человеком, мягким, милосердным. Он ответил:

— Тебе не нужно было ехать так далеко. В твоей собственной столице живет мой ученик, который достиг того же самого состояния, и он так беден, что, возможно, захочет продать его. Я не хочу, потому что мне не нужно никаких денег. Как видишь, я голый, мне не нужно никакой одежды, я совершенно удовлетворен — у меня нет никаких потребностей, что мне делать с твоими деньгами? Даже если ты мне дашь все свое королевство, я не приму его. У меня было свое королевство — я отрекся от него. У меня было все, что есть у тебя!

И Бимбисара знал, что у Махавиры было все, и он отрекся; трудно было склонить этого человека к продаже. Несомненно, деньги ничего не значили для него. Поэтому он сказал:

— Хорошо, кто этот человек? Дай мне его адрес.

— Он очень беден, — сказал Махавира, — он живет в беднейшей части твоего города. Возможно, ты никогда не был там. Вот его

адрес... пойд и спроси его. Он тебе подойдет, он может тебе продать то, что ты хочешь, он очень нуждается. У него есть жена, дети и большая семья, и он действительно беден.

Это была шутка. Бимбисара вернулся довольный и отправился прямо в бедную часть города, где он никогда не был. Люди не могли поверить своим глазам — золотая колесница и тысячи солдат вокруг!

Они остановились напротив бедной хижины этого человека. Он вышел, коснулся ног короля и сказал:

— Что я могу сделать для тебя? Только прикажи.

И король ответил:

— Я пришел, чтобы купить вещь, называемую самадхи, медитация, и готов заплатить любую цену, которую ты назовешь.

Бедный человек заплакал, слезы покатались по его щекам, и ответил:

— Прости меня. Я могу дать тебе свою жизнь, я могу умереть за тебя прямо сейчас, я могу отрубить себе голову — но как я могу дать тебе свое самадхи? Оно не может быть продано, оно не может быть куплено — это совершенно не товар. Это состояние сознания. Махавира, должно быть, сыграл с тобой шутку.

Пока ты не узнал нечто, что не может быть продано и куплено, пока ты не узнал нечто, что за пределами денег, ты не знаешь настоящей жизни. Секс не за пределами денег — но за пределами денег любовь. Трансформируй свой секс в любовь, трансформируй свою любовь в молитву — и однажды даже такие короли как Бимбисара позавидуют тебе. Стань Махавирой, Буддой,

стань Христом, Заратустрой, Лао-цзы. Только тогда ты живешь, только тогда ты знаешь тайны жизни!

Деньги и секс это нижайшее, а люди живут только в мире денег и секса — и они думают, что живут. Они не живут, они лишь ведут растительное существование, они лишь умирают. Это не жизнь. В жизни есть многие другие королевства, которые должны быть открыты, бесконечное сокровище, которое не от этого мира. Его не могут дать тебе ни секс, ни деньги. Но ты можешь его достичь.

Ты можешь использовать свою сексуальную энергию, чтобы его достичь, ты можешь использовать власть своих денег, чтобы его достичь. Конечно, оно не может быть достигнуто деньгами или сексом, но ты можешь использовать свою сексуальную энергию, власть своих денег так искусно, чтобы создать пространство, в которое может снизойти запредельное.

Я не против секса, я не против денег, помни это. Всегда помни! Но я несомненно за то, чтобы помочь тебе выйти за их пределы — я несомненно за то, чтобы выйти за их пределы.

Используй все как ступень. Ничего не отвергай. Если у тебя есть деньги, тебе легче медитировать, чем бедному человеку. У тебя есть больше времени для себя. Ты можешь иметь у себя дома небольшой храм; ты можешь иметь сад с розами, и медитация будет легче. Ты можешь позволить себе провести праздники в горах, ты можешь жить в изоляции и ни о чем не беспокоиться. Если у тебя есть деньги, используй их для того, что не может быть куплено за деньги, но для чего деньги могут создать пространство.

Сексуальная энергия это только пустая растрата, если она остается ограниченной лишь сексом, но она становится величайшим благословением, если она начинает трансформировать его качество: секс не ради

секса — используй секс как единение любви. Используй секс как встречу двух душ, не только двух тел. Используй секс как медитативный танец энергий двух людей. И этот танец гораздо богаче, чем мужчина и женщина, танцующие вместе — секс это высшее в танце: две энергии встречаются, сливаются, танцуют, наслаждаются.

Но используй его как ступень, как трамплин. И, когда ты достигаешь кульминации сексуального оргазма, осознай, что происходит, и ты будешь удивлен — время исчезло, ум исчез, эго исчезло. На мгновение воцаряется полное молчание. Это молчание — реальность!

Это молчание может быть достигнуто и другими средствами, с меньшими затратами энергии. Это молчание, эта наблюдательность, эта безвременность может быть достигнута в медитации. Фактически, если человек сознательно идет в свое переживание секса, он обязательно рано или поздно станет медитирующим. Его осознание сексуального опыта обязательно заставит его осознать, что то же самое может произойти без вовлечения сексуальности. То же самое может произойти, если просто сидеть в молчании в одиночестве, ничего не делая. Ум может быть отброшен, время может быть отброшено, и в то мгновение, когда вы отбрасываете ум, время и эго, вы — в оргазме.

Сексуальный оргазм очень мгновенен, а все, что мгновенно, приносит разочарование, когда проходит, приносит несчастье, страдание, печаль и раскаяние. Но качество переживания оргазма может стать в тебе продолжительностью, континуумом — оно может стать самым твоим ароматом. Но это возможно лишь благодаря медитации, не благодаря одному сексу.

Используйте секс, используйте деньги, используйте тело, используйте мир, но мы должны достичь Бога. Пусть Бог всегда остается целью.

На сегодня достаточно.

Глава 5 В в'язи на ободіне

Аромат сандала,
Розы или жасмина
Не может двигаться против ветра.

Но аромат добродетели
Двигается даже против ветра
До самого конца мира.

Насколько прекраснее
Аромат добродетели
Аромата сандала, розы,
Голубого лотоса или жасмина!

Аромат сандала или розы
Не уходит недалеко.
Но аромат добродетели
Поднимается к небесам.

Желание никогда не становится на пути
Добродетельных и пробужденных.
Их сияние освобождает их.

Как красив лотос, распускающийся
В грязь на обочине.
Чистый аромат радует сердце.

Следуй пробужденному, и среди слепцов
Свет твоей мудрости
Чисто воссияет.

Человек это не существо, но лишь становление. Человек это процесс, рост, возможность, потенциал. Человек еще не действителен. Человек должен быть, должен появиться. Человек рождается не как сущность, но как существование... великое пространство, в котором может произойти многое или не произойти ничего — все полностью зависит от вас.

Человек должен создать себя. Он не закончен, он не данность. И творение должно быть само-творением — никто другой не создаст вас. Вы не вещь, не товар; вы не можете быть произведены или выработаны. Вы должны само-создать себя, вы должны проснуться своими силами, никто не может вас разбудить.

В этом великолепие человека, его слава — он единственное на земле существо, которое является не существом, но свободой быть. Все остальные существа уже собраны, скроены. Они приносят образец и просто следуют этому образцу. Попугай станет попугаем, собака станет собакой, лев станет львом; не возникает вопроса о том, чтобы лев стал кем-то другим. Но, когда речь идет о человеке, уместно спросить, настоящий ли он человек.

Каждый лев это настоящий лев, каждый слон это настоящий слон, но человек это знак вопроса. Человек может быть человеком, а может не быть. Человек может пасть ниже животных и может подняться выше богов. Это конечное состояние — выше богов — есть природа будды: пробуждение, окончательное пробуждение, реализация своего потенциала во всей его полноте.

Будда выше богов. Это одна из причин, по которой индуисты не могут простить Гаутаму Будду — он сказал, что будда выше богов. Боги также спят; конечно, им снятся хорошие сны, им не снятся кошмары, они живут на небесах. Их жизни это сплошное удовольствие. Небеса это не что иное, как чистый гедонизм, сама эта идея

гедонистична. Ад прямо противоположен. Ад это боль, небеса это удовольствие; ад это кошмарный сон, небеса — сладкий сон. Но сны *есть* сны; сладкие или горькие, не имеет значения.

Боги также спят и видят красивые сны. Будда пробужден, он больше не видит снов. Буддистские писания говорят: В тот день, когда Сиддхартха Гаутама стал буддой, боги сошли с небес, чтобы поклониться ему, чтобы помыть ему ноги. Индуисты не смогли простить этой идеи, потому что для них боги на небесах — Индра и другие боги — высочайшие. Посмотрите на высокомерие буддистов, которые говорят, что боги спустились с небес, чтобы помыть ноги человеческому существу.

Буддизм вознес человечество на его высочайший пик. Этого не сделала ни одна другая религия. Человек становится центром существования. Не Бог является центром существования, согласно Будде, но человек, который стал пробужденным. Периферия состоит из спящих и слепых, центр состоит из тех, у кого есть глаза, кто пробужден. Боги просто отброшены; они больше не имеют значения. Будда уже сделал то, что Ницше сделал две тысячи лет спустя.

Великий поэт, Чандидас, был очень впечатлен Гаутамой Буддой — кого не впечатлит такой человек? Он сказал: «*Сабар упар манус сагья, тахар упар нахин* — истина человека это высшая истина, нет истины выше». Но позвольте мне снова вам напомнить: когда Будда говорит о человеке, он говорит о реализованном человеке, не о вас — вы только на пути, вы только в процессе. Вы — это семя.

У семени есть четыре возможности. Семя может навсегда остаться семенем, закрытым, лишенным окон, мертвым, потому что жизнь означает участие в существовании. Семя *действительно* мертво, оно еще не

общается с землей, с небом, с воздухом, с ветром, с солнцем, со звездами. Оно еще не совершало никаких попыток диалога с тем, что существует. Оно совершенно одиноко, закрыто, заключено в себе, окружено Китайской стеной. Семя живет в собственной могиле.

Первая возможность — что семя останется семенем. Это очень несчастливая возможность — человек может остаться только семенем. Со всем этим потенциалом, который в вашем распоряжении, со всеми благословениями, готовыми излиться на вас, вы можете никогда не открыть двери.

Вторая возможность: семя может быть достаточно смелым, может нырнуть глубоко в землю, может умереть как эго, может отбросить свои доспехи, может начать общение с существованием, может стать одним целым с землей. Необходима большая смелость, потому что — кто знает? Смерть может быть окончательной, за ней может не последовать никакого рождения. Есть ли гарантия? Гарантии нет; это азартная игра. Лишь немногие собирают достаточно смелости, чтобы сыграть, чтобы рискнуть.

Быть саньясином означает начать играть. Вы рискуете своей жизнью, вы рискуете своим эго. Вы рискуете, потому что вы отбрасываете все меры безопасности. Вы открываете окна... кто знает, кто в них войдет, друг или враг? Кто знает? Вы становитесь уязвимым. В этом заключается вся саньяса. Именно об этом всю жизнь учил Будда. Сорок два года он постоянно превращал семена в растения, — это было его работой, — превращал обыкновенные человеческие существа в саньясинов.

Саньясин это растение, побег — мягкий, тонкий. Семя никогда не бывает в опасности, помните. Какая опасность может существовать для семени? Оно абсолютно защищено. Но растения всегда в опасности,

растение очень мягко. Семя как камень, твердое, скрытое под жесткой оболочкой. Но растение должно пройти через тысячу и одну опасность. Это вторая стадия: семя растворяется в земле, человек исчезает как эго, исчезает как личность, становится растением.

Третья возможность еще более редка, потому что не все растения достигнут высот, на которых они смогут расцвести, расцвести тысячей и одним цветком... Очень немногие человеческие существа достигают второй стадии, очень немногие из тех, кто достиг второй, достигают третьей — стадии цветка. Почему они не могут достичь третьей стадии, стадии цветка? Из-за жадности, из-за скупости, они не готовы делиться... из-за состояния нелюбви.

Смелость необходима, чтобы стать растением, любовь необходима, чтобы стать цветком. Цветок означает, что дерево открывает свое сердце, высвобождает свой аромат, отдает свою душу, изливает свое существование. Семя может стать растением, хотя ему трудно отбросить броню, но, с другой стороны, это легко. Семя лишь будет собирать все больше и больше; семя только берет у земли. Дерево только берет у воды, у воздуха, у солнца; его жадность не обеспокоена, напротив, его амбиции удовлетворены. Оно постоянно становится все больше и больше. Но наступает момент, когда вы взяли так много, что должны поделиться. Вы так много получили, теперь вы должны служить. Бог дал вам так много, теперь вы должны сказать спасибо, отблагодарить его — а единственный способ отблагодарить его это излить ваши сокровища, отдать их обратно существованию, быть настолько же щедрым, как было щедро к вам существование. Тогда дерево дорастает до цветов, расцветает.

И четвертая стадия — стадия аромата. Цветок все еще груб, материален, но его аромат тонок, почти

нематериален. Вы не можете его увидеть, он невидим. Вы можете только его вдохнуть, вы не можете его схватить, вы не можете его постичь. Для диалога с ароматом требуется очень чувствительное понимание. За пределами аромата ничего нет. Аромат исчезает во вселенной, становится с ней одним целым.

Таковы четыре стадии семени; это также и четыре стадии человека. Не оставайтесь семенем. Наберитесь храбрости — храбрости отбросить эго, отбросить безопасность, быть уязвимым. Но не оставайтесь и деревом, потому что дерево без цветов бедно. Дерево без цветов пусто, дереву без цветов недостает чего-то существенного. В нем нет красоты — без любви нет красоты. И дерево может показать свою любовь только цветами. Оно взяло так много у солнца, луны и земли; теперь пришло время отдавать!

Жизнь всегда должна поддерживать равновесие. Вы взяли так много, теперь отдавайте. Станьте цветком! Лишь когда вы стали цветком, у вас есть возможность исчезнуть как аромат. Но и тогда также, помните, не оставайтесь закрытым цветком, не оставайтесь бутонем; иначе ваш аромат не будет высвобожден. И пока ваш аромат не высвобожден, вы не свободны, вы в рабстве.

Это рабство Будда называет *сансарой* — миром. И он называет свободу, свободу аромата нирваной: тотальным прекращением, исчезновением, растворением. Часть исчезает в целом, капля росы скатывается в океан и становится океаном. В тот день, когда вы исчезаете и становитесь океаном, с одной стороны, вас больше нет, с другой стороны, впервые вы есть — вы достигли бытия существа.

Бытие существа есть бытие бога. Это бытие существа, этот кристаллический, океанический опыт есть освобождение, спасение, *мокша*, *кайвалья*, нирвана. Вы можете использовать любое слово, но все они означают

одно и то же: абсолютную свободу души, без границ, без ограничений.

Сутры:

Аромат сандала,

Розы или жасмина

Не может двигаться против ветра.

Очевидно! Аромат сандала, розы или жасмина это часть материального мира. Он может двигаться только вместе с ветром, не против ветра. Он должен следовать законам материи. Он *есть* материя. Поскольку он должен следовать законам материи, он не свободен по-настоящему — он свободен только в относительном смысле. Аромат более свободен, чем цветок, цветок более свободен, чем дерево, дерево более свободно, чем семя. Но эта свобода лишь относительна, она не абсолютна.

И Будда говорит, помните: целью является абсолютная свобода, трансценденция всех законов. Лишь трансцендируя все законы, вы становитесь частью высшего закона: *аэс дхаммо санантано*. Лишь трансцендируя все ограничения грубой материи, вы сможете стать бесконечным как небо.

Пока вы не стали вселенскими, вы не достигли своего потенциала. Вам предназначено стать вселенскими, а вы стали маленькими личностями, ограниченными, почти как если бы вы жили в тюремных камерах, темных и мрачных, без дверей, без окон... уродливое существование, окруженное всевозможными патологиями — эго, жадностью, гневом, похотью, ревностью, собственничеством. Это ваша компания. Какой аромат вы почувствовали в жизни?

Вы еще не узнали любви без похоти. Вы еще не узнали состояния, в котором не существует ограничений. Вы связаны определенными грубыми законами. Вы — часть гравитации, вы еще ничего не узнали об изяществе. Вы продолжаете и продолжаете двигаться вниз, потому что эти законы гравитации тянут вас вниз. Вы не знаете, как подниматься, парить вверх. Вы ничего не знаете о левитации.

Наука ничего не говорит о левитации, она говорит только о гравитации, давлении вниз. Но это явление так просто для понимания — в природе все уравновешено полярными противоположностями. Если существует давление, направленное вниз, гравитация, должно существовать и давление, направленное вверх, чтобы уравновесить его — и это левитация. В более поэтическом языке она называется изяществом.

Есть два закона: закон гравитации, земной закон, грубый, материальный; и закон изящества, божественный закон, то, что Будда называет божественным законом, — *аэс дхаммо санантано*, — вечный, неисчерпаемый закон, божественный закон, который тянет вас вверх.

Аромат сандала, розы или жасмина не может двигаться против ветра.

У него есть определенные абсолютные ограничения, он может только оседлать ветер. Он не может иметь собственной воли, он по-настоящему не свободен. Пока вы не можете существовать в абсолютной свободе, чего-то недостает. Если вам приходится следовать закону, вы — узник. Законы могут держать вас на длинном поводке, но все же вы остаетесь узником.

Именно так обстоят вещи: если вас держат на достаточно длинном поводке, вы забываете о тюрьме. Например, эти так называемые нации — Индия, Пакистан, Япония, Германия — это большие тюрьмы, но

они так велики, что вы не можете увидеть границ своей тюрьмы. Пересеките границы своей нации, и вы увидите, что вы заключенный. Тюрьма достаточно велика; внутри тюрьмы вы можете перемещаться как хотите. Но выйдите из тюрьмы, попытайтесь войти в другую тюрьму, и вы увидите ограничение.

Эти тюрьмы созданы человеком; они достаточно велики, чтобы дать вам ощущение свободы, но в них нет свободы. Пока все нации не исчезнут из мира, земля останется в рабстве, человечество останется в тюрьмах, маленьких и больших. Но не имеет значения, если тюрьма достаточно велика, чтобы вы не видели окружающих ее стен... Стены могут быть очень тонкими — стены могут быть *очень* тонкими, вы можете их не видеть, но они есть. Вы не свободны в перемещениях.

Почти все конституции мира говорят, что свобода перемещения это право от рождения каждого человеческого существа, но так лишь написано в книгах, это неправда. Вы не можете свободно перемещаться. Если вы хотите поехать в Россию, это невозможно; если вы хотите поехать в Китай, это невозможно.

Нации стали такими великими тюрьмами, и ваши президенты и так называемые премьер-министры это не кто иные, как тюремщики. Те, кто говорит о свободе, это не кто иные, как полицейские. Они говорят, что они охраняют вас ради вашей собственной безопасности, но фактически они — тюремные надзиратели, следящие за тем, чтобы вы не могли убежать.

Я слышал:

Умирает старый русский. Раздается стук в дверь.

— Кто там? — спрашивает он.

— Смерть, — отвечает нечеловеческий голос.

Старый русский говорит:

— Слава Богу! Я думал, это секретная служба.

Существуют тюрьмы внутри тюрем, как китайские шары — шары внутри шаров... Индия это большая тюрьма; в ней есть индуисты, мусульмане, христиане, сикхи, джайны и буддисты — это маленькие тюрьмы. Христианин может ходить в церковь, он не может пойти в храм; индуист может ходить в храм, он не может пойти в церковь. Он был научен и обусловлен, что церковь это не религиозное место; христианину говорили, что церковь это единственное правильное место, в которое нужно ходить — все остальные религии ложные, все остальные религии вводят вас в заблуждение. Если вы не христианин, вам не спастись. И внутри христианства есть католики и протестанты, и среди протестантов и католиков есть меньшие и еще меньшие подсекты. Тюрьмы становятся все меньше и меньше.

Еще есть политические тюрьмы: кто-то коммунист, кто-то социалист, кто-то капиталист... и так далее, и тому подобное. И вам не достаточно даже этих: тогда вы создаете Ротари-клубы и Клубы Львов... Ваша тяга к тюремном такова, что вы можете быть просто человеческим существом. Вам приходится быть ротарианцем, и вы гордо заявляете: «Я — Ротарианец», «Я — Лев». Вы не удовлетворены тем, чтобы просто быть человеческим существом, вы должны быть Львом. Затем идут еще меньшие ограничения.

Вместо того, чтобы выйти из этих тюремных камер, мы продолжаем их украшать, мы продолжаем делать их более и более комфортабельными. Мы живем по закону гравитации, мы живем как заключенные. Мы не можем двигаться против ветра — наша жизнь груба. Будда говорит: Осознавайте — что вы делаете со своей жизнью?

Размышляйте, медитируйте на это — что вы сделали с собой?

Но аромат добродетели

Двигается даже против ветра

До самого конца мира.

Будда говорит: Но есть цветение вашего внутреннего существа, гораздо более прекрасное, чем сандал, роза или жасмин. Его красота в его абсолютной свободе. Оно может двигаться против ветра. Действительно добродетельный человек живет в свободе; он не следует никаким заповедям, он не следует никаким писаниям, он не следует никому больше, кроме собственного света. Он живет согласно своему сердцу — он бунтарь.

Но Будда говорит об аромате настоящей добродетели. Он говорит не о так называемых праведниках, не о так называемых «людях характера», не о ваших так называемых святых и махатмах — он говорит не о них. Они не свободные люди. Фактически, аромат сандала, розы или жасмина свободнее, чем ваши так называемые святые. Они живут согласно человеческим законам. Аромат розы, аромат сандала, аромат других цветов, по меньшей мере, следует своей природе. Но ваши святые, ваши так называемые добродетельные люди следуют законам, созданным человеком — законам, созданным слепыми, созданным невеждами, созданным людьми, которые еще не пробуждены, которые еще ничего не знают об осознанности.

Кто создает ваши законы? Кто создает вашу Конституцию? Кто ответственен за руководство обществом, за организацию и устройство общества? Такие же слепцы, как и вы, может быть, более ученые, более информированные. Но не имеют значения, более или менее

слепой информирован о свете — слепой остается слепым. Просто понаблюдайте за своими святыми, вы будете удивлены — они живут в более глубоком рабстве, чем обыкновенные люди.

Ко мне хотел прийти один джайнский монах. Он написал в письме, что он стремился меня увидеть много лет, и сейчас он оказался в том же городе и хотел со мной встретиться. Но его последователи не позволили ему, джайны не позволили ему прийти в эту коммуны. Что же это за святой, если его последователи решают, куда он должен идти, а куда не должен? Но таково взаимное соглашение: последователи называют его святым, они поклоняются ему, а он должен уступать, идти на компромисс. Он должен следовать своим последователям.

Ваши так называемые святые и лидеры — последователи собственных последователей. Это такой глупый мир, так смехотворна вся эта ситуация! На поверхности кажется, что святой это решающий фактор; он дает людям совет следовать ему. Но если вы глубоко заглянете вовнутрь, вы будете удивлены — святой следует своим собственным последователям. Фактически, решают они. И они обладают властью решать, потому что они могут поклоняться вам или оскорблять вас. Они могут поклоняться вам, если вы следуете им, если вы поступаете в соответствии с их идеями, предрассудками, которые они носят в своих умах; в противном случае, вы больше не святой. Они могут унижить вас — они обладают властью возвысить вас до святого или низвести до грешника. Если вы хотите быть святым, вы должны следовать всевозможным глупостям. Возможно, глубоко внутри вы знаете, что это глупости.

Я написал ему в ответ: «Это глупо, смешно! Почему вы должны спрашивать своих последователей? Кто последователь, вы или они? Зачем их спрашивать?»

Он сказал: «Вы правы, но мне приходится зависеть от них. В таком возрасте я не могу их оставить, потому что я никогда в жизни не работал. От них зависит моя пища, моя одежда и все остальное».

Посмотрите на это соглашение. Это называется духовностью — денежная сделка!

Действительно добродетельный человек, несомненно, свободен, настолько свободен, что может идти против ветра, может идти против всего общества, может идти против всего прошлого, может идти против всех традиций. Фактически, он делает это — потому что, идя против всех традиций и мертвого прошлого, он утверждает свою свободу.

Именно из-за этого меня осуждает эта страна, и сейчас постепенно начинает осуждать весь мир. Причина в том, что они хотят, чтобы я двигался вместе с ветром, они хотят, чтобы я был традиционным, ортодоксальным. Люди были готовы мне поклоняться, они множество раз приходили ко мне, говоря, что, если бы я следовал традиционной религии, мне поклонялись бы как святому. Я отвечал: «Я не заинтересован в том, чтобы мне поклонялись, или в том, чтобы быть святым. Я просто хочу быть собой. И я не собираюсь идти на компромисс ни с кем, кто бы то ни был. Компромисс не для меня».

Поскольку я двигаюсь против ветра, они очень обижены. Но если вы добродетельны... что такое добродетель? Это не какой-то характер, привитый снаружи. Добродетель это аромат медитативности, добродетель это аромат цветка медитации; поэтому я говорю, что это не праведность, это не мораль.

Я слышал:

Городскую проститутку в Иерусалиме бьют камнями. Когда Иисус говорит: «Пусть тот, кто без греха, бросит первый камень»,

пожилая дама хватает огромный камень и бросает его проститутке в голову; проститутка падает замертво.

Иисус смотрит вниз и говорит:

— Знаешь, мамаша, иногда ты меня действительно загребываешь!

Праведники, моралисты, пуритане всегда готовы... фактически, все их радости в том, чтобы осудить, чтобы отправить в ад как можно больше людей, чтобы распинать, убивать и уничтожать. Они готовы страдать, они готовы быть мазохистами, они готовы пройти через все возможные глупые аскезы лишь для того, чтобы наслаждаться чувством собственного превосходства, собственной святости, чувством того, что «вы все грешники, а я святой».

Настоящий святой обладает совершенно другим качеством. Он не моралист; он знает, как прощать, потому что Бог простил ему столь многое. Он знает человеческие ограничения, потому что он сам пострадал от этих человеческих ограничений. Он умеет прощать. Он понимает.

Моралист никогда не понимает, не прощает; он не умеет прощать, потому что он так жесток с собой. Он добился своего так называемого характера с таким трудом, что единственная его радость, единственное его удовольствие в том, чтобы быть «святое-чем-ты». Как он может прощать? Если он прощает, он не может наслаждаться эгоистическим путешествием, которое он совершает.

Аскет — самый эгоистичный человек в мире. Добродетельный человек не может быть аскетом.

История, рассказанная о самом Будде:

После того, как он покинул свой дворец, в течение шести лет он жил в великих аскезах — таков был традиционный путь исследования и поисков истины. Он истязал свое тело, он постился, он так постился, что, говорят, он стал очень худым, от него остались одни кости; можно было пересчитать все его ребра. Он стал таким худым, что его живот касался спины — между животом и спиной ничего не осталось. Он так ослабел, что не мог переправиться через маленькую реку — Ниранджану. Я приезжал в это место, специально чтобы посмотреть на нее. Ниранджана это такая маленькая река, и это было не в сезон дождей, но он не мог переправиться, он не мог переплыть эту реку. Должно быть, он совершенно ослабел.

В этот день с ним случилось великое откровение: «Я совершал над собой ненужное насилие». У него было пятеро последователей; все они были аскетами и стали последователями Будды, но он далеко опередил их. Он делал в несколько раз большее, чем могли сделать они; поэтому они стали его последователями. В этот вечер Будда решил: «Мучить свое тело глупо. Можно ли достичь души, мучая тело? Кажется, здесь нет логической связи». И он увидел: «Если я не могу переплыть эту реку, эту маленькую Ниранджану, как я собираюсь переплыть гигантский океан мира? Телу нужна пища, телу нужно питание, телу нужна сила, чтобы я мог медитировать, чтобы я мог созерцать, чтобы я мог исследовать с жаром, с энтузиазмом, с энергией».

Он решил отбросить все аскезы. Все его пятеро последователей тотчас же оставили

его. Они сказали: «Гаутама пал из своего святого состояния, он больше не святой». Они тотчас же оставили его; они были не с ним. Они были с ним лишь из-за его мазохистического образа жизни — должно быть, они сами были мазохистами.

А Гаутама Будда стал просветленным на следующий день. Отбросив все аскезы, отбросив весь этот ненужный внутренний конфликт, гражданскую войну, он стал таким тихим, таким молчаливым, что на следующее утро он стал видеть, он стал восприимчивым. В его молчании растворилась вся болтовня, весь беспорядок. Рано утром, когда поднялось солнце, он начал подниматься в своем существе. Он проснулся, он стал просветленным.

Добротель появляется в молчании, в медитативности, в расслаблении — не в усилении, не в напряжении, не в борьбе. Он пошел искать своих пятерых последователей, чтобы передать им это послание: «Не мучьте себя больше. Это не имеет ничего общего со святостью. Это не имеет ничего общего с религией».

Сначала должна случиться медитация, и характер приходит как ее тень. Если медитации не происходит, ваш характер это лицемерие и не что другое. Ваши святые — великие лицемеры; они говорят одно, а думают другое, возможно, прямо противоположное. Они делают одно, а хотят сделать прямо противоположное. На поверхности они показывают одно, а глубоко внутри они — полная противоположность.

Девушка на исповеди признается в том, что она позволила своему другу положить руку ей на колено.

— И это *все*, что он сделал? — спрашивает священник.

— Нет. Он просунул палец под мои трусы.

— И что потом?

— Потом он раздвинул мой пух и начал щекотать мою игрушку.

— А потом? Потом?

— Потом зашла моя мама.

— О черт! — говорит священник.

Эти священники, эти святые гораздо более уродливы, чем вы, гораздо более уродливы, чем можете быть вы, потому что они гораздо более разделены, расщеплены. Они так многое подают, что их сознательное и бессознательное распадается на две части. Они проповедуют одно, а на практике делают другое. У их парадной двери вы найдете одного человека, у черного хода — совершенно другого. Вы даже не сможете их узнать — они носят маски.

Это не добродетельные люди. Будда говорит не о такой добродетели, он говорит о добродетели, которая возникает из цветения медитации. Будда настаивает на *дхиане* — медитации. Это его главный подарок миру. Сама основа его подхода заключается в том, что сначала вы должны стать пробужденным в центре, и тогда ваша периферия наполнится светом — сама по себе, не наоборот.

Священники говорили вам, что сначала нужно практиковать характер, и тогда изменится ваш центр. Это чепуха. Центр никогда не может следовать за периферией, потому что центр гораздо более важен,

гораздо более фундаментален — это центр, он *не может* следовать за периферией. Но периферия всегда следует за центром. Сначала трансформируйте центр и не беспокойтесь о периферии. Я также настаиваю на этом, в этом я совершенно согласен с Буддой. Сначала медитация, а все остальное придет само собой.

Иисус говорит: Сначала ищи Царство Бога, и все остальное будет дано тебе.

То, что Иисус называет Царством Бога, Будда называет медитацией. Слова Будды гораздо более научны, чем слова Иисуса. Иисус более поэтичен, чем Будда; он предпочитает говорить притчами. Будда говорит ясно очерченным, логическим, математическим образом. Этот человек не хочет говорить ничего такого, что могло бы быть истолковано неоднозначно. Он не хочет использовать поэзию, потому что поэзия туманна, поэзия может иметь множество толкований. Он говорит как математик, он говорит как логик, и каждое его слово имеет строго определенный смысл и строго определенное значение.

...Аромат добродетели движется против ветра до самого конца мира.

Насколько прекраснее

Аромат добродетели

Аромата сандала, розы,

Голубого лотоса или жасмина!

Аромат голубого лотоса, жасмина или сандала прекрасен, тонок, но, в сравнении с ароматом добродетели, он очень груб. Добродетель действительно обладает ароматом, и он путешествует в самые отдаленные уголки мира.

Как вы сюда попали? Вы путешествовали со всех концов мира, иногда смутно представляя себе, зачем; но что-то тянуло вас, какая-то неизвестная сила трогала ваше сердце, что-то ощутило глубочайшее ядро вашего существа. Некоторые из вас пришли даже вопреки самим себе. Ваш ум говорил: «Не надо! Не нужно никуда идти!» И все же вы пришли. Должно быть, вы почувствовали аромат — аромат, не имеющий ничего общего с видимым. Это невидимое явление.

Скоро приедут многие, многие люди. Аромат достигнет их, обязательно достигнет. И отовсюду каждый, кто действительно ищет истины, обязательно приедет. Это неизбежно, это *должно* случиться. Именно так происходило всегда, веками. Тысячи людей приходили к Будде, тысячи людей приходили к Махавире, к Лао-цзы, к Заратустре — совершенно без причины, потому что все, что они говорили, было и так известно из писаний.

То, что говорю я, вы можете прочитать в Бхагавад-Гите, в Библии, в Коране, в «Дхаммападе», то, что я говорю, вы можете легко найти в Упанишадах, в «Дао-дэ-цзин» — но вы не найдете аромата. Эти цветы — старые, мертвые, высохшие. Вы можете вложить в Библию розу; вскоре она высохнет, аромат исчезнет, останется только труп, воспоминание о настоящей розе. Таковы и писания. Они должны быть оживлены снова другим буддой; в противном случае, они не могут дышать.

Именно поэтому я говорю о «Дхаммападе», Гите, Библии — чтобы позволить им дышать снова. Я могу вдохнуть в них жизнь. Я могу разделить с ними свой аромат, я могу излить на них свой аромат. Поэтому христиан — действительно христиан, не благодаря социальной обусловленности, но благодаря великой любви к Христу — снова найдет живого Христа в моих

словах. Или, если кто-то буддист, он найдет в моих словах снова говорящего Будду — говорящего на языке двадцатого века, обращающегося к людям двадцатого века.

Насколько аромат добродетели прекраснее аромата сандала, розы, голубого лотоса или жасмина! Он так прекрасен, что может двигаться против ветра, может идти против всех законов. Он может двигаться вопреки гравитации, он может подниматься вверх, он может достичь высочайших небес.

Аромат сандала или розы

Не уходит далеко.

Но аромат добродетели

Поднимается к небесам.

Аромат цветов не может далеко путешествовать. Он мгновенен, он конечен; он может лишь преодолеть некоторое расстояние и исчезнуть. Но аромат природы будды может путешествовать до самых краев мира, потому что он бесконечен, и это нечто за пределами времени, за пределами пространства. Фактически, даже когда тела будды больше нет, аромат продолжает путешествовать.

Те, кто действительно восприимчив, чувствителен, могут уловить его, даже когда будды нет уже много веков. Даже сейчас возможно быть современником Будды, даже сейчас возможно общение с Иисусом. Цветка больше нет, но аромат становится частью вселенной — он остается в деревьях, в облаках, в ветре. Сейчас Иисус больше не в физическом теле, но он стал вселенной. Если вы знаете, как пить от вселенной, если вы знаете, как общаться со вселенной, вы будете удивлены: все будды оживают, потому что они современны, время не имеет значения.

Вот все мои усилия здесь: сделать вас современниками Иисуса, Будды, Заратустры, Лао-цзы. Если вы можете быть современниками этих пробужденных душ, какой смысл оставаться современным вашему обычному миру и его обычным жителям, так называемым человеческим существам, в которых нет ничего человеческого, которые еще не стали существами, которые просто полы, пусты, бессмысленны? Какой смысл оставаться окруженным пустыми клетками, если вы можете быть рядом с Гаутамой Буддой?

Да, это возможно — это возможно путем трансценденции времени и пространства. И в медитации вы трансцендируете время и пространство. В медитации вы не знаете, где вы, вы не знаете времени, вы не знаете пространства. В медитации и время, и пространство исчезают — вы просто есть.

В то мгновение, когда вы просто есть, Будда совсем близко; вы окружены буддами всех времен. Вы впервые живете жизнью, которой стоит жить, жизнью смысла: когда вы можете взяться за руки с буддами и кришнами, когда вы можете танцевать с Кришной, петь с Мирой и сидеть рядом с Кабиром. Это возможно — потому что лишь цветы исчезли, но аромат вечен. Он не может исчезнуть.

И тогда все писания становятся в вас живыми. Тогда, читая Библию, вы не просто читаете книгу — тогда с вами говорит Моисей, с вами говорит Авраам, с вами говорит Иисус, лицом к лицу!

Желание никогда не становится на пути

Добродетельных и пробужденных.

Их сияние освобождает их.

Желание означает жажду боольшего и большего. Желание означает неудовлетворенность, неудовлетворенность настоящим; поэтому вы ищете удовлетворения в надеждах на будущее. Сегодня пусто; вы можете жить лишь надеждой на завтра. Завтра что-то принесет... Хотя многие завтра приходили и уходили, и этого чего-то никогда не случилось, вы продолжаете надеяться без надежды. Придет только смерть.

Желания никогда не удовлетворяются. По самой природе вещей они не могут быть удовлетворены. Пробужденный человек заглядывает в желающий ум и смеется. Желающий ум это самый глупый ум, потому что он желает того, что не может быть выполнено по самой природе вещей. В точности как вы не можете выжать из песка масло, это невозможно — в точности так же, желание это лишь обман.

Оно позволяет вам оставаться занятым — очевидно, в этом заключается вся его цель — оно позволяет вам оставаться занятым, оно позволяет вам продолжать надеяться, оно продолжает давать вам обещания. Желание это политик: оно продолжает обещать вам: «Только подожди — еще пять лет, и все будет в полном порядке. Всего пять лет, и мир станет раем». Политики говорили это тысячи лет. Посмотрите на неразумное человечество: оно все еще продолжает верить политикам. Оно меняет политиков; когда оно устаёт от одного, оно начинает слушать другого. Но это совершенно ничего не меняет. Один политик сменяется другим; поэтому в демократиях существуют двухпартийные системы.

Одна партия остается у власти пять лет; вы продолжаете надеяться на исполнение ее обещаний и разочаровываетесь — ничего не происходит. Все становится только хуже, чем было. Но к этому времени вам начинает давать обещания другая партия, которая не была у власти. И человеческая глупость такова, что вы начинаете верить

другой партии. Вы приводите к власти вторую партию; она будет обманывать вас следующие пять лет. Но к этому времени партия, обманывавшая вас раньше, снова становится достойной доверия; снова она добилась доверия, критикуя правящую партию, она снова преобрела уважение в ваших глазах. И снова она затронула ваш желающий ум. Человеческая память очень коротка; поэтому политики продолжают обманывать.

Желание является политиком. Одно желание занимает вас многие годы; затем вы разочаровываетесь, вы устаете от него, оно изнуряет вас, вы отбрасываете его — но тотчас же вы входите в другое желание. Вас ждет другой политик. Вы гнались за деньгами; потом вы устали, вы забыли о деньгах и стали стремиться к власти и славе.

Желание так коварно, что оно может даже принять форму религии, оно может стать религиозным. Оно готово надеть любую маску. Оно начинает думать о небесах и небесных удовольствиях. Оно может дать идею, что эта жизнь неудалась, но следующая жизнь будет раем, и в этом раю все исполнится... деревья, исполняющие желания. Вы просто сидите под деревом, вы чего-то желаете, и это исполнено. Чего вы собираетесь пожелать? Ваши желания будут глупыми, потому что они исходят из вашего ума. Каких удовольствий вы будете искать на небесах? Просто представьте, что однажды вы достигли небес; чего вы теперь хотите? Вы начнете просить гостиницу, кинотеатр, женщину, мужчину... что еще? Те же самые вещи! И за ними последуют те же разочарования.

Желание никогда не становится на пути у добродетельных и пробужденных. Когда вы наблюдательны, ваше существо светится; вы становитесь очень разумным. Обычный человек живет в глупости; обычный человек живет как дурак. В то мгновение, когда вы

становитесь сонастроены со своей внутренней музыкой, со своей медитативностью, вы становитесь очень разумны. Когда вы так разумны, желание не может обмануть вас. В этой разумности вы впервые начинаете видеть вещи, как они есть, и перестаете *неправильно понимать*. Обычно ваше понимание это не более чем неправильное понимание. Вы можете считать, что вы очень разумны, но только глупцы считают себя разумными. Разумность не осознает себя. Она действует, и действует прекрасно, но она не создает само-сознания, она не привносит идеи эго, чувства превосходства. Она очень проста, очень скромна.

Но обычный человек, такой, как он есть, продолжает неправильно понимать. Даже ближайшие ученики Иисуса не понимали его. Я снова и снова говорю, что Иисус один из самых несчастных мастеров, которые когда-либо ходили по земле — не только потому, что он был распят, и у него было для работы всего три года, но и потому, что его последователи были очень глупы.

В тот день, когда Иисуса схватили, стало абсолютно ясно, что его предал один из его учеников, Иуда, и он спросил одиннадцать остальных апостолов: «Хотите ли вы меня о чем-то спросить?» И знаете, о чем они спросили? О таких глупостях! Должно быть, Иисус заплакал. Должно быть, глубоко в сердце он молился: «Отец, прости их, потому что они не знают, о чем спрашивают».

О чем они спрашивали? «Мастер, теперь, когда ты уходишь, объясни некоторые вещи. В мире Бога, в царстве Бога, о котором ты столько говорил, ты, несомненно, будешь сидеть по правую руку от Бога; тогда кто будет сидеть по правую руку от тебя? Кто среди нас будет вторым после тебя, кто будет третьим и четвертым? Какой будет иерархия?»

Посмотрите на этот вопрос! Завтра мастер будет распят, а эти глупцы озабочены иерархией, тем, кто будет

выше всех. Они готовы согласиться с Иисусом: «Хорошо, это мы должны принять — ты будешь вторым после Бога, но кто будет третьим, четвертым и пятым? Пусть это будет решено ясно, потому что ты уходишь, и мы, возможно, нескоро встретимся, поэтому все должно быть определено!»

Желающий ум, амбициозный ум — они совершенно не поняли Иисуса. И говорят, Иисус упал на колени и стал молиться, и слезы катились по его щекам. Никто не знал, о чем он молится, но, должно быть, он говорил: «Боже, прости этих людей, потому что они не знают, о чем спрашивают». Должно быть, он плакал из-за этих людей, всей работы его жизни. Он говорил им не желать, не быть амбициозными. Он говорил им: «Те, кто первый в этом мире, будут последними в царстве моего Бога, а последние будут первыми». Но они не поняли, что он говорит им не быть амбициозными.

Вчера Премгит прислал мне маленький анекдот о неправильном понимании:

Медсестра с кастрюлей в руке гонится за зовущим на помощь пациентом по коридору больницы. Ее останавливает хирург:

— Сестра! Сестра! Я же сказал вам проколоть ему нарыв (*англ. «prick his boil»; «boil his prick» — сварить его член!*)

До вас дошло? Она хотела сварить его член! Но именно это постоянно происходит — ум толпы не может понять. Непонимание неизбежно, потому что массовый ум глух. Когда вы говорите с людьми, они, в действительности, не слушают, они только притворяются, что слушают. Тысяча и одна вещь происходит у них в уме; они, в действительности, не здесь, они не присутствуют ни в какой ситуации, они всегда отсутствуют. Они не

там, где они находятся, они всегда где-то в другом месте. Когда они в Пуне, они в Бейджинге; когда они в Бейджинге, они в Пуне. Странные люди! Где бы они ни были, вы можете быть уверены, по меньшей мере, в том, что они не там; они могут быть в любой другой точке мира. Как они могут понять?

Они слушают только слова, они никогда не слушают смысл — потому что смысл может быть услышан только сердцем. Слова можно слушать ушами. Они не знают, как слушать сердцем. Слушать сердцем означает быть учеником; слушать сердцем означает слушать в любви, в доверии, в глубокой симпатии, и, в конце концов, в глубокой эмпатии. Слушать сердцем значит слушать так, как если бы вы были одним целым с тем, о чем вам говорят — когда ученик становится так сонастроен с мастером, что еще до того, как слова произнесены, он слышит их, и не только слова, но и смысл, аромат, который несут слова. Но он совершенно невидим. Голова груба.

Невидимое можно уловить только в сети сердца.

Люди даже становятся последователями, но и последователями они становятся из непонимания. То, что вы просто стали последователем, ничего не меняет в вашей жизни. Вопрос не в том, чтобы кому-либо следовать: вопрос в том, чтобы понять того, кто пробужден. Поэтому я не называю вас своими последователями; я называю вас только своими друзьями. Если вы можете быть моими друзьями, если вы можете быть в глубокой любви и доверии здесь, в моем присутствии, если мы можем смотреть друг другу в лицо и отражать друг друга, чрезвычайно важные вещи начнут происходить сами собой — потому что ваше сердце поймет, а когда понимает сердце, *тогда же* происходит трансформация.

Когда понимает голова, она спрашивает: «Как? Да, это действительно правильно; как же это сделать?»

Помните разницу: для головы знание и действие это две разные вещи; для сердца знание есть действие.

Сократ говорит: Знание есть добродетель — и он был непонимаем веками. Даже его собственные ученики, Платон и Аристотель, не поняли его правильно. Когда он говорит, что знание это добродетель, он имеет в виду тот способ слушания и понимания, при котором в то мгновение, когда вы поняли, вы уже не можете поступить по-другому. Когда вы видите, что это дверь, вы не станете пытаться выйти наружу через стену, вы выйдете через дверь. Видеть значит действовать, видение приносит действие.

Если, когда я говорю вам: «Вот дверь. Когда вы захотите выйти наружу, пожалуйста, воспользуйтесь дверью, потому что вы достаточно долго бились головой в стену, пытаясь выйти», вы отвечаете: «Да, сэр, я прекрасно понимаю, но как мне выйти через дверь?», ваш вопрос показывает, что ваше сердце не слушало, слушала только голова. Голова всегда спрашивает: «Как?»

Голова всегда задает вопросы, которые на поверхности кажутся очень уместными, но на самом деле они абсолютно смехотворны. Сердце никогда не спрашивает — оно слушает и действует. Для сердца слушание и действие это одно и то же; любовь знает и действует соответственно. Оно никогда не спрашивает: «Как?» Сердце обладает собственным рассудком. Голова интеллектуальна, сердце разумно.

Как красив лотос, растущий

В грязи на обочине.

Чистый аромат радует сердце.

Вспоминайте снова и снова, потому что вы снова и снова забудете — это вопрос сердца. Если сердце в

чем-то радуется, вы можете быть уверены, что ваша жизнь растет, расширяется; ваше сознание становится яснее, ваша разумность освобождается из своих оков.

Как красив лотос, растущий в грязи на обочине. Слово, которым Будда называет лотос — панкадж — одно из самых прекрасных слов. Панкадж означает то, что рождено из грязи. Лотос это одно из самых чудесных явлений в существовании; поэтому на Востоке он стал символом духовной трансформации. Будда восседает на лотосе, Вишну стоит на лотосе. Почему лотос? — потому что лотос имеет одно очень символическое значение: он растет из грязи. Это символ трансформации, это символ превращения. Грязь может быть грязной, зловонной; лотос ароматен, и он возник из зловонной грязи.

Будда говорит: Точно таким же образом, обычно жизнь это зловонная грязь — но в ней скрыта возможность стать лотосом. Грязь может быть трансформирована, вы можете стать лотосом. Секс может быть трансформирован, и он может стать самадхи. Гнев может быть трансформирован, и он может стать состраданием. Ненависть может быть трансформирована, и она может стать любовью. Все, что есть у вас сейчас, что выглядит отрицательным, грязным, может быть трансформировано. Ваш шумный ум может быть опустошен и трансформирован, и он станет небесной музыкой.

Следуй пробужденному,

И среди слепцов

Свет твоей мудрости

Чисто воссияет.

Но единственный возможный выход из этой путаницы — быть сонастроенным с кем-то, кто уже

пробужден. Вы спите; лишь тот, кто уже пробужден, может встряхнуть вас из вашего сна, может помочь вам выбраться из вашего сна.

Гурджиев обычно говорил: Если вы в тюрьме, только тот, кто на свободе, может устроить, может организовать ваш побег из тюрьмы; иначе это невозможно. И мало того, что вы в тюрьме — вас загипнотизировали и вам сказали, что это не тюрьма, это ваш дом. Мало того, что вы в тюрьме — вы считаете, что это ваш дом, и украшаете ее. Вся ваша жизнь это не что иное, как украшение тюрьмы, и вы соревнуетесь с другими заключенными, украшающими свои темные камеры.

Лишь тому, кто свободен, кто однажды был в тюрьме и освобожден из нее, может удастся разбудить вас, заставить вас осознавать реальность. Он может дегипнотизировать вас, он может помочь вам быть необусловленным, он может изобрести методы и средства, чтобы вы убежали из тюрьмы. Он может подкупить тюремщика, надзирателя; он может принести лестницу к вашему окну, он может бросить вам веревку. Он может пробить дыру в стене снаружи... тысяча и одна возможность.

Но единственная возможность для вас в том, чтобы быть в глубоком контакте с кем-то, кто пробужден. Пробужденный называется мастером — *сатгуру*. Если вы можете найти мастера, не упускайте возможность — сдайтесь, расслабьтесь в его существо, впитайте его осознанность, позвольте его аромату окружить вас. И недалек тот день, когда вы тоже будете пробужденным, буддой.

Постоянно напоминайте себе, что, пока вы не будда, ваша жизнь это пустая растрата. Только когда человек живет как будда, его жизнь обладает изяществом, красотой, разумностью, осмысленностью, благословением.

На сегодня достаточно.

Глава 6
Вот!

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Ты часто указывал на то, что большинство вещей и состояний это два крайних проявления одного состояния, полярные противоположности. Тогда ненависть — это другая сторона любви. Значит ли это, что ненавидеть так же легко, как и любить? Любовь так красива. Ненависть так безобразна, и все же случается и она.

Зарин, любовь это естественное состояние сознания. Она не легка и не трудна. Эти слова совершенно неприменимы к ней. Это не усилие; поэтому это не может быть легким, не может быть и трудным. Любовь подобна дыханию! Она подобна биению твоего сердца, циркуляции крови в твоём теле.

Любовь это само твое существо... но эта любовь стала почти невозможной. Общество не позволяет ее. Общество обуславливает тебя таким образом, что любовь становится невозможной, а единственной возможной вещью становится ненависть. Тогда ненависть легка, а любовь не только трудна, но и невозможна. Человек подвергся искажению. Человек не может быть низведен до раба, если он сначала не искажен. Политик и священник веками находились в глубоком сговоре. Они низводили человечество до толпы рабов. Они уничтожали в человеке любую возможность бунта — а любовь есть бунт, потому что любовь слушается только сердца и ни капли не беспокоится ни о чем другом.

Любовь опасна, потому что она делает тебя индивидуальностью, а церковь и государство — они не хотят индивидуальностей, совершенно не хотят. Они не хотят человеческих существ — они хотят овец. Они хотят

людей, которые только выглядят как человеческие существа, души которых так раздавлены, так глубоко повреждены, что они кажутся неизлечимыми.

А лучший способ разрушить человека — разрушить спонтанность его любви. Если у человека есть любовь, тогда не может быть наций; нации существуют благодаря ненависти. Индийцы ненавидят пакистанцев, пакистанцы ненавидят индийцев — только так могут существовать эти две страны. Если появляется любовь, границы исчезают. Если появляется любовь, кто будет христианином, кто будет иудеем? Если появляется любовь, религии исчезают.

Если появляется любовь, кто будет ходить в храм? Зачем? Именно из-за того, что вам не хватает любви, вы ищете Бога. Бог это не что иное, как заменитель вашего недостатка любви. Из-за того, что вы не блаженны, из-за того, что вы не мирны, из-за того, что вы не экстаичны, вы ищете Бога — иначе, о чем беспокоиться? О чем заботиться? Если ваша жизнь это танец, Бог уже достигнут. Любящее сердце наполнено Богом. Не нужно никаких поисков, не нужно никаких молитв, не нужно ходить ни в какие храмы, ни к каким священникам.

Поэтому, священник и политик — вот два врага человечества. И они состоят в сговоре, потому что политик хочет управлять вашим телом, а священник хочет управлять вашей душой. И секрет тот же: разрушить любовь. Тогда человек это не более чем полость, пустота, бессмысленное существование. Тогда вы можете делать с человечеством все, что хотите, и никто не восстанет, ни у кого не найдется достаточно храбрости, чтобы восстать.

Любовь дает храбрость, любовь отбирает все страхи — а угнетатели зависят от вашего страха. Они создают в вас страхи, тысячу и один страх. Вы окружены страхами,

вся ваша психология полна страхов. Глубоко внутри вы дрожите. Лишь на поверхности вы поддерживаете определенный фасад; внутри остается много слоев страха.

Человек, полный страха, может только ненавидеть — ненависть это естественный результат страха. Человек, полный страха, полон также и гнева, человек, полный страха, скорее против жизни, чем за нее. Испуганному человеку смерть кажется более спокойным состоянием. Испуганный человек суицидален, он отрицает жизнь. Жизнь кажется ему опасной, потому что, чтобы жить, вам придется любить — как вы можете жить? Точно так же, как телу для жизни нужно дыхание, душе для жизни нужна любовь. А любовь совершенно отравлена.

Отравив энергию вашей любви, в вас создали разделение, внутри вас создали вашего врага, вас разделили надвое. В вас создали гражданскую войну, и вы всегда находитесь в конфликте. В конфликте ваша энергия рассеивается; поэтому в вашей жизни нет пыла, радости. Она не переполнена энергией, она тупа, бесвкусна, она неразумна.

Любовь обостряет разумность, страхи — притупляют. Кто хочет, чтобы вы были разумны? Не те, кто у власти. Как они могут хотеть, чтобы вы были разумны? — потому что, если вы разумны, вы начнете видеть все их стратегии, все их игры. Они хотят, чтобы вы были глупы и посредственны. Несомненно, они хотят, чтобы вы были эффективны, насколько это касается работы, но не разумны; поэтому человечество живет на низком уровне, на минимуме своего потенциала.

Научные исследования показали, что человек за всю свою жизнь использует только пять процентов своей разумности. Обычный человек использует только пять процентов — а как насчет необычных? Что же Альберт Эйнштейн, Моцарт, Бетховен? Исследователи говорят, что даже те, кто очень талантлив, используют не более

десяти процентов. А те, кого мы называем гениями, используют лишь пятнадцать процентов.

Представьте себе мир, в котором каждый использует сто процентов своего потенциала... тогда боги позавидуют Земле, тогда боги захотят родиться на Земле. Тогда Земля будет раем, сверхраем. Прямо сейчас это ад.

Зарин, ты говоришь, что любить должно быть легче, чем ненавидеть. Если оставить человека в покое, — еще не отравленного, — тогда любовь будет простой, очень простой. Не будет никаких проблем. Она будет в точности как вода, движущаяся вниз, или пар, поднимающийся вверх, как цветение деревьев, как пение птиц. Она будет такой естественной и спонтанной!

Но человека не оставляют в покое. Как только рождается ребенок, угнетатели готовы наброситься на него, разрушить его энергии, исказить их настолько, исказить их так глубоко, что этот человек никогда не осознает, что он живет ложной жизнью, поддельной жизнью, что он не живет той жизнью, для которой он предназначен, для которой он был рожден; что он живет синтетической, пластмассовой жизнью, что это не его настоящая душа. Именно поэтому миллионы людей в таком страдании — потому что иногда они чувствуют, что они были отвлечены, что у них нет собственного «я», что что-то неправильно в самой основе...

Любовь проста, если ребенку позволяют расти, если ему помогают расти естественным путем — путем дхаммы. Если ребенку помогают быть в гармонии с природой, в гармонии с собой, если ребенка во всех отношениях поддерживают, питают, поощряют быть естественным и быть самим собой, быть светом самому себе, тогда любовь проста. Человек просто будет любящим!

Ненависть будет почти невозможна, потому что, если вы можете ненавидеть кого-то другого, сначала вы должны создать этот яд у себя внутри. Вы можете дать кому-то нечто, лишь если оно у вас есть. Вы можете ненавидеть, лишь если вы полны ненависти. А быть полным ненависти значит терпеть адские мучения. Быть полным ненависти значит гореть в огне. Если вы полны ненависти, это значит, что сначала вы раните самого себя. Возможно, другой не будет ранен; это зависит от него. Но определенно одно: прежде чем вы можете ненавидеть, вы должны пройти через долгое страдание и несчастье. Возможно, другой не примет вашу ненависть, возможно, он откажется от нее. Другой может быть буддой — он может просто посмеяться над ней. Он может простить вас, он может не реагировать. Возможно, вы не сможете его ранить, если он не готов реагировать. Если вы не можете его обеспокоить, что вы можете сделать? Рядом с ним вы почувствуете себя бессильным.

Поэтому необязательно, что другой будет ранен. Но одно абсолютно определено: если вы кого-то ненавидите, сначала вы должны так сильно ранить собственную душу; вы должны быть так полны яда, чтобы вы могли выбрасывать его на других.

Ненависть неестественна. Любовь это состояние здоровья; ненависть это состояние болезни. Как и болезнь, она неестественна. Она случается, лишь когда вы теряете след природы, когда вы больше не в гармонии с существованием, когда вы больше не в гармонии со своим существом, со своим глубочайшим ядром; тогда вы больны, психологически, духовно больны. Ненависть это только символ болезни, а любовь — символ здоровья, целостности и святости.

Зарин, любовь должна быть одной из самых естественных вещей, но это не так. Напротив, она стала

самой трудной вещью — почти невозможной. Ненависть стала легкой; вы тренированы, вы подготовлены к ненависти. Быть индуистом значит быть полным ненависти к мусульманам, христианам, иудеям; быть христианином значит быть полным ненависти к другим религиям. Быть националистом значит быть полным ненависти к другим нациям.

Вы знаете только одну сторону любви: ненависть к другим. Вы можете показать любовь к своей стране, только ненавидя все остальные страны, вы можете показать любовь к своей церкви, только ненавидя все остальные церкви. Вы запутались!

Эти так называемые религии продолжают говорить о любви, но все, что они делают в мире, это создают все больше и больше ненависти. Христиане говорят о любви, но они были причиной войн, жестокостей. Мусульмане говорят о любви, но они создавали *джихады* — религиозные войны. Индуисты говорят о любви, но вы можете заглянуть в их писания — они полны ненависти, ненависти к другим религиям. Вы можете изучить так называемую великую книгу Дайананды, «Сатьяртх Пракаш», и вы найдете ненависть на каждой странице, в каждом предложении. Такие книги считаются духовными.

И мы принимаем всю эту чепуху! Мы принимаем ее без всякого сопротивления, потому что мы были обусловлены принимать такие вещи, нас учили, что вещи именно таковы. И тогда вы продолжаете отвергать свою природу.

Вчера я читал шутку:

Женщина исповедовалась — она была монахиней — она исповедовалась матери-настоятельнице, плача, со слезами на лице;

она выглядела очень обеспокоенной. Она говорила:

— Я совершила грех — нечто непросительное. Этот человек вошел в мою комнату прошлой ночью, а я была одна. Угрожая пистолетом, он заставил меня заниматься с ним любовью. Он дал мне только две возможности: умереть или любить его. Я погибла! — говорила она. — Вся моя жизнь разбита!

Мать-настоятельница сказала:

— Не беспокойся, не волнуйся так — сострадание божье бесконечно. И в старых писаниях сказано, что человек может делать все что угодно, если от этого зависит его жизнь — нельзя только плевать на Библию. Человек может делать все, если это вопрос выживания, а это действительно было для тебя вопросом выживания. Поэтому, не волнуйся — ты прощена!

Но женщина осталась обеспокоенной и снова начала плакать:

— Нет. Это не поможет!

— Почему же? — спросила мать-настоятельница.

Женщина посмотрела на нее и ответила:

— Потому что мне это понравилось.

Вы можете отвергнуть природу, но вы не можете ее разрушить. Она остается где-то в глубочайших тайниках вашего существа, живая. И в этом единственная надежда.

Любовь была отравлена, но не уничтожена. Яд может быть выброшен, выброшен из вашей системы — вы можете очиститься. Вы можете вытошнить все то,

что навязало вам общество. Вы можете отбросить все свои верования и обусловленности — вы можете быть свободны. Общество не может вечно удерживать вас в рабстве, если вы решили быть свободным.

Именно в этом заключается вся саньяса.

Зарин, настало время — сейчас стань саньясином. Настало время отбросить все старые образцы и начать жить по-новому, жить жизнью естественности, жизнью без подавления, жизнью не отречения, но наслаждения.

Если ты согласишься на обычные человеческие существа — любовь для них невозможна, возможна только ненависть. Но я создаю здесь совершенно иное пространство: здесь любовь это единственная возможность. Ненависть будет становиться все более и более невозможной. Ненависть это полярная противоположность любви — в том же смысле, что и болезнь является полярной противоположностью здоровью. Но тебе не обязательно выбирать болезнь.

Болезнь имеет некоторые преимущества, которых не может быть у здоровья; не привязывайся к этим преимуществам. Ненависть также имеет некоторые преимущества, которых не может быть у любви. И ты должна быть очень наблюдательной. Больной человек получает сочувствие от всех окружающих; никто не обижает его, все очень внимательны к тому, что он ему говорят, он так болен. Он остается в фокусе, в центре внимания всех окружающих — семьи, друзей — он становится центральной фигурой. Он становится важным. Теперь, если он станет слишком привязанным к этой важности, к этому удовлетворению эго, он никогда не захочет снова быть здоровым. Он сам будет цепляться за болезнь. И психологи говорят, что многие люди цепляются за свои болезни из-за тех преимуществ, которые они дают. И они вложили в свои болезни столь многое, что совершенно забыли, что они цепляются за

эти болезни. Они боятся, что если они выздоровят, они снова станут никем.

Этому учите и вы. Когда ребенок болеет, вся семья так внимательна к нему. Это абсолютно ненаучно. Когда ребенок болеет, позаботьтесь о его теле, но не обращайтесь на него слишком много внимания. Это опасно, потому что, если возникнет ассоциация между болезнью и вашим вниманием... она обязательно возникнет, если это случается снова и снова. Когда ребенок заболевает, он становится центром внимания всей семьи: папа приходит, садится рядом с ним и спрашивает, как он себя чувствует, приходит врач, приходят соседи, приходят друзья и приносят ему подарки... Он может стать слишком привязанным ко всему этому; это может быть настолько питательно для его эго, что он не захочет выздоравливать.

И, если это происходит, быть здоровым невозможно. Не помогут никакие лекарства. Человек становится намеренно склонным к болезням. И именно это произошло с людьми — с большинством.

Когда ты ненавидишь, твое эго удовлетворено. Эго может существовать, лишь если оно ненавидит, потому что в ненависти ты чувствуешь себя выше, в ненависти ты становишься отделенной, в ненависти ты становишься определенной, в ненависти ты приобретаешь определенную тождественность. В любви эго приходится исчезнуть. В любви ты больше не отделена — любовь помогает тебе раствориться в других. Это встреча и сплавление.

Если ты слишком привязана к эго, тогда ненависть легка, а любовь — труднее всего. Будь начеку, будь внимательна: ненависть это тень эго, а любовь требует великой храбрости. Она требует великой храбрости, потому что она требует принести эго в жертву. Лишь те, кто готов стать никем, способны любить. Лишь те, кто

готов превратиться в ничто, совершенно лишиться самих себя, способны принять от запредельного дар любви.

Если ты наблюдательна, Зарин, любовь станет очень легкой, а ненависть — невозможной. И в тот день, когда ненависть станет невозможной, а любовь — естественной, ты придешь домой. Тогда будет больше некуда идти — Бог достигнут.

Быть абсолютно естественным — вот все, что подразумевается под нахождением Бога.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Что есть?

Прабхати, в существовании есть два вида вещей: те, которые можно объяснить, и те, которые можно только пережить. Вещи, которые можно объяснить, повседневны, обыкновенны; в них нет никакой внутренней ценности.

Например, секс может быть объяснен, любовь не может быть объяснена. Поэтому секс становится товаром — он может быть продан и куплен. Любовь это не товар; ты не можешь ее продать, ты не можешь ее купить — это невозможно. Секс может быть объяснен, потому что это часть физиологии. Любовь не может быть объяснена — это часть твоей внутренней тайны.

Пока твоя сексуальность не поднимается и не достигает любви, она обыденна, в ней нет ничего священного. Когда твой секс становится любовью, открывается вход в совершенно иное измерение — измерение таинственного и чудесного. Теперь она становится религиозной, священной, она более не мирская.

Существует еще более высокая стадия любви, — я называю ее молитвой, — которая абсолютно необъяснима, которая абсолютно неопишима. О ней ничего не может быть сказано.

Когда ученик спросил Иисуса: «Что такое молитва?», Иисус упал на колени и стал молиться. Что еще он мог сделать? Молитва не может быть объяснена, о ней ничего нельзя сказать, но ее можно показать. Что ты можешь сказать о смерти, что ты можешь сказать о жизни? Что бы ты ни сказал, этого не хватит; это не может воспарить к высотам жизни и смерти. Это переживания.

Что ты можешь сказать о красоте? Даже если в ночь полнолуния озеро полно прекрасных лотосов, и ты в благоговении, кто-то может спросить: «Что такое красота?» Что ты можешь сказать? Ты можешь показать! Ты можешь сказать: «Вот!» Но он скажет: «Я просил определения».

Рабиндранат, один из величайших поэтов этой страны, жил в маленьком плавучем доме. Обычно он проводил подряд несколько месяцев в этом плавучем доме; он любил жить в плавучем доме. В ночь полнолуния он сидел у себя в комнате, маленькой каюте, и читал при свете свечи, он читал об эстетике — что такое красота? А снаружи была полная луна, и на дальнем берегу кричала кукушка, и луна отражалась в озере, все озеро было в серебре!.. Никого не было вокруг, это была поразительно молчаливая ночь, если не считать крика кукушки. Время от времени над домиком пролетала птица, или рыба била хвостом по воде — эти звуки еще более углубляли молчание. И он

размышлял над великой книгой об эстетике, в поисках определения красоты.

Усталый, изнуренный, в полночь он задул свечу... и был потрясен, удивлен. Как только он задул свечу, лунные лучи проникли в окно, в дверь маленькой каюты. Тусклый свет свечи не пускал внутрь луну. Внезапно он услышал далекий крик кукушки. Внезапно он осознал поразительное молчание, глубину молчания, окружающего лодку. Плеснула рыба, и он вышел наружу... Он никогда не видел более прекрасной ночи. Белые облака, плывущие по небу, луна, озеро, крик кукушки... он был перенесен в другой мир.

Он написал в своем дневнике: «Я глупец! Я искал в книгах, что такое красота, а красота стояла на пороге, стучалась ко мне в двери! Я искал красоту с маленькой свечой, и эта маленькая свеча не пускала внутрь лунный свет». Он написал в своем дневнике: «Кажется, это мое маленькое эго не пускает внутрь Бога — маленькое эго, как тусклый свет свечи, не пускает внутрь свет Бога. А он ждет снаружи. Все, что я должен сделать, это закрыть свои книги, задуть свечу эго, выйти наружу — и увидеть!»

Прабхати, ты спрашиваешь меня: «Что есть?»

Вот что... вотность... в это мгновение ты окружен тем, что есть. Оно внутри и снаружи тебя. Чирикание птиц... и это молчание... и ты спрашиваешь меня, что есть?

Это не тот вопрос, на который может быть ответ. Он также и опасен, опасен в том смысле, что ты можешь найти какого-нибудь дурака, который тебе ответит, и

ты можешь уцепиться за этот ответ. Кто-то скажет: «Есть Бог», и ты уцепишься за этот ответ. И тогда возникнет другой вопрос: «Что такое Бог?» И теперь ты готов впасть в бесконечную регрессию.

Один человек оказал Богу услугу, и в награду тот пообещал ему ответить на один вопрос, на любой вопрос. Но Бог предупредил его, что некоторые вещи могут быть только пережиты, их нельзя объяснить. Человек подумал и собрался задать свой космический вопрос, но Бог снова предупредил его об объяснениях и переживаниях.

Но человек не мог более сдерживаться, и он захотел узнать:

— Что будет после смерти?

И Бог поразил его смертью на месте.

Что еще он мог сделать? Он поразил его на месте, он тотчас же убил его, потому что, если ты хочешь знать, что будет после смерти, тебе придется умереть! Будь очень осторожен. Ты можешь получить объяснения тех вещей, которые принадлежат миру, объективному миру. Об этом ты должен спросить ученого; он знает, это его забота. Не спрашивай мистика о том, что может быть объяснено; это не его забота. Его заботит то, что может быть пережито.

Не задавай мне никаких вопросов, на которые не может быть ответов. Будь в моем присутствии, почувствуй мое присутствие, будь открыт и уязвим. Мы здесь для того, чтобы пережить нечто. Объяснять тайны жизни значит отмахиваться от них.

Основное, коренное значение слова объяснение — «расплющить, сделать плоским» (англ. *explanation*) — но сделать плоским значит разрушить. Если бы кто-

нибудь мог дать ответ, что такое Бог, что такое любовь, что такое молитва, что есть, он он сделал бы плоским поразительно прекрасный, невероятный опыт, вложив его в уродливые слова. Все слова неадекватны.

Будь и знай! Будь тихим и знай! Ты здесь не для того, чтобы выучить больше слов; ты здесь для того, чтобы твое молчание стало глубже. Используй мои слова как намеки на бессловесное существование.

Вот оно! О чем ты спрашиваешь? Почувствуй это мгновение... во всей его полноте, во всей его многомерности, и снизойдет великая красота, великое великое благословение окружит тебя; в тебе начнет возникать милость, очень молчаливый экстаз. Ты почувствуешь опьянение существованием.

Будь пьян существованием — это единственный способ его узнать.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Каково Твое мнение о наукологии? (англ. scientology)

Аида, это фантастика... Я имею в виду, что это дерьмо, полное дерьмо! (См. анекдот в третьей главе первого тома «Дхаммапады», стр. 94) Остерегайся таких глупостей. Они появляются на свет под именем науки, потому что наука имеет доверие; любая глупость может притвориться научной. И на людей производит большое впечатление это слово: «наукология». Но людей производят большое впечатление блестящие механизмы, инструменты... Человек так неосознан и бессознателен, что он может стать жертвой чего угодно! Ты просто должна это пропагандировать, рекламировать — а в нашем

столетии существуют очень эффективные средства пропаганды, рекламы.

Наукология это не что иное, как гипноз — она может загипнотизировать тебя. Настоящая религия прямо противоположна: она дегипнотизирует. Вы уже загипнотизированы, вам больше не нужно никакой наукологии. Вам нужен процесс дегипнотизации, вам нужно разобуславливание, вам нужно выйти из всех возможных идеологий. Наукология это идеология. Она говорит в терминах науки, а наука обладает большой привлекательностью. Наука это современное сусерие.

Как только вы привносите науку, вы немедленно производите впечатление на современного человека. Поэтому все и вся должно быть доказано научно. И некоторые шарлатаны продолжают доказывать научно даже Бога, они пытаются измерить состояния медитации — как будто медитация может быть измерена. Все, что вы можете измерить, относится к уму; не-ум не может быть измерен. Поэтому ваши альфа-волны и все остальное не помогут. Они только проникнуть до определенных пределом в ум. Но медитация начинается лишь там, где кончается ум.

Ум измерим, потому что ум *является* машиной. Но не-ум неизмерим, у него нет пределов. Поэтому вся та чепуха, которая продолжается под именем измерения... и это производит большое впечатление на людей. Они сидят перед яркими и блестящими приборами, — это производит впечатление науки, — с проводками, подсоединенными к голове, к рукам — как кардиограмма. Они пытаются представить себе внутреннее молчание. Это невозможно! Все, что бы вам ни удалось записать, будет умом. Все это волны ума.

Медитация лишена волн, потому что она лишена мыслей. Медитация не может быть записана; не может быть никакой кардиограммы, никакая машина не может

ее записать. Она очень неудовима, она очень субъективна, она не может быть низведена до объекта. Но из-за того, что западный ум очень объективен, очень тренирован в науке, шарлатаны нагревают руки на этом развлечении, на этой тренировке.

Наукология это одна из фальшивых религий. Настоящая религия не нуждается в подобных вещах. Наукология разрушает умы многих людей.

Современный человек в особенной ситуации: старые религии потеряли свою хватку, лишились доверия, а новая религия еще не появилась — промежуток. А человек не может жить без религии, это невозможно; религия это такая потребность. Поэтому, если недоступно истинное, преобладает ложное, ложное становится заменителем. Наукология это ложная религия, и существует множество других, подобных ей.

Настоящая религия заключается в том, чтобы стать совершенно молчаливым, не обусловленным, не загипнотизированным. Она выходит за пределы ума и за пределы идеологий; она идет за пределы писаний и за пределы знания. Вы просто падаете в свое внутреннее, становясь совершенно молчаливым, ничего не зная, и действуете из этого не-знания, из этой невинности. Когда вы действуете из невинности, в ваших действиях есть собственная красота. Именно в этом заключается добродетель — *аэс дхаммо санантано*.

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Не может ли психоанализ решить проблемы человека? Нужна ли вообще религия?

Нилима, психоанализ это поверхностная вещь — полезная, но очень поверхностная. Он анализирует только поверхностный шум вашего ума. Несомненно, он гораздо лучше, чем наукология, потому что он анализирует *действительную* реальность. Он занимается умом, который у вас есть. Он пытается проникнуть в ваше бессознательное, в подавленную часть вашего ума. Он может вам помочь, но он не может решить всех ваших проблем, потому что пределы его досягаемости очень ограничены. Поэтому Фрейд не может вас удовлетворить, он может лишь коснуться части вашего ума. Адлер коснулся другой части вашего ума — он также не может вас удовлетворить. Юнг коснулся третьей части — и он не удовлетворяет, потому что части это части, а проблема относится к целому.

Ассагиоли идет немного глубже, чем все трое. Он отбрасывает психоанализ и начинает называть свою работу «психосинтезом». Это немного лучше — он синтезирует. Фрейд фанатичен; он претендует на то, что все, что бы он ни сказал, — истина, единственная истина и вся истина. И каждый, кто против него, против истины. Другой возможности быть не может — это единственный путь. Фанатик всегда заявляет: «Это единственный путь». Фанатик не позволяет жизни иметь богатства, разнообразия.

Так же и с Адлером. Все они были первоначально учениками Фрейда, хотя они и отказались от его знания. Но они никогда не смогли отказаться от его фанатизма. Они отказались от того, что он говорил, но они не смогли отказаться от того впечатления, которое он произвел на их существа.

Юнг также был его последователем, учеником, и он восстал против него. Но даже в этом бунте он остался — глубоко внутри — прежним человеком: та же претензия на знание целого, то же ударение.

Ассагиоли гораздо лучше, потому что он говорит, что все эти трое говорят истину, но она частична — они должны быть синтезированы. Необходим синтетический подход, который объединил бы все эти работы. Но Ассагиоли совершает ошибку, очень фундаментальную ошибку. Вы можете расчленить человеческое тело, чтобы узнать, что внутри; когда вы его расчлените, вы не найдете никакой души — это не тот путь, которым можно найти душу. Вы найдете руки, ноги, голову, глаза, сердце и почки, вы найдете тысячу и одну вещь, и вы можете составить длинный список... но вы не найдете души. И, естественно, вы заключите, что никакой души нет.

Именно это сделали Фрейд, Адлер и Юнг. Тогда пришел Ассагиоли. Он сказал: «Это неправильно. Анатомирование это не путь, анализ это не путь — я попробую синтез». И он снова составляет все эти части вместе, сшивает их вместе; он делает большую швейную работу, но человек все же не жив, в нем нет души. Если душа оставила тело, вы не можете принести ее обратно, просто составив тело вместе. Теперь это труп — лучше, чем Фрейд, Адлер и Юнг, потому что они были похожи на знаменитых слепцов, пятерых слепцов, которые пошли смотреть слона. Каждый заявлял: «Мой опыт слона *есть* слон». Один, который коснулся ноги слона, говорил, что слон это не что иное, как столб... и так далее, и тому подобное. Фрейд, Адлер и Юнг были слепыми, ощупывающими части слона. А слон жизни действительно огромный, гигантский.

Что сделал Ассагиоли? — он собрал мнения этих пяти слепых и сложил их вместе, говоря: «Это правильно. Я создал синтез, это истина». Это не путь, ведущий к истине. Сложив вместе мнения пяти слепых, вы не получите настоящего слона.

Чтобы увидеть настоящего слона, нужны *глаза*. Психоанализ слеп, как и психосинтез — он немного

мудрее, но все равно слеп. Они не могут решить проблем человека, потому что основная проблема человека не психологическая, но духовная, не психологическая, но экзистенциальная. Человек это не только тело; в противном случае, физиолог мог бы решить все его проблемы. Человек это не только психика; в противном случае, психолог мог бы решить его проблемы. Человек это гораздо большее: человек это органическое единство — тело, ум, душа... эти три части и еще нечто таинственное: четвертое. Мистики в Индии называли это четвертым — *турийей*. Они не дают ему никакого имени, потому что никакое имя не может быть дано.

Тело, ум, душа — все они могут быть названы. Тело доступно для объективного наблюдения. Ум доступен как для объективного, так и для субъективного наблюдения — вы можете наблюдать его снаружи как поведение и изнутри как идеи, мысли, воображение, воспоминания, инстинкты, чувства, и так далее, и тому подобное. Душа доступна лишь как субъективный опыт. И за пределами этих трех частей остается четвертая, которая удерживает их вместе: турийя — четвертое, неназываемое. Четвертое было названо Богом, четвертое было названо нирваной, четвертое было названо просветлением.

Проблема человека сложна. Если бы он был только телом, проблема была бы проста; наука могла бы разрешить все. Если бы был только ум, психологии было бы достаточно. Но человек это очень комплексное явление, четырехмерное. И, пока вы не знаете четвертого, пока вы не вошли в четвертое, вы не знаете человека во всей его полноте. А если вы не знаете его во всей полноте, проблема не может быть решена.

Психоанализ может дать вам философский подход, но он не может дать экзистенциальной трансформации.

В один из последних дней конференции психиатров, один из докторов, заканчивая лекцию, заметил, что мужчина, сидящий рядом с молодой привлекательной докторшей, пристает к ней.

— Он вас не беспокоит? — спросил галантный доктор.

— О чем мне беспокоиться? — ответила она. — Это его проблема.

Психоанализ, психиатрия, психология могут дать вам философский подход к жизни. Они могут дать вам качество отстраненности от проблем жизни, но проблемы не решены. Психиатр не может решить даже собственных проблем — как он может помочь в этом другим?

Даже Зигмунд Фрейд не будда, он полон проблем — фактически, даже больше, чем так называемые человеческие существа. Он очень боялся смерти, слишком боялся смерти — до такой степени, что даже слово «смерть» не должно было произноситься его учениками, потому что один или два раза, услышав слово «смерть», он упал в обморок. Достаточно было только слова «смерть»! Он падал в обморок, он терял сознание, он падал со стула.

Фрейд вынес секс на свет. Он сделал великую работу: он разрушил одно из табу, которые существовали веками. Секс был запретной темой, о нем нельзя было говорить. Он вынес его на свет. Он проделал великую новаторскую работу — за это он достоин уважения. Но для него табу была смерть; он не мог даже слышать этого слова. Кажется, здесь есть связь.

Вот мое наблюдение: в мире существуют общества двух типов — общества первого типа накладывают запрет на секс и не боятся смерти; общества второго типа

отбрасывают запрет на секс и тотчас же начинают бояться смерти. Мы еще не способны создать общество, в котором ни секс, ни смерть не были бы запретными.

Это должны сделать мои саньясины.

Почему так происходит?

В Индии, например, секс является табу, — вы не должны о нем говорить, — но смерть не запретна. Вы можете о ней говорить; фактически, все религиозные учителя говорят о смерти. Они заставляют людей так бояться смерти, говоря о ней снова, снова и снова. Они создают в людях такой страх, что из этого страха люди становятся религиозными. Индийские писания полны описаний смерти. Смерть кажется одной из самых обсуждаемых тем в Индии — не секс. Секс запрещен. Секс это жизнь, и, если вы выбираете смерть, вы не можете выбрать секс — или-или.

Фрейд сослужил человечеству величайшую службу; он вынес секс на открытый свет из темных углов души. Но немедленно табу стала смерть; он сам начал бояться смерти. Это полярные противоположности, и тотальный человек сможет понять и то и другое.

Тотальный человек, целый человек — вот мое определение святого. Он сможет говорить о сексе, наблюдать, анализировать, анатомировать его, идти в него, медитировать — и он сможет делать то же самое и со смертью. ...Потому что вы не являетесь ни смертью, ни сексом: вы их свидетель. Свидетельствование приведет вас к четвертому — турийе. И лишь когда вы войдете в четвертое, все проблемы исчезнут, растворятся. Прежде этого все проблемы будут продолжаться.

Также вы можете стать большим специалистом по анализу проблем — это не поможет.

Красивая женщина пришла на прием к психиатрику.

— Раздевайтесь, — говорит психоаналитик, не успела она зайти.

— Но я в самом деле...

— Я вам говорю, раздевайтесь, — настаивает психоаналитик, не давая ей времени ответить.

— Но, доктор, я к вам пришла, потому что у меня проблема, и я думала...

— Не думайте. Раздевайтесь и не тратьте мое время, — настаивает психоаналитик еще более грубо.

Потрясенная и смущенная женщина раздевается, и психоаналитик тут же кидается на нее.

Через полчаса, застегивая брюки, он смотрит на женщину, которая все еще не понимает, что происходит, и говорит более спокойным тоном:

— Теперь, когда я решил свою проблему, посмотрим, могу ли я решить вашу.

Только будда может помочь тебе решить твою проблему — тот, у кого нет собственных проблем.

Религию нельзя отбросить, и никогда нельзя будет отбросить. Религия это не нечто поверхностное и случайное: это внутренняя потребность, и она абсолютно необходима.

Нилима, ты спрашиваешь меня: «Не может ли психоанализ решить проблемы человека?» Нет. Он может помочь тебе немного лучше понять свои проблемы, и, понимая свои проблемы, ты можешь в некоторой степени, до определенных пределов управлять своей жизнью. Психоанализ может помочь тебе стать немного нормальнее, чем ты есть; он может сделать твою горячую, взволнованную ненормальность более спокойной и

прохладной — вот и все. Он может немного сбить тебе температуру, но он не может разрешить. Он может только помочь, он может утешить.

Я слышал об одном человеке, который обычно курил одновременно три сигареты — он был этим одержим. Это было очень неловко: на него смотрели люди, видели, что он делает, и он чувствовал большое смущение, ему было стыдно. Но перестать он не мог, он ничего не мог сделать; иначе он оставался очень неудовлетворенным.

Он перепробовал все возможные средства, все, что ему предлагали. Ничего не помогло.

Тогда кто-то предложил ему сходить к психоаналитику.

После того, как он в течение года проходил психоанализ и потратил несколько тысяч долларов, друг спросил его:

— Помогает ли тебе психоанализ?

— Конечно! — ответил тот.

Но друг не мог в это поверить, потому что он увидел, что он по-прежнему курит три сигареты. Он спросил:

— Но ты все еще куришь три сигареты, и я не понимаю, в чем польза психоанализа.

— Я больше не стесняюсь! Мой психоаналитик помог мне понять, что это совершенно нормально. Что в этом плохого? Многие курят одну сигарету, я слышал о человеке, который курит две, я курю три! Разница только в количестве — что плохого в том, что я курю три сигареты? Целый год мой психоаналитик настойчиво говорил мне, что в этом нет ничего плохого; теперь я не

стесняюсь. Фактически, я единственный человек в мире, который курит одновременно три сигареты! Я чувствую себя очень хорошо.

Психоанализ может дать вам множество утешений. Он может помочь тебе обосновать, он может привести тебя к норме, он может помочь тебе не стесняться — но он не решает проблему. Он не может ее решить. Проблемы не могут быть решены, если ты остаешься на том же уровне существования. Это очень фундаментальная вещь, которую нужно понять.

Если ты хочешь решить проблему, ты должен подняться над этим уровнем. Она не может быть решена на прежнем уровне. В то мгновение, когда ты достигаешь высшего уровня, все проблемы низшего просто исчезают. Это путь религии: помочь тебе подниматься выше, выше и выше. В тот момент, когда ты достигаешь четвертого состояния, турийи, все проблемы исчезают, растворяются, теряют смысл. Дело не в том, что ты находишь решения, нет, совсем нет — религию не интересуют решения. Ни одно решение еще не решило ни одной проблемы; оно может помочь решить одну проблему, но оно создаст другую. Само решение может стать проблемой. Ты можешь стать таким привязанным и зависимым от решения...

Это случается в твоей жизни почти каждый день: ты болен, ты принимаешь определенное лекарство, оно помогает, и тогда ты становишься зависимым от лекарства; возникает привыкание, ты не можешь перестать принимать лекарство. Это лекарство имеет побочные эффекты — теперь оно начинает мучить тебя. Теперь тебе понадобится другое лекарство... и так далее, и тому подобное. Этому не будет конца.

Ни одно решение не может действительно быть решением. Подход религии совершенно иной. Она не

даст тебе решения, она просто помогает тебе поднять уровень своего сознания. Религия это поднятие сознания. Она поднимает тебя над проблемой, она дает тебе взгляд с высоты птичьего полета. Теперь ты стоишь на вершине холма и видишь долину... все проблемы долины просто бессмысленны. Они не имеют никакого значения для человека, стоящего на освещенной солнцем вершине холма. Они просто теряют важность.

Пятый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я была здесь девять месяцев и рождаю свой первый вопрос.

Сегодня во время лекции Ты сказал: «Секс утомителен...» Для меня секс это ярчайший взрыв музыки, цвета и света, наполняющий до краев каждую клетку моего существа. Это сбрасывание сети моей кожи, сплавление с любовью в объятиях Бога, полная потеря себя, вне ума, вне времени — бытие Бога. И этих слов недостаточно. Именно эти переживания привели меня к Тебе. У меня не было даже проблеска «глупости секса». Для меня секс это источник глубокого расслабления и неограниченной энергии, как и величайшее блаженство: противоположность усталости.

Возможно, для мужчин секс более утомителен, чем для женщин? Или мне еще слишком далеко до того, чтобы его отбросить?

Пожалуйста, прокомментируй.

Апурна, твое переживание совершенно подлинно, но из-за того, что это такой экстаз, такое волнение, долго ли ты сможешь его продолжать? Рано или поздно наступает момент, когда он становится повторяющимся, прежним, и тогда ты начинаешь терять его радость. В этот момент он становится утомительным.

Твое переживание совершенно подлинно, но очень ограничено. Жизнь это гораздо большее. Она начинается с секса, но она им не кончается. Я очень рад, что ты наслаждаешься сексом — наслаждайся им, как это только возможно, пока он продолжается. И, чем больше ты им наслаждаешься, тем скорее ты от него устанешь.

Но об этом не нужно беспокоиться. Я отвечал на вопрос кого-то другого, того, кто от него устал. Он прожил все эти радости, он играл со всеми этими игрушками. Ты даешь этим игрушкам великие имена — все это плюшевые мишки. Вы можете называть своего плюшевого мишку «Богом», и в этом нет ничего неправильного... Когда ребенок носит с собой плюшевого мишку, называет его «Богом» и не может без него заснуть — он очень расслабляет, если вы отберете его, он станет очень напряженным! Даже грязный мишка... он будет носить его с собой. Даже если родители стесняются, если они идут на праздник, а он несет с собой своего мишку — грязного, вонючего... но ребенок не может без него жить. Это сама его жизнь. Но есть надежда, что однажды он устанет от него, бросит его в угол и забудет о нем навсегда.

Мне действительно трудно отвечать на ваши вопросы, потому что вопрос одного человека имеет значение только для него, и ответ, который я даю, имеет значение только для него. Это может не быть твоим опытом.

Однажды я сказал, что гомосексуализм это извращение. Тут же пришло несколько писем — очень злых, потому что здесь есть несколько гомосексуалистов. Они говорили: «О чем ты говоришь? Мы пришли только потому, что думали, что ты принимаешь все, что ты не отвергаешь, не осуждаешь ничего». Я не осуждал. Но вопрос и ответ предназначались для определенного человека. Вы не должны об этом беспокоиться; это может не относиться к вам.

Для гомосексуалиста гомосексуализм это религия — его религия — и он не верит в гетеросексуализм. Он думает, что гетеросексуалы немного извращены, или, по меньшей мере, ортодоксальные, отставшие от времени люди... их больше не должно быть, они не современны — что это за чепуха, о которой они говорят?

Гетеросексуалу гомосексуалист кажется очень извращенным, животным, даже ниже животного. А для гомосексуалиста гетеросексуал животное, потому что гомосексуализм изобретен человеком, высшим человеком. Животные не гомосексуальны — по крайней мере, в диком состоянии. В зоопарках — да, иногда, но там они подвергаются воздействию человеческих существ, они учатся у человеческих существ. Но в дикой природе они не гомосексуальны.

Поэтому гомосексуализм это нечто особенное, открытое человеком. Это определяющее явление. Точно так же, как Аристотель говорит, что человек это рациональное существо, гомосексуалист это гомосексуальное существо — только человек обладает способностью подняться до таких высот. Гетеросексуальность обыкновенна: это делают собаки... ничего особенного! Этим не стоит хвастаться.

Два верблюда медленно приближаются друг к другу в пустыне; их седоки одеты в

одинаковые длинные бермудские шорты и остроконечные шляпы. Они останавливаются и всадники говорят — с подчеркнутым английским акцентом:

— Англичанин?

— Конечно.

— Посольство?

— Фотокорреспондент.

— Оксфорд?

— Кембридж.

— Гомосексуалист?

— Конечно, нет!

— Жаль.

И два верблюда продолжают свой путь по пустыне.

Мне приходилось говорить со многими типами людей — среди них и верблюды. Поэтому, если это не твой вопрос, не беспокойся о моем ответе, забудь о нем. Он касается кого-то другого, гораздо более зрелого, чем ты...

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

*Какими будут Твои последние слова,
обращенные к миру?*

Это напоминает мне историю, которую обычно рассказывал Георгий Гурджиев своим ближайшим ученикам. Эта история о великом мастере прошлого, будде, у которого был самозванный помощник; он был его верным последователем многие годы. И, когда мастер лежал на смертном одре, все его последователи молча

ждали за дверью его комнаты, не зная, что делать, и не веря в то, что их мистический мастер действительно умирает.

В конце концов среди скорбного молчания послышался голос мастера, зовущий помощника, и все последователи пристально смотрели на него, пока как он совершал свой путь к дверям комнаты мастера. Когда он открыл дверь, он оглядел внимательные лица последователей вокруг и представил их зависть и уважение к нему, единственному, кого мастер позвал к себе в последние мгновения. Он уже представил себе, как после смерти мастера он молча возникнет в дверях, новый глава школы, новоявленный апостол Петр.

Тихо он вошел в темную комнату и медленно подошел к кровати. Старый мастер знаком подозвал его ближе, и, когда он склонился над ним, приблизив ухо к губам старика, мастер прошептал: «...б твою мать».

На сегодня достаточно.

Глава 7
Пробует ли ложская суп?

Как длинна нога для ногого сторожа,
Как длинна дорога для усталого путешественника,
Как долги блуждания многих жизней

Для дурака, упустившего путь.
Если путешественник не может найти
Мастера или друга, чтобы идти вместе,
Пусть лучше он идет один,

Чем в компании дурака.
«Мои дети, мое благополучие!» —
Так дурак тревожит себя.
Но как он может иметь детей или благополучие?

Он даже не хозяин самого себя.
Дурак, знающий, что он дурак,
Гораздо мудрее.
Дурак, считающий себя мудрецом —

Полный дурак.
Пробует ли ложка суп?
Дурак может прожить всю жизнь
В компании мастера,

И все же упустить путь.
Язык пробует суп.
Если ты пробужден в присутствии мастера,
Одно миновение покажет тебе путь.

Дурак — враг самому себе.
Его зло в его бездействии.
Как юрько он страдает!

Зачем делать то, о чем ты пожалеешь?
Зачем навлекать на себя слезы?
Делай лишь то, о чем ты не пожалеешь,
И наполни себя радостью.

Человек это мост между известным и неизвестным. Остаться ограниченным известным значит быть дураком. Отправиться на поиски неизвестного — вот начало мудрости. Стать единым с неизвестным значит стать пробудленным, буддой.

Вспоминайте снова и снова, что человек это еще не существо — он только путь, путешественник, паломник. Он еще не дома, он находится в поисках дома. Тот, кто думает, что он дома, дурак, потому что тогда он прекращает поиски, тогда он больше не ищет. В то мгновение, когда вы перестаете искать и исследовать, вы становитесь стоячим водоемом, вы начинаете вонять. Тогда вы только умираете, вы вообще не живете.

Жизнь в потоке, жизнь в реке — потому что только река достигнет океана. Если вы остаетесь стоячим прудом, вы никуда не придете. Тогда вы не живы по-

настоящему. Дурак не живет, он только притворяется, что живет. Он не знает, он только притворяется, что знает. Он не любит, он только притворяется, что любит. Дурак полон притворства.

Мудрый живет, любит, мудрый исследует. Мудрый готов, всегда готов плыть в необозначенное на карте. Мудрый ищет приключений. Дурак боится.

Когда Будда использует слово «дурак», вы должны помнить все значения этого слова. Будда придает слову «дурак» не его обычное значение. Для него дураком является тот, кто живет в уме и ничего не знает о не-уме; тот, кто живет в информации, знании, кто не почувствовал вкуса мудрости; тот, кто живет заимствованной жизнью, подражает, но ничего не знает о том, что возникает в его собственном существе.

Под «дураком» Будда подразумевает того, кто хорошо знаком с писаниями, но не испытал вкуса ни единого мгновения истины. Он может быть великим эрудитом, очень знающим — фактически, дураки *и есть* эрудиты; они вынуждены быть эрудитами, потому что это единственный способ скрыть то, что они дураки. Дураки очень знающие; они вынуждены быть знающими, потому что, только заучивая слова, теории, философии, они могут скрыть свое внутреннее невежество, они могут скрыть свою пустоту, чтобы они могли считать, что они тоже знают.

Если вы хотите найти дураков, идите в университеты, идите в академии. Там вы их найдете — в своем совершенном невежестве они претендуют на знание. Конечно, они знают, что сказали другие, но это не настоящее знание. Слепой может собрать всю существующую информацию о свете, но он все же останется слепым. Он может говорить о свете, он может писать о свете трактаты; он может быть очень умным в том, что касается предположений, изобретения теорий, но все

же он остается слепым и ничего не знает о свете. Но собранная им информация может обмануть не только других, она может обмануть и его самого. Он может начать думать, что он знает, что он больше не слепой.

Когда Будда использует слово «дурак», он не имеет в виду просто невежество, потому что, если невежественный человек осознает свое невежество, он не дурак. И у невежественного человека есть больше возможностей осознать, что он невежествен, чем у так называемых знающих людей. Их эго так раздуто; им очень трудно видеть — это противоречит их капиталовложениям. Они посвятили всю свою жизнь знанию, и теперь осознать тот факт, что знание бессмысленно, тщетно, поскольку они не испытали вкуса истины сами, трудно, тяжело.

Невежественный человек может помнить о том, что он невежествен — ему нечего терять; но знающий не может признать, что он невежествен — он потеряет так много. Знающий человек это настоящий дурак. Невежественный человек невинен; он знает, что он не знает, и благодаря тому, что он знает, что он не знает, благодаря тому, что он невежествен, он стоит на самом пороге мудрости. Благодаря тому, что он знает, что он не знает, он может искать, и его поиск будет чистым, непредубежденным. Он будет искать без всяких заключений. Он будет искать, не будучи христианином, мусульманином или индустом. Он будет искать просто как искатель. Его поиски не будут исходить из заранее заготовленных ответов, его поиски будут исходить из его собственного сердца. Его поиски не будут побочным продуктом его знания, его поиски будут экзистенциальными. Он ищет, потому что для него это вопрос жизни и смерти. Он ищет, потому что он действительно хочет знать. Он знает, что он не знает — вот почему он ищет. Его поиски сами по себе обладают красотой. Он

не дурак, он просто невежествен. Настоящий дурак тот, кто думает, что знает, ничего при этом не зная.

Сократ пытался сделать то же самое в Афинах: он пытался заставить этих ученых дураков осознать, что то, чему они учатся, ложно, что они настоящие дураки, притворщики, лицемеры. Естественно, все профессора, философы и так называемые мыслители... в Афинах их было полным-полно. В то время Афины были столицей знания. Люди смотрели на Афины так же, как сегодня люди смотрят на Оксфорд или Кембридж. Афины были полны ученых дураков, и Сократ пытался вернуть их на землю, он разбивал их знание, поднимал такие вопросы — в определенном смысле простые, но на которые было трудно ответить тем, кто заимствовал свое знание у других.

Афины были очень злы на Сократа. Они отравили этого человека. Сократ был одним из величайших людей, которые когда-либо ходили по земле; и то, что он делал, делали очень редкие люди. Его метод — основной метод. Сократовский метод поиска таков, что он выставляет дураков дураками. А выставлять дурака дураком, конечно, опасно, потому что он отомстит. Сократ был отравлен, Иисус был распят, Будда был осужден.

В тот день, когда Будда умер, буддизм был выброшен из страны, изгнан из страны. Эрудиты, пандиты, брамины не могли позволить ему остаться. Он был слишком неудобен для них. Его основная атака была направлена на браминов, ученых дураков, и они, естественно, были обижены. Они не могли противостать Будде, они не могли встречаться с ним. Они коварно ждали своей возможности: когда Будда умер, они начали бороться с его последователями. Когда света не стало, пришло время совам, ученым дуракам, снова воцариться в стране. И с тех времен они царят до сих пор — они все еще у власти. Одни и те же дураки!

Мир очень пострадал. Человек мог стать славой земли, но из-за этих дураков... поскольку они у власти, они могут вредить, поскольку они у власти, они могут разрушать возможности, средства для эволюции человека. Человек двигался по кругу, а эти дураки не хотят, чтобы человек стал мудрым, потому что, если человек станет мудрым, эти дураки окажутся не у дел. Они больше не будут у власти, вся их власть — религиозная, политическая, социальная, финансовая — уйдет. Они могут оставаться у власти, только если они продолжают разрушать все возможности для того, чтобы человек стал мудрым.

Мои усилия здесь направлены на то, чтобы снова создать сократовский поиск, чтобы снова поднять фундаментальные вопросы, которые поднимал Будда.

В новой коммуне у нас будет семь концентрических кругов людей. Первый, самый поверхностный круг, будет состоять из тех, кто пришел только из детского любопытства или уже собранных предрассудков, кто глубоко внутри против — журналисты и им подобные.

Им будет позволено увидеть только поверхностную часть коммуны — дело не в том, что что-то будет спрятано, но из-за самого своего подхода они не смогут увидеть ничего большего, чем поверхностное. Они увидят только одежды. Здесь также происходит то же самое. Они приходят и видят только поверхностное.

Только вчера я читал репортаж одного журналиста; он пробыл здесь пять дней. Он пишет: «пять дней», как будто здесь это такое долгое время; пять дней — как будто он был здесь пять жизней! Поскольку он пробыл здесь пять дней, он стал авторитетом. Теперь он знает, что здесь происходит, потому что он наблюдал, как люди медитируют. Как вы можете наблюдать, как люди медитируют? Вы можете либо медитировать, либо не медитировать, но вы не можете наблюдать, как люди

медитируют. Да, вы можете видеть их физические жесты, движения, танец, вы можете видеть, что они сидят под деревом в молчании, но вы не можете *видеть* медитацию! Вы можете видеть физическую позу медитирующего, но вы не можете видеть его переживание. Для этого вы должны медитировать, вы должны стать участником.

А основное условие того, чтобы стать участником, заключается в том, чтобы отбросить идею о том, что вы наблюдатель. Даже если вы участвуете, если вы танцуете с медитирующими с той идеей, что вы участвуете лишь для того, чтобы наблюдать, что происходит, ничего не произойдет. И, конечно, вы придете к выводу, что все это чепуха — ничего не происходит. И вы совершенно справедливо почувствуете внутри, что ничего не происходит, потому что, хотя вы и участвовали, ничего не произошло.

Этот человек пишет, что он был на даршане, и что с саньясинами происходит многое — столь многое, что после глубокого энергетического контакта со мной они даже не могут самостоятельно дойти до своего места — их приходится нести. И тогда он упоминает: «Но со мной ничего не произошло». Это достаточное доказательство того, что либо все происходящее это гипноз, либо люди притворялись, потому что рядом был журналист, либо это было просто организованным представлением, чем-то сфабрикованным — потому что с ним ничего не произошло.

Есть вещи, которые могут произойти, лишь если вы уязвимы, открыты, непредубеждены. Есть вещи, которые могут произойти, лишь если вы откладываете ум в сторону.

Этот журналист снова пишет: «Люди, заходя туда, оставляют свои умы там же, где они оставляют свою обувь — но я не мог этого сделать. Конечно», — говорит он, — «если бы я оставил ум позади, я бы тоже был

впечатлен». Но он считает, что ум имеет большую ценность — как он может оставить его позади? Он чувствует себя очень умным, потому что он не оставил ум позади.

Ум это преграда, не мост. В новой коммуне первый концентрический круг будет для тех, кто приходит как журналист — для предубежденных людей, которые уже знают, что они знают. Говоря коротко, для дураков.

Второй концентрический круг будет для ищущих — которые не предубеждены, которые не являются ни христианами, ни индуистами, ни мусульманами, которые пришли без выводов, которые пришли с открытым умом. Они смогут видеть немного глубже. Нечто от таинственного коснется их сердец. Они преодолеют преграду ума. Они осознают, что нечто безмерной важности происходит здесь — что в точности, они не сразу смогут себе представить, но они начнут смутно осознавать, что нечто важное *происходит*. Они могут не быть достаточно храбрыми, чтобы участвовать в этом; их поиски могут быть более интеллектуальными, чем экзистенциальными, они могут быть не способны стать частью, но они будут осознавать — конечно, очень туманно и смутно, но несомненно они будут осознавать — что происходит нечто большее, чем видно невооруженным глазом.

Третий круг будет для сочувствующих, для тех, кто находится в глубокой симпатии, кто готов немного двигаться с коммуной, кто готов танцевать, петь и участвовать, кто не только задает вопросы, но уже готов изменить себя, если этого требует поиск. Они будут яснее осознавать более глубокие королевства.

Четвертый круг будет эмпатическим. Симпатия означает только дружелюбие; человек не противостоит. Эмпатия означает, что человек не только дружелюбен; человек чувствует своего рода единство, единение.

Эмпатия означает, что человек чувствует вместе с коммуной, с людьми то, что происходит. Человек встречается, сливается, сплавляется и становится одним целым.

Пятый круг для посвященных, саньясинов — для тех, кто не только чувствует сердцем, но и готов посвятить себя, быть вовлеченным. Для тех, кто готов рисковать. Для тех, кто готов к свершениям, потому что он чувствует, что в нем возникает великая, безумная любовь — сумасшедшая, сумасшедшая любовь. Саньясин, посвященный.

Шестой круг будет для тех, кто почти прибыл — для адептов. Для тех, чье путешествие почти подошло к концу, кто не только саньясин, но и становится *сиддой*, чье путешествие приближается к окончательному завершению, кто подходит к заключению все ближе и ближе. В определенном смысле, они уже прибыли.

И седьмой круг будет состоять из *артхат* и *бодхисаттв*. Артхаты это саньясины, которые прибыли, но не заинтересованы в том, чтобы помогать прибыть другим. В буддизме для них есть специальное имя: артхата — одинокий путешественник, который прибывает и исчезает в высшем. Бодхисаттвы это те, кто прибыл, но чувствует великое сострадание к тем, кто еще не прибыл. Бодхисаттва это артхата с состраданием. Он задерживается, он продолжает оглядываться назад и звать тех, кто все еще спотыкается в темноте. Он помощник, он слуга человечества.

Есть два типа людей. Человек первого типа чувствует себя хорошо, когда он один; он чувствует некоторое неудобство в отношениях, в отношениях он чувствует себя немного беспокойным, отвлеченным. Человек этого типа становится артхатой. Когда он прибыл, он покончил со всем. Теперь он не оглядывается.

Бодхисаттва это второй тип: человек, который чувствует себя в отношениях легко; фактически, он чувствует себя гораздо менее комфортно, когда он один. Он более склонен к любви. Артхата более склонен к медитации. Путь артхаты — чистая медитация, путь бодхисаттвы — чистая любовь. Чистая любовь содержит медитацию, чистая медитация содержит любовь — чистая медитация содержит любовь только как аромат, запах; это не центральная сила в ней. А чистая любовь содержит медитацию как аромат; это не ее центр.

В мире существует два типа людей. Второй тип — последователи пути любви — становится боддхисаттвой. Седьмой круг будет состоять из артхат и бодхисаттв.

Седьмой круг будет осознавать шесть других, шестой круг будет осознавать пять других — высшие будут осознавать низшие, но низшие никогда не будут осознавать высших. Первый круг не будет осознавать ничего, кроме первого круга. Он будет видеть здания, гостиницу, бассейн, магазин, ткачей, гончаров и плотников. Он будет видеть деревья, весь ландшафт... он будет видеть все эти вещи. Он будет видеть тысячи саньясинов, и только пожмет плечами: «Что все эти люди делают здесь?» Он будет немного озадачен, потому что он не ожидал, что можно найти столько сумасшедших в одном месте: «Все под гипнозом!» Он найдет объяснения. И он уедет, совершенно удовлетворенный тем, как хорошо он узнал коммуны. Он не будет осознавать высшего — низшее не может осознавать высшее. Это один из фундаментальных законов жизни — *аэс дхаммо санантано* — только высшее знает низшее, потому что оно прошло через низшее.

Когда вы стоите на освещенной солнцем горной вершине, вы знаете все, что находится внизу, в долине. Люди в долине могут не иметь о вас ни малейшего понятия, для них это невозможно. Долина имеет свои

занятия, собственные проблемы. Долина занята собственной темнотой.

Дурак может прийти к мастеру, и это не принесет ему никакой пользы, потому что он будет видеть только внешнее. Он не будет способен видеть существенное, он не будет способен видеть ядро. Дурак тоже приходит сюда, но он слушает только слова — и он продолжает истолковывать эти слова в соответствии с собственными идиями. Он уходит, совершенно удовлетворенный своим знанием о том, что происходит.

Есть множество дураков, которые не приходят сюда — они не чувствуют потребности. Они просто полагаются на репортажи других дураков. Этого достаточно. Одного дурака достаточно, чтобы убедить тысячи дураков, потому что они говорят на одном языке, у них одни и те же предрассудки, у них одни и те же концепции... нет проблем! Один дурак увидел, и остальные дураки убеждены. Один дурак пишет репортаж в газете, другие дураки читают его рано утром, и они убеждены.

Сутры:

Как длинна ночь для ночного сторожа,

*Как длинна дорога для усталого
путешественника,*

Как долги блуждания многих жизней

Для дурака, упустившего путь.

Ночь длинна для ночного сторожа — почему? Он не может расслабиться, он должен как-то оставаться бодрствующим. Это борьба. Он должен продолжать бодрствовать вопреки природе, потому что ночь предназначена для расслабления, отдыха и сна. Он борется с природой — как и дурак. Дурак продолжает

бороться с природой. Он пытается плыть против течения; поэтому его страдание долго, без необходимости долго. Он тысячекратно увеличивает его, потому что он не может отпустить себя, он не может расслабиться.

Первый признак глупого ума — он не может расслабиться, он всегда напряжен, он всегда на страже, он всегда боится.

Как длинна ночь для ночного сторожа... Она не так длинна для тех, кто отдыхает, расслабляется, погружается в глубокий сон. Она проходит так быстро! В одно мгновение вы бодрствовали, потом вы заснули... и на следующее утро вы просыпаетесь, уже утро. Вы не можете поверить, как быстро прошла ночь. Если вы действительно отдыхали... чем больше вы отдыхаете, тем быстрее проходит ночь. Если ваш отдых тотален, время исчезает. Это то, что нужно понять.

Время это психологическое явление. Я говорю не о том времени, которое вы видите на часах, я говорю о психологическом времени. Когда вы счастливы, расслаблены, мирны, время пролетает быстро. Когда вы в боли, в страдании, в несчастье, время движется очень медленно; оно кажется нескончаемым.

Приходилось ли вам сидеть рядом с умирающим ночью? Кажется, утро никогда не придет. Ночь кажется такой длинной... одна и та же ночь. В ту же самую ночь вы можете сидеть со своей возлюбленной, и ночь пролетает так быстро, что вы не можете в это поверить — потому что вы были так счастливы и расслаблены, вы наслаждались и двигались вместе с природой, вы не боролись. Любить означает отдаться, любить означает расслабиться.

Альберта Эйнштейна снова и снова спрашивали: «В чем заключается теория относительности?» Это сложная теория, которую нельзя объяснить людям, которые не знают высшей математики. Фактически,

говорят, что только двенадцать человек в мире поняли в точности, что подразумевал Эйнштейн под теорией относительности. Как объяснить это непрофессионалу?

И он придумал это прекрасное объяснение. Он говорил: «Сядьте на горячую печь, и тогда одна секунда покажется почти вечной, нескончаемой — печь такая горячая, это так больно. И тогда возьмите за руку свою возлюбленную и сядьте с ней на берегу реки в ночь полнолуния, и часы пролетят как секунды. Вот», — обычно говорил он, — «вся теория относительности».

Все зависит от вас, от вашего психологического состояния. Время это не физическое, материальное явление; это явление психологическое. Поэтому в глубокой медитации время совершенно исчезает. И это не новость, мистики знали это веками. Они говорили — все мистики всех стран — что время останавливается, когда действительно начинается медитация.

Кто-то спросил Иисуса: «Ты так много говоришь о Царстве Божьем — что в нем особенного, о чем мы совершенно не знаем? Скажи нам что-нибудь совершенно особенное о Царстве Божьем».

И знаете, что он сказал? Очень странный ответ — он сказал: «В нем больше не будет времени».

Да, в Царстве Божьем больше не может быть времени, потому что время существует только в связи с болью, страданием, тревогой. Если вся тревога, вся боль, все кошмары исчезают, исчезает и время. Время это умственное явление: если ума нет, нет и времени. И вы также знаете об этом. Эту относительность вы почувствовали.

Вивек вчера сказала, и она часто говорила раньше, что время летит так быстро, что она не может поверить, что она прожила здесь семь лет. Кажется, она приехала только семь дней назад.

И все же мы окружены миром! Когда мы уходим из мира, когда мы имеем свой собственный маленький мир, когда мы отбрасываем все мосты, время начинает исчезать. Мои усилия в том, чтобы дать вам почувствовать вкус безвременности. Если вы почувствовали его, вы можете вернуться обратно в мир, и он останется с вами. Важнее всего испытать его хотя бы однажды — не-время — и внезапно вы перенесены в другой мир.

Этот мир состоит из пространства и времени. Вот как его определяет Альберт Эйнштейн: пространство-время. Он делает одно слово (англ. *spaciotime*) из двух, потому что он говорит, что время есть не что иное, как четвертое измерение пространства. Этот мир состоит из времени и пространства, и в медитации вы исчезаете из них обоих, или они оба исчезают из вашего существа. Вы не знаете, где вы. *Вы есть*, несомненно, вы более есть, чем когда-либо раньше; вы тотально здесь, но нет пространства, которое ограничивало бы вас, нет времени, которое определяло бы вас. Чистое существование. Испробовав лишь однажды, вы больше не дурак.

Дурак живет во времени, мудрец живет в безвременности.

Дурак живет в уме, мудрец живет в не-уме.

Как длинна ночь для ночного сторожа, как длинна дорога для усталого путешественника... Посмотрите на лица людей — какими усталыми, изнуренными, совершенно разочарованными они выглядят. И не только выглядят — они и есть. Их души устали, сами их существа стали скукой. Они еле-тащатся — ни радости, ни танца в их шагах, ни песни в их сердцах, ни благодарности за то, что они есть... наоборот, так много жалоб.

Один из героев «Братьев Карамазовых» Достоевского говорит: «Я хотел бы вернуть эту жизнь Богу, если я его встречу. Я больше не хочу жить. Жизнь это

такое страдание!» Он хочет сдать билет. Как он может быть благодарен?

Только подумайте: если однажды вы встретите Бога, что вы собираетесь ему сказать? Трудно будет даже сказать: «Привет!» Вы будете так злы на него, так сердиты, так раздражены, на этого человека, который создал вас, который создал мир! Просто из-за этого Бог продолжает прятаться; иначе люди обязательно убьют его. Они не отпустят его живым; он должен прятаться, он вынужден прятаться просто для того, чтобы остаться в живых.

Как длинна дорога для усталого путешественника, как долги блуждания многих жизней для дурака, упустившего путь. А дурак обязательно упускает путь. Почему? — потому что он думает, что он уже знает путь, потому что он думает, что он на пути. Все остальные неправы, он прав. Он считает, что если все последуют за ним, в мире будет все хорошо. Он фанатичен. У него есть Библия, Коран, Веды — что еще нужно? Он знает все прекрасные догмы всех религий — что еще нужно? Он знает путь!

Но когда Будда употребляет слово «путь», он подразумевает дхамму — *аэс дхаммо санантано*. Он подразумевает путь, который уводит вас от вашего эго, путь, который уводит вас от вашего ума, путь, который делает вас абсолютным ничто... путь, который помогает вам раствориться в целом.

Он не говорит о религиях, он не говорит о так называемых техниках, средствах, методах. Когда он употребляет слово «путь», он имеет в виду в точности то же самое, что подразумевает Лао-цзы под «дао». Дао в точности означает «путь» — путь к чему? Путь за пределы себя, путь, который уводит вас прочь из вашего ограниченного, заключенного состояния в открытое пространство.

Как долги блуждания многих жизней... Это действительно долгие блуждания — не один день или одна жизнь, но многие жизни, миллионы жизней. И, если люди устали, это неудивительно. Если их глаза кажутся полными пыли, это неудивительно. Если их души покрыты многими слоями пыли, это неудивительно. Если они больше не отражают, если их зеркала потеряны, это не случайность — это понятно, но почти непростительно, потому что никто не ответственен за вашу ситуацию, кроме вас. Если вы решите, вы можете отбросить все эти слои пыли *в это самое мгновение*, и в то мгновение, когда вы отбрасываете пыль своих мыслей, вы на пути. Вы есть путь!

Иисус говорит: «Я есть путь, я есть истина, я есть врата». Христиане продолжают истолковывать это так, как будто Иисус это путь; это не правда, это совершенное искажение Иисуса. Когда Иисус говорит: «Я есть путь», он говорит: «Кто бы ни был тот, кто может сказать: «Я есть», он — путь». Он не говорит об Иисусе, сыне Иосифа и Марии; он говорит о «я-естьности».

В то мгновение, когда в глубокой медитации вы встречаете эту «я-естьность», вы есть путь. Вопрос не в том, чтобы быть христианином. Все не так, как христиане продолжают говорить миру: «Пока вы не придете к Иисусу, вы не найдете путь к Богу». Это полная чепуха! — потому что Будда нашел, не будучи христианином, Мухаммед нашел, не будучи христианином, как нашли Махавира, Кришна и Лао-цзы... Я нашел, не будучи христианином. Это чепуха.

Но то, что в действительности подразумевает Иисус, *истинно*.

Когда Моисей встретил Бога, он спросил его... прекрасная история; помните, история (*англ. story: история, рассказ*), а не история (*англ. history: историческая наука*). История это очень обыкновенная вещь;

история состоит из Тамерлана, Чингиз-хана, Адольфа Гитлера, Иосифа Сталина и Мао-цзе-Дуна — история очень заурядна. Она состоит из всего того, что уродливо. Это не история, это притча, метафора поразительной поэтичности и красоты.

Она говорит, что, когда Моисей встретил Бога, он спросил: «Кто ты?» И, говорят, Бог ответил: «Я — то, что я есть».

Именно это имеет в виду Иисус, когда говорит: «Я есть путь».

Если вы можете почувствовать свое существо, свою собственную «естьность», вы найдете путь. Дурак не может его найти. Он продолжает и продолжает... живя в одних и тех же желаниях, в одних и тех же глупых мыслях, в одних и тех же воспоминаниях. Дурак повторяется; он повторяет только то, что знает — он никогда не решается выйти за пределы своего знания. А истина есть неизвестное.

Просто понаблюдайте за своим умом, и вы поймете, что я пытаюсь вам передать. Ваш ум повторяется! Он говорит: «Вчера еда была очень вкусной, пойдем в тот же самый ресторан... Вчера этот человек был приветлив, давай найдем его снова». Он хочет повторять вчера, и не позволяет сегодня иметь собственное бытие. Он не позволяет даже завтра иметь собственное бытие; и на завтра он планирует повторить то, что известно из прошлого. А что вы знаете из прошлого, кроме несчастья? Но вы с ним знакомы, и вы продолжаете его повторять.

Дурак повторяет: мудрый проживает каждое мгновение заново.

Солдаты американского контингента в Корее скидываются по доллару и тянут жребий, кому достанутся полученные деньги и

кто проведет ночь в шикарном восточном борделе.

Естественно, побеждает Химми Каплович, ужас Бруклина, и по возвращении из легендарного борделя он делится впечатлениями со своими собравшимися товарищами: висящие золотые портьеры, чувственная восточная музыка, экзотическая пища, поданная заранее маленькими обнаженными девочками двенадцати лет, и так далее; тираду завершает: «...ничего похожего на Бруклин!»

В конце концов он описывает, как самая красивая женщина, которую он только видел в своей жизни, медленно спускается по лестнице, имея на себе только остроконечную шапку с белой бахромой, и ведет его за руку наверх к своей ароматной постели — «ничего похожего на Бруклин!»

— А потом? — лихорадочно спрашивают другие солдаты.

— Потом? — отвечает Химми. — А потом все было совсем как в Бруклине.

Ум дурака продолжает повторять одно и то же снова и снова. Ум дурака это порочный круг — он движется по кругу. Мудрый человек никогда не повторяется. Он проживает каждое мгновение заново, он рождается заново в каждое мгновение. В каждое мгновение он умирает для прошлого и рождается заново.

Вся жизнь мудрого человека это процесс рождения заново. Мудрый человек не рождается однажды, в каждое мгновение он рождается снова и снова. Старое никогда не удерживает его. Но дурак рождается лишь однажды, и потом он продолжает повторяться.

Если вы продолжаете повторяться, вы упустите путь, потому что ваша естность, ваше существо абсолютно свежо и всегда молодо. Оно никогда не стареет. Ум стареет, тело стареет, но существо ничего не знает о времени — как оно может постареть? Оно всегда молодо, всегда юно. Оно свежо, как капли росы на солнце рано утром, свежо как листья лотоса в озере.

*Если путешественник не может найти
Мастера или друга, чтобы идти вместе,
Пусть лучше он идет один,
Чем в компании дурака.*

Лучше всего найти мастера, потому что мастер это лучший возможный друг; поэтому Будда говорит: *мастера или друга.*

Если путешественник не может найти мастера или друга, чтобы идти вместе, пусть лучше он идет один, чем в компании дурака. Но избегайте дураков. Именно этого вы никогда не делаете. Вы собираете вокруг себя дураков. В этом есть некий секрет: когда вы окружены дураками, вы чувствуете себя выше. Это очень удовлетворяет эго; поэтому никто не хочет жить с кем-то, кто выше. Люди хотят жить с низшими, потому что это дает вам идею о том, что вы великий.

Чтобы быть с мастером, вам придется отбросить идею о том, что вы великий, вам придется отбросить весь этот мусор, вам придется отбросить все эго, вам придется слаться. Вам придется раствориться в мастере; поэтому люди избегают мастеров. Сколько людей пришло к Иисусу? Очень немного, их можно пересчитать по пальцам. Сколько людей пришло к Будде? Очень немного... Так было всегда. Но людям очень нравится ходить в Ротари-клуб. Вы чувствуете себя очень хорошо,

когда вы окружены дураками — вы чувствуете себя очень хорошо: все дураки нарядны, каждый дурак чувствует себя лучше других, каждый дурак хвастается о себе, каждый дурак поддерживается остальными дураками.

Люди любят находиться в толпе, потому что, находясь в толпе, вы можете забыть свой комплекс неполноценности. Вот почему люди не оставляют толпы. Одна толпа — толпа индуистов, другая — мусульман, третья — христиан, и так далее, и тому подобное. Никто не хочет оставить толпу.

И, даже если люди иногда оставляются одну толпу, они немедленно присоединяются к другой. Они как-то убегают из одной тюрьмы, лишь для того, чтобы попасть в другую — они не могут жить одни. Будда говорит, что лучше жить одному, чем с дураками. Если вы можете найти мастера или друга, хорошо; если не можете, вам лучше быть одному. Конечно, быть одному будет трудно, будет сложно, потому что толпа создаст для вас столько трудностей. Толпа не любит индивидуальностей, она не хочет, чтобы кто-то был независимым; она хочет, чтобы все зависело от толпы. Она создаст для вас проблемы. Но все эти проблемы — это очищение, все эти проблемы — это вызов. Они обостряют вашу разумность, они делают вас мудрым.

«Мои дети, мое благополучие!» —

Так дурак тревожит себя.

Но как он может иметь детей или благополучие?

Он даже не хозяин самого себя.

Жизнь дурака строится вокруг идеи «мое»: моя нация, моя религия, моя раса, моя семья, мои дети, мои родители... он живет, окруженный идеей «мое». Он

пришел один, и он один уйдет; никто ничего не приносит в мир, и никто ничего не уносит. Одинокие, с пустыми руками мы приходим; одинокие, с пустыми руками мы уходим. Мудрый знает это; поэтому мудрый ничего не объявляет «моим». Он использует вещи, но он не обладает ими. Использование совершенно хорошо — используйте все вещи в мире, они существуют *для вас*. Мир это подарок Бога — используйте его, но не обладайте им. В то мгновение, когда вы становитесь собственником, вы не можете использовать вещи — вещи начинают использовать вас. В то мгновение, когда вы становитесь собственником, фактически, ваши вещи начинают владеть вами, вы становитесь рабом. Сама идея обладания глупа. Как вы можете чем-то владеть? Вы не владеете даже собственным существом. Чем еще вы можете владеть? Вы даже не хозяин самого себя.

Будда говорит: *«Мои дети, мое благополучие!»* — так дурак тревожит себя. Сколько тревог возникает из этого «мое»? Абсолютно ложные тревоги! В основе своей ложные, они могут создать много страдания. Это подобно тому, как темной ночью вы видите веревку, и думаете, что это змея. Вы убегаете, кричите, дрожите, вы можете получить сердечный приступ. А никакой змеи не было — всего лишь веревка! Но сердечный приступ будет настоящим; помните, ненастоящая змея может вызвать настоящий сердечный приступ.

Это ненастоящие проблемы. Объявлять «моим» — все! Страна, церковь, дети, благополучие, все что угодно — когда вы объявляете: «Это мое!», вы создаете для себя великий источник тревоги, боли. Вы создаете вокруг себя ад.

Но как он может иметь детей или благополучие?
— спрашивает Будда. — *Он даже не хозяин самого себя.*

Дурак выпал из окна шестого этажа. Он лежит на земле, вокруг собирается большая толпа. Подходит полицейский и спрашивает:

— Что случилось?

— Я не знаю, — отвечает дурак. — Я просто оказался здесь.

Что вы знаете о том, как вы здесь оказались? Что вы знаете о том, откуда вы пришли? Что вы знаете о том, куда вы неизбежно уйдете? Что вы знаете о том, кто вы? Самые фундаментальные вопросы остаются в темноте, и все же вы продолжаете заявлять: «Это мой дом...»

Когда Будда стал просветленным, он вернулся домой. Его отец, естественно, был очень зол — он был единственным сыном, а стал изгнанником. Отец старел, и ему приходилось справляться с большим королевством. Он очень беспокоился: «Кто будет им владеть? Кто будет им управлять? Этот дурак, мой сын, сбежал».

Множество усилий было приложено к тому, чтобы убедить Будду вернуться, и все усилия были тщетны. Когда он стал просветленным, он пришел сам — и эта встреча одна из самых прекрасных встреч в человеческой истории.

Старый отец Будды был очень зол, так зол, что слезы гнева текли у него из глаз. Он кричал, бранился и ругал его, а Будда стоял совершенно тихо и спокойно, как ни в чем ни бывало. Возможно, полчаса, час... тогда его отец, старик, устал. Он заметил, что его сын не произнес ни единого слова, что он

совершенно не реагирует. «И он выглядит таким тихим и спокойным! Что случилось? Он что, оглох? Он что, сошел с ума?» Он спросил:

— Почему ты не отвечаешь мне?

— Того человека, который оставил тебя, больше нет, — ответил Будда. — Ты говоришь не со *мною* — ты говоришь со своим сыном, которого больше нет. С тех пор много воды утекло в Ганге. Прошло двенадцать лет. Я совершенно другой человек.

Будда, конечно, подразумевает метафору. Он имеет в виду: «Я больше не то же самое сознание, я больше не тот же ум. Мои подходы отброшены, моих предрассудков больше нет. Я совершенно свежее существо. Я знаю, кто я. Тогда я был дураком. Теперь свет пришел в мою душу. Вот почему», — говорит он, — «я больше не прежний».

Старый отец Будды снова пришел в ярость. Он сказал:

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что ты больше не прежний? Разве я не могу узнать собственного сына? Разве я тебя не знаю? Я дал тебе рождение, моя кровь течет в твоих жилах, ты создан из моей плоти и крови — и я тебя не знаю? Как ты смеешь такое говорить!

И Будда снова сказал:

— Извини, но я снова скажу, что мое тело может быть частью твоего тела — но не я. Теперь я знаю, что я не тело, я не ум. Теперь я знаю, кто я. И ты не имеешь ничего общего с моим существом; ты не создал мое существо, ты не дал рождения моему существу. Я был прежде своего рождения, и

буду после смерти. Пожалуйста, постарайся меня понять; не раздражайся, не злись. Я пришел только для того, чтобы поделиться радостью, которую я нашел.

Но родители думают, что их дети это их дети, дети думают, что их родители это их родители. В этом мире ваше существо абсолютно одиноко. Да, вы можете разделить с другими радость, но вы никогда не можете обладать. Лишь дурак обладает, в мудром человеке нет собственности.

Дурак, знающий, что он дурак,

Гораздо мудрец.

Дурак, считающий себя мудрецом —

Полный дурак.

Размышляйте над этим: что вы думаете о себе? Если вы увидите свою глупость, это будет болезненно. Легко видеть, что дураки другие, — фактически, каждый знает, что все остальные дураки, — но увидеть собственную глупость это большой шаг к мудрости. Увидеть собственную глупость значит уже трансформировать свое сознание, свое существо.

Один человек приехал в гости во Францию. Первой же ночью он пошел вразнос. Он занимался любовью с женой хозяина, с его дочерью, с кухаркой, со второй горничной и так далее. Утром на него набрасывается хозяин:

— Что это такое? Ты здесь мой гость. Я принял тебя как друга. И что ты делаешь? Ты занимаешься любовью с моей женой, с

моей дочерью, с половиной моих служанок
— а как же я?

Дурак всегда озабочен только одним — собственным эго. Все, что для него, хорошо — все. И он готов за это цепляться. Дурак цепляется даже за страдание, потому что это *его* страдание. Он продолжает накапливать все, что попадает ему в руки, потому что дурак понятия не имеет о своем внутреннем королевстве, о своих внутренних сокровищах; он продолжает накапливать мусор, потому что он думает, что это все, чем он может владеть. Мусор снаружи и мусор внутри; вот что продолжают собирать люди — они собирают вещи, они собирают мысли. Вещи это мусор снаружи, мысли это мусор внутри, и вы тонете в своем мусоре.

Посмотрите бесстрастно, без привязанности на свою жизнь, на то, что вы делали с ней, на то, что вы от нее получили. И не пытайтесь одурачить себя, потому что именно это продолжает делать ум. Он говорит: «Посмотри, как многого ты достиг! Столько денег в банке, столько людей знает тебя, уважает тебя; у тебя такая должность, политическая власть... что еще нужно? На что еще может надеяться человек? Жизнь дала тебе все, о чем можно было только мечтать».

Но деньги, власть и престиж это ничто, потому что придет смерть, и все ваши великие крепости благосостояния, власти, престижа, респектабельности начнут падать, как карточные домики. Один удар смерти, и все разрушено.

Пока у вас нет чего-то, что вы можете взять с собой за пределы смерти, помните, у вас вообще ничего нет — ваши руки пусты. Пока у вас нет чего-то бессмертного, вечного, вы — дурак. Будда называет мудрым человека, который достиг некоего настоящего сокровища — медитации, сострадания, просветления.

Пробует ли ложка суп?

Дурак может прожить всю жизнь

В компании мастера,

И все же упустить путь.

Ложка не может попробовать суп, ложка мертва — как и дурак. Он только кажется живым; его сердце мертво, почти мертво, потому что его сердце бездействует. Он живет только головой, а голова это лишь ложка.

Посредством головы вы не можете испытать никакого вкуса радости жизни. Можете ли вы видеть красоту головой? Вы можете увидеть уветок, но вы упустите его красоту; вы увидите луну, но вы упустите ее красоту; вы увидите закат, но вы упустите его красоту. Ваша голова не может знать ничего о красоте.

Ваша голова может знать что-то только о сексе, но она не может ничего знать о любви. Голова может понять прозаическую часть жизни, голова это счетная манина — но она не может знать поэзии существования. А поэзия существования содержит истину. Музыка существования содержит настоящее благословение. Оно может быть познано только сердцем. Только сердце может испытать его.

Помните, голова эффективна во всем том, что бессмысленно; лишь сердце способно на то, что важно. А мы все живем в голове. Наши школы, колледжи, университеты существуют ради одной цели, ради одного преступления, и вот это преступление: привлечь энергии людей из сердца в голову, чтобы они стали счетными машинами, чтобы они стали эффективными служащими, заместителями сборщика налогов, начальниками станций... Но система образования не позволяет вам стать любовником, поэтом, певцом. Она не позволяет

вам узнать настоящего смысла жизни. Она не позволяет вам войти в храм, она удерживает вас снаружи.

Голова поверхностна, сердце является центром. И, если сердце бездействует, вы только ложка, деревянная ложка. *Дурак может прожить всю жизнь в компании мастера и все же упустить путь.*

Быть в компании мастера это величайшее возможное благословение, потому что, когда вы рядом с тем, кто пробужден, это открывает для вас возможность также быть пробужденным. Тот, кто пробужден, может сделать пробужденным и вас, потому что пробуждение заразно. Он может вытряхнуть вас из ваших снов и кошмаров. Но дурак может прожить в компании мастера всю жизнь и упустить. Как он упускает? Потому что и с мастером он связан посредством головы — а это верный способ упустить мастера.

Здесь есть несколько людей, которые действительно упускают, и она будут продолжать упускать, если они останутся ориентированными на голову. Это не то место, в котором нужно жить головой. Будьте безголовыми! Настоящий саньясин будет безголовым. Но он будет сердечным, потому что лишь через сердце я могу проникнуть в вас. Лишь через сердце существует возможность единения. В противном случае, вы будете слушать мои слова, собирать мои слова, вы станете попугаями и будете повторять мои слова — а это бесполезно... пока вы не вкусили, пока вы не испили от меня.

Язык пробует суп. Пожалуйста, не будьте ложками, будьте языками. Когда вы рядом с буддой, не будьте ложками, будьте языками — будьте живыми, будьте чувствительными, будьте сердечными, будьте любящими, будьте доверяющими.

Язык пробует суп.

*Если ты пробужден в присутствии мастера,
Одно мгновение покажет тебе путь.*

Одного-единственного мгновения достаточно! Вопрос не в том, чтобы провести с мастером долгое время; время не при чем. Вопрос не в количестве, вопрос не в том, сколько времени вы провели с мастером. Вопрос в том, как глубоко вы любили мастера, не в том, сколько вы с ним пробыли — насколько интенсивно, страстно вы были вовлечены в мастера... не продолжительность времени, но глубина ваших чувств. Тогда, единственное мгновение осознанности, пробужденности сердца, единственное мгновение молчания... и — передача, передача за пределами всех писаний.

Дурак — враг самому себе.

Его зло в его бездействии.

Как горько он страдает!

Дурак — враг самому себе, говорит Будда. Почему? — потому что только благодаря самому себе он продолжает упускать все, что есть значительного в существовании. Никто не преграждает ему путь. Поэзия жизни доступна для всех. Дурак остается глух, он закрывает уши. Жизнь полна света, но дурак держит глаза закрытыми. Жизнь постоянно изливает божественную радость, осыпает его цветами, но дурак остается в полном забвении. Даже если иногда, вопреки самому себе, он сталкивается с цветком, он не верит в него. Он говорит: «Это обман».

Это случается почти каждый день. Люди пишут мне, что в медитации с ними происходит что-то странное: они чувствуют себя счастливыми — это не может быть

правдой! Никто не пишет: «Я чувствую себя несчастным — это не может быть правдой!» Но, когда бы они ни почувствовали счастье, радость, они пугаются, они не могут в это поверить. Они становятся подозрительными. Они начинают подозревать и строить теории, что, должно быть, то гипноз этого места, должно быть, вокруг слишком много людей в оранжевом, и это на них воздействовало. Как они могут быть счастливой?! За всю свою жизнь они узнали только страдание, они привыкли к нему, страдание стало их существом. И экстаз? Нет, эти цветы не могут быть истинными — что-то не так.

Почти во всех языках есть поговорки, такие же, как и в английском: «Это не может быть правдой, потому что это слишком хорошо». Хорошее не может быть правдой? Никто не верит хорошему. «Слишком хорошо, чтобы быть правдой», — говорите вы. Никто не говорит: «Слишком плохо, чтобы быть правдой». В мире не существует ни одной подобной поговорки: «Слишком плохо, чтобы быть правдой». Плохое приемлемо, обыкновенное приемлемо, уродливое приемлемо — священное отрицается.

И, даже если вы принимаете священное, вы принимаете его формально. Вы идете в церковь или храм в качестве социальной формальности; в действительности вы не верите в Бога, в действительности вы не верите в храм. Это хорошо, это сглаживает вещи, это действует как смазка. Если вы ходите в церковь или храм, люди подумают, что вы хороший человек, честный, религиозный; и, если люди думают, что вы религиозны, честны и хороши, вы можете лучше их обмануть. Это социальная формальность, возможно, социальная стратегия, направленная на то, чтобы обманывать и дурачить людей. Но вы не верите.

Когда нечто безмерное, гигантское, большее, чем вы, нисходит на вас, вы просто отскакиваете, вы закры-

ваете глаза, вы становитесь страусом. Вы просто отрицаете это! Это не может быть так. Дело не в том, что Бог не встречался вам на пути — он приходил много раз, он стучался к вам в двери много раз, но вы не открываете двери. Наоборот, вы продолжаете находить объяснения. Иногда вы говорите: «Должно быть, это ветер, должно быть, это дождь, должно быть, это соседский ребенок, играющий на лестнице, постучался в двери». Вы продолжаете объяснять самому себе... но вы никогда не открываете двери и не смотрите, кто там.

Дурак — враг самому себе. Его зло в его бездействии. Как горько он страдает!

Зачем делать то, о чем ты пожалеешь?

Зачем навлекать на себя слезы?

Из великого сострадания Будда поднимает этот вопрос — он обращается к вам — *Зачем делать то, о чем ты пожалеешь? Зачем навлекать на себя слезы?*

Делай лишь то, о чем ты не пожалеешь,

И наполни себя радостью.

Помните, пусть это будет критерием: все, что бы ни приносило радость, блаженство и благословение, *истинно* — потому что блаженство это природа Бога. Истина это другое имя блаженства. Неистинное приносит страдание. Если вы живете во лжи, вы живете в страдании. А если вы живете в страдании, вспомните и найдите ложь в основе своей жизни. Уйдите от этой лжи. Не тратьте время и не откладывайте. Уйдите немедленно! Этот уход я называю саньясой.

Это не уход от мира, это уход от лжи, в которой вы жили до сих пор. Это не отречение от мира, это отречение от той лжи, на которой до сих пор была построена ваша жизнь. В тот момент, когда вы уходите от лжи, она начинает падать, она начинает умирать, потому что она зависит от вас, она питается вами — она не может жить без вашей поддержки. Прекратите сотрудничество с ней, и вся ложь исчезнет. И, когда исчезла вся ложь, то, что осталось — истина.

Истина это ваша глубочайшая природа. Истина не может быть найдена больше нигде. *Аэс дхаммо санантано* — это вечный закон, неисчерпаемый закон, высшая истина, которая внутри вас. Вам не нужно куда идти. Вы можете найти ее у себя внутри, выполнив только одно условие: уйдите от той лжи, в которую вы так много вкладывали до сих пор — уйдите от нее. Отрекитесь от всего того, что неистинно. Стрдание это признак неистинного.

Когда бы ни случилось блаженство, доверяйте ему, идите в этом направлении... и вы будете двигаться к Богу. Блаженство это его аромат. Следуя блаженству, вы никогда не заблудитесь. Следуя блаженству, вы будете следовать природе. И если вы естественны, блаженны, расслаблены, возникает мудрость.

Мудрость это очень расслабленное состояние существа. Мудрость это не знание, не информация; мудрость это ваше внутреннее существо, пробужденное, бдительное, наблюдательное, свидетельствующее, полное света. Будьте полны света — это ваше право от рождения. Если вы упускаете, вы — дурак. А вы уже упустили многие жизни — на этот раз, пожалуйста, будьте немного более сострадательны к самим себе.

На сегодня достаточно.

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

На Западе я был обучен как социальный работник. Меня учили, что важно, чтобы человек уважал и любил себя и чувствовал себя достойным. Меня учили, что важно давать поддержку и помощь в укреплении эго. Я в замешательстве.

Прем Арадхана, эго необходимо потому, что истинное «я» неизвестно. Эго это заменитель, это ложная сущность. Из-за того, что ты не знаешь себя, ты должен создать искусственный центр; в противном случае, действовать в жизни будет невозможно. Поскольку ты не знаешь своего истинного лица, ты должен носить маску. Не зная настоящего, ты должен довериться тени.

Есть лишь два способа прожить жизнь. Первый способ: прожить ее из самого центра твоего существа — это путь мистиков. Медитация это не что иное, как средство заставить тебя осознать свое настоящее «я» — которое не создано тобой, которое уже есть. Ты рождаешься с ним, ты есть оно! Эго необходимо открыть. Если это невозможно, или если этого не позволяет сделать общество... а никакое общество не позволяет этому случиться, потому что истинное «я» опасно — опасно для правящей церкви, опасно для государства, опасно для толпы, опасно для традиции — потому что, как только человек по-настоящему познал себя, он становится индивидуальностью. Он больше не принадлежит к психологии толпы; он не будет суеверным, эго нельзя будет эксплуатировать. Эго нельзя погонять как рогатый скот, им нельзя командовать, ему нельзя приказывать. Он будет жить в соответствии со своим светом, он будет жить, исходя из внутреннего. В его жизни

будет поразительная красота, целостность. Но общество боится этого.

Целостные личности становятся индивидуальностями, а общество не хочет, чтобы вы были индивидуальностями. Вместо индивидуальности общество учит вас личности. Слово «личность» (англ. *personality*) нужно понять. Оно происходит от корня «личина» (англ. *persona*) — «личина» означает «маска». Общество дает вам ложное представление о том, кто вы; оно просто дает вам игрушку, и вы продолжаете всю жизнь цепляться за эту игрушку.

Первый способ жизни это жизнь посредством медитации — тогда вы живете жизнью бунта, приключения, храбрости. Тогда вы по-настоящему живете! Второй способ жить, или притворяться, что вы живете, — способ эго: укреплять эго, питать эго; чтобы вам не нужно было заглядывать в себя, вы цепляетесь за эго. Эго это поделка, созданная обществом, чтобы обмануть вас.

Эго создано человеком, произведено нами. И, поскольку оно создано обществом, общество имеет над ним власть. Поскольку оно создано государством, церковью и теми, кто у власти, они могут уничтожить эго в любой момент; оно зависит от них. Вы должны постоянно быть в страхе, вы должны постоянно подчиняться им, соответствовать им, чтобы эго осталось целым и невредимым. Общество уважает вас, если вы не индивидуальность. Общество воздает вам почести, если вы не Иисус, не Сократ, не Будда. Оно уважает вас, лишь если вы овца, а не человек.

Запад совершенно забыл о том, как медитировать — и причиной было христианство. Христианство создало очень ложную религию, которая ничего не знает о медитации. Христианство очень формально; это ритуал. Это часть общества и политической структуры общества.

Карл Маркс совершенно прав в том, что это опиум для народа. Из-за христианства Запад потерял след своего существа. А человек не может жить без *всякого* понятия о своем существе — и, если вы не можете его открыть, создайте что-нибудь другое. Оно будет ложным, но что-то лучше чем ничего.

Арадхана, то, чему тебя учили — полная чепуха. Неважно, кто это говорил — университеты, политики, священники. Конечно, ты почувствуешь замешательство, потому что я говорю прямо противоположное: я говорю тебе избавиться от эго, потому что, избавившись от эго, ты избавишься от камня на пути потока твоего сознания.

Твое сознание здесь, прямо за этим камнем; его не нужно откуда-то приносить. Убери камень — настоящая религия состоит только из удаления всего ненужного, и тогда начинает течь нужное. То, что несущественно, должно быть удалено. А существенное уже здесь, оно уже существует! Отодвинь камень, и ты будешь удивлен: не ты создаешь настоящее «я» — оно открывается тебе.

Настоящее обладает красотой, настоящее бессмертно. Поскольку оно бессмертно, оно не знает страха. Ненастоящее постоянно дрожит. Эго всегда в опасности — любой может его уничтожить. Поскольку оно было дано тебе другими, они могут снова его отнять. Сегодня они уважают тебя, завтра они могут тебя не уважать. Если ты не следуешь их представлениям о жизни, если ты не подтверждаешь стиль их бытия, они перестанут тебя уважать. Тебя положат на лопатки... и не ты не будешь знать, кто ты.

Борхес пишет:

«Мне снилось, что я проснулся от другого сна, — беспорядочного и полного кошмаров, — я проснулся в комнате, которую

я не узнавал. Светало: слабый рассеянный свет обрисовывал очертания основания железной кровати, стола. Со страхом я подумал: «Где я?», и понял, что я не знаю. Я подумал: «Кто я?», и не смог себя узнать. Страх рос во мне. Я подумал: «Это ужасное пробуждение это уже ад, это пробуждение без будущего будет моей вечностью». Тогда я действительно проснулся, весь дрожа».

Не знать самого себя, не знать своего предназначения — это действительно настоящий ад. А человек не знает себя. Самый дешевый способ это создать эго, и Запад последовал этому дешевому способу. И не только Запад: большинство людей на Востоке также делали то же самое. За исключением нескольких просветленных, это делал весь мир.

Запад состоит из девяноста девяти и девяти десятых процента людей в мире; Восток состоит из очень немногих, которых можно пересчитать по пальцам. Для меня Восток и Запад это не география — это духовные измерения. Гаутама Будда, Лао-цзы, Заратустра, Авраам, Моисей, Христос, Святой Франциск — из этих людей состоит Восток. Где они родились, неважно, не имеет значения. Конечно, Святой Франциск не был рожден на Востоке, но я считаю его частью Востока.

Духовное измерение, измерение, в котором восходит внутреннее солнце — Восток. А темная ночь души, которая ничего не знает о восходе солнца — Запад. Ты не становишься религиозным лишь потому, что рождаешься в Индии. Религия не так дешева. Это самое дорогое, что есть в существовании, потому что это самое драгоценное. К ней нет короткого пути, и те, кто хочет срезать угол, будут обмануты. Им дадут игрушки, и ты

можешь продолжать верить в игрушки, если ты не хочешь риска и приключения в неизвестном.

Величайшее неизвестное существует у тебя внутри. Самым неизведанным морем является твое сознание, как и самым опасным, потому что, когда ты начинаешь двигаться вовнутрь, ты начинаешь проваливаться в пустоту, и возникает великий страх, страх сойти с ума, страх потерять свою тождественность... Потому что ты знал себя как определенное имя, ты знал себя как определенную личность, — вы знаете себя, как врача, как инженера, как бизнесмена; вы знаете себя как индийца, немца, китайца; вы знаете себя как черного или белого; вы знаете себя как мужчину или женщину; вы знаете себя как образованного или необразованного, — все эти категории начинают исчезать.

Когда ты движешься вовнутрь, ты не мужчина и не женщина: *нсти, нети* — ни это ни то, не белый и не черный, не индуист и не мусульманин, не индеец и не пакистанец. Когда ты движешься вовнутрь, все эти категории выскальзывают у тебя из рук. Кто ты тогда? Ты начинаешь терять след своего эго, и возникает великий страх — страх ничто. Ты проваливаешься в бесконечность. Кто знает, сможешь ли ты вернуться? И кто знает, каким будет результат этого исследования? Трус цепляется за берег и забывает о море. Вот что происходит повсюду в мире. Люди цепляются за эго, потому что эго дает им определенное представление о том, кто они, оно дает им определенную ясность. Но эго ложно, и эта ясность ложна.

Лучше быть смущенным реальностью, чем ясно видеть то, что нереально.

Арадхана, ты прав: это неизбежно вызовет великое замешательство — потому что все твое знание постепенно окажется невежеством и не чем другим. Прятаться за своим знанием — вот в чем твое невежество. Прятаться

за своей интеллигентностью — вот твой глупый ум. А за эго ничего не стоит — это тень.

Как только тебе становится ясно, что ты цепляешься за тень, обязательно возникнет великий страх, великое замешательство, великий хаос. Но из хаоса рождаются звезды. Человек должен пройти через этот хаос — это часть духовного роста. Ты должен потерять ложное и получить настоящее. Но между ними двумя будет промежуток, когда ложное уже ушло, а реальное еще не появилось. Эти мгновения, самые критические мгновения... в эти мгновения тебе нужен мастер или друг.

Только вчера Будда сказал: «Нужен мастер или друг». В эти мгновения тебе понадобится кто-то, кто может взять тебя за руку, поддержать тебя, кто может сказать: «Не бойся. Это пустота исчезнет. Скоро ты будешь переполнен — подожди немного, немного терпения». Мастер ничего не может дать тебе, но он может придать тебе храбрости. Он может подать тебе руку в те критические мгновения, когда ум хочет вернуться обратно, повернуть вспять, снова уцепиться за берег.

Радость мастера, его уверенность, его авторитет... помните, когда я говорю: «его авторитет», я не имею в виду, что он авторитарен. Мастер никогда не авторитарен, но у него есть авторитет, потому что он был свидетелем самого себя. Он знает о другом берегу, он *был* на другом берегу. Ты только *слышал* о другом берегу, ты читал о нем; ты знаешь только этот берег, его комфорт и надежность, безопасность этого берега. И, когда бушует шторм, и ты теряешь берег из виду, и ты не можешь видеть другого берега, твой ум скажет: «Вернись обратно! Поскорее вернись обратно! Старый берег исчез из виду, а новый не появился. Возможно, на другом берегу ничего

нет, возможно, другого берега вообще нет, а шторм такой сильный!»

В эти мгновения, если ты с мастером, если кто-то сидит в лодке, молчаливый, совершенно тихий и спокойный, смеясь и говоря: «Не беспокойся», — играющий на флейте, поющий песню или рассказывающий шутки, — он говорит: «Не беспокойся. Другой берег есть — я знаю, я был там. Лишь немного терпения...»

Глядя ему в глаза... его абсолютная уверенность будет единственной помощью. Видя его спокойствие, тишину, его целостность... Он не оглядывается назад, он не боится: должно быть, он видел другой берег, должно быть, он был там. Об этом говорит все его существо, это доказывает все его существо. И, когда он держит тебя за руку, ты чувствуешь, что его рука не дрожит; ты видишь, что, что бы он ни говорил, он говорит, опираясь на свой опыт, не на то, что написано в Библии, в Гите, в «Дхаммападе». Он *знает* сам! — вот его авторитет.

Как только ты заражаешься его уверенностью, его доверием, ты тоже начинаешь смеяться. Конечно, твой смех будет немного нервным, но ты начнешь смеяться. Возможно, ты начнешь петь вместе с ним, возможно, лишь для того, чтобы избежать страха, как люди насвистывают в темноте. Ты можешь присоединиться к его танцу, просто чтобы забыть о том, что происходит. Ты не хочешь видеть бушующего вокруг тебя шторма, ты не хочешь вспоминать прошлое, ты не хочешь думать о будущем. Оно кажется тебе темным и мрачным. Ты можешь присоединиться к его танцу...

Танцуя с ним, даже из страха, распевая с ним песню, даже если твое пение немного нервное, смеясь с ним, хотя твой смех и не тотален... шторм скоро пройдет. Чем глубже твое терпение, тем скорее это случится —

ты сможешь увидеть другой берег, потому что, когда глаза не обеспокоены, когда глаза не полны страха, они становятся восприимчивыми. В тебе возникает зрение — ты становишься зрячим.

Другой берег недалеко; просто твои глаза так затуманены, что ты не можешь его увидеть. Фактически, этот берег *и есть* другой берег. Если твои глаза ясны, если твое восприятие не затуманено, если в твоём существе возникло прозрение, если ты можешь видеть и слышать, этот берег *и есть* другой берег. Когда человек узнает, он от души смеется над всей смехотворностью жизни — потому что у нас уже есть то, чего мы жаждем. Сокровище у нас, а мы мечемся туда и сюда.

Не нужно создавать эго, потому что внутри тебя есть высшее «я».

Но я могу понять твое замешательство. Оставайся в замешательстве. Не возвращайся в свою прежнюю ясность — она обманчива. Будь в этом замешательстве, побудь еще немного, и вскоре замешательство растворится и исчезнет. И тогда приходит совершенно новое качество ясности.

Есть два вида ясности — первая, просто интеллектуальная, которая может быть отнята в любой момент, в любой момент может быть создано сомнение... Интеллект полон сомнений. Все, что бы ты ни слышал, что бы тебе ни говорили, я отнимаю у тебя так легко; в этом не было большой ценности. Это обучение всей твоей жизни, и я так легко вышиб почву у тебя из-под ног... и ты в замешательстве. Есть ли ценность в такой ясности? Если я могу так легко привести тебя в замешательство, это показывает, что это не было настоящей ясностью. Я дам тебе новый вид ясности, которая не может быть приведена в замешательство.

Один великий философ пришел к Рамакришне. Философ приводил доводы против Бога, и его доводы были действительно хороши. Его звали Кешав Чандра Сен. Рамакришна был совершенно неграмотным; он ничего не знал о философии, он не учился в университете, он умел читать лишь на уровне второго класса. Он немного умел читать и писать по-бенгальски.

Философ был очень образованным, известный по всему миру, он написал множество книг. Он приводил доводы, а Рамакришна смеялся. Каждый раз, когда философ приводил прекрасный, глубокий довод, отрицающий Бога, Рамакришна вскакивал и обнимал его. Собралась большая толпа, чтобы увидеть эту сцену, увидеть, что происходит. Философ был очень смущен, потому что он пришел спорить, а что это за доводы? Этот человек смеется, танцует — иногда обнимает тебя.

Философ сказал:

— Тебя не беспокоят мои доводы?

— Как я могу быть обеспокоен? — ответил Рамакришна. — Я действительно наслаждаюсь твоими доводами. Ты умный, ты интеллигентный, твои доводы прекрасны — но что я могу сделать? Я знаю Бога! Дело не в споре, дело не в том, верю ли я в Бога. Если бы я верил, ты мог бы обеспокоить меня, ты мог бы смутить мою ясность и привести меня в замешательство. Но я *знаю*, что он есть!

Если ты знаешь, ты знаешь — невозможно сбить тебя с толку. Я дам тебе *этот* вид ясности — которая

знает и не зависит ни от каких доводов, но возникает из экзистенциального опыта. Тогда тебе не нужно будет учиться уважать себя, любить себя и чувствовать себя достойным. Зная себя, человек знает, что он — Бог. Можно ли оказать себе большее уважение? Когда в тебе возникает этот опыт: «*Ахам брахмасми!* Я — Бог!» — может ли быть большее уважение?

Кого здесь можно уважать? Только Бога. Когда в глубочайших тайниках твоего существа происходит эта реализация: «*Ана-ль Хакк!* — Я есть истина!», можешь ли ты чувствовать себя более достойным? Ты пришел к высшему, ты узнал, что высшее это твое глубочайшее существо, то, что у тебя внутри.

Да, тебе говорили, что нужно уважать себя, потому что ты не знаешь, кто ты. Тебе говорили, что нужно чувствовать себя достойным, потому что ты чувствуешь себя ничтожеством. Тебе говорили, что нужно себя любить, потому что ты ненавидишь себя. И, странное дело, ирония в том, что *одни и те же* люди заставляют тебя делать и то, и другое.

Те же самые люди сначала заставляют тебя чувствовать себя ничтожеством; это коммерческая тайна всех церквей, всех так называемых религий, всех политических идеологий, всех обществ, цивилизаций и культур, существовавших до сих пор. Вот эта коммерческая тайна: сначала они делают тебя ничтожеством — каждого ребенка заставляют чувствовать себя ничтожеством. Ему говорят: «Пока ты не станешь этим или тем, в тебе нет ничего достойного». И когда он начинает чувствовать себя недостойным, мы говорим ему: «Чувствуй себя достойным, имей собственное достоинство. Если ты не можешь чувствовать себя достойным, твоя жизнь прошла впустую».

Сначала мы заставляем его ненавидеть и осуждать себя; все, что он делает, неправильно, и он начинает

себя ненавидеть, потому что он не красивый человек. Родители, учителя, священники — все они объединены этим заговором. Каждый ребенок низводится до такого осуждаемого состояния, что он начинает чувствовать: «Должно быть, я самый уродливый человек в мире, потому что я делаю то, чего я не должен делать, и не делаю того, что должен». И тогда мы однажды начинаем говорить ребенку: «Почему ты не любишь себя? Как ты иначе сможешь выжить?»

Мы отнимаем у ребенка все уважение, и, когда он перестает уважать себя, мы говорим ему, что он должен начать себя уважать. Такая абсурдная ситуация! Каждый ребенок рождается с огромным уважением к себе. Каждый ребенок знает свое достоинство, присущее ему достоинство. Он достоин не потому, что он похож на Будду, Кришну или Христа — он просто знает, что у него есть достоинство, потому что он есть, у него есть существо. Этого достаточно! Каждый ребенок любит себя, уважает себя.

Именно вы учите людей прямо противоположному. Сначала вы уничтожаете все, что красиво в человеке, и тогда вы начинаете рисовать фальшивую картину. Разрушать его естественную красоту и рисовать ему новое лицо, делать его совершенно фальшивым. Но почему это делается? — потому что только фальшивые люди могут быть рабами, только фальшивые люди могут следовать глупым политикам, только фальшивые люди могут быть жертвами абсолютно невежественных священников. Если люди настоящи, их нельзя эксплуатировать, их нельзя угнетать.

Арадхана, оставайся в замешательстве — это хорошо. Хорошо, что ты подошел к той точке, когда в тебе возникает великое замешательство. Ты больше не можешь доверять своему эго — хорошо! Это чрезвычайно важно, потому что теперь становится возможным второй

шаг. Я снова верну тебе твоё детство, твоё внутреннее достоинство, которое не является созданным явлением; твою естественную любовь, которая не культивирована; твоё спонтанное уважение, которое возникает лишь тогда, когда ты чувствуешь себя частью Бога, когда ты чувствуешь, что ты божественен.

Помни, эго стремится сравнивать, — оно всегда сравнивает себя с другими, — а «я» не сравнивает. Когда ты узнаешь своё «я», оно не выше и не ниже кого-либо другого, оно просто остается собой. Но эго стремится сравнивать. И помни, если ты чувствуешь себя выше кого-то, ты обязательно будешь чувствовать себя и ниже кого-то другого. Поэтому эго это очень запутанное явление: с одной стороны, оно заставляет тебя чувствовать себя выше, с другой стороны, оно заставляет тебя чувствовать себя ниже. Оно держит тебя двойной хваткой, оно продолжает тянуть тебя в разные стороны. Оно сводит тебя с ума.

С одной стороны, ты знаешь, что ты выше своего слуги, но как насчет начальника? Ты заставляешь слугу сдаться тебе, и сам сдаешься своему начальнику. Ты заставляешь своего слугу, свою жену или своих детей быть твоими рабами. А со своим начальником? Ты начинаешь вилять хвостом.

Как ты можешь быть блаженным? Неправильно и то и другое. Заставлять других чувствовать себя низшими насильственно, это преступление против Бога; и заставлять себя чувствовать себя низшим это также преступление против Бога. Когда ты узнаешь своё настоящее «я», и то и другое исчезает. Тогда, ты это ты, другой это другой, и нет никакого сравнения — никто не выше и никто не ниже.

Вот что называю настоящим духовным коммунизмом, но это возможно, лишь когда случилось самопознание. Карл Маркс или Фридрих Энгельс, Иосиф

Сталин или Мао-цзе-Дун — они не настоящие коммунисты. Они живут в своем эго. Настоящие коммунисты — Гаутама Будда, Иисус, Лао-цзы — никто не знает, что они коммунисты, но они — настоящие коммунисты, потому что, если вы понимаете их видение, все сравнение исчезает. И, когда нет сравнения, это коммунизм. Равенство возможно, лишь когда из мира исчезает сравнение.

Не зная самого себя, вы почти спите; не зная самого себя, вы подобны пьяному, который спрашивает: «Где мой дом?» Иногда пьяные даже спрашивают: «Сэр, не скажете ли вы мне, кто я?»

Однажды пьяный подошел к хозяину бара и спросил:

— Вы не видели моего друга? Он был здесь?

— Да, — ответил тот. — Он был здесь всего несколько минут назад.

И пьяный спросил:

— Не скажете ли вы мне заодно, был ли я с ним?

Однажды пьяный стоял у стойки в баре. Он повернулся к человеку, стоящему справа, и спросил:

— Вы не наливали мне в карман пиво?

— Конечно нет, — ответил тот.

Тогда пьяный спросил своего соседа слева:

— А вы не наливали мне в карман пиво?

— Я совершенно уверен, — ответил второй человек, — что я не наливал пиво вам в карман.

— Так я и знал, — сказал пьяный. —
Внутренняя работа.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Каково Твое видение новой коммуны?

Кришна Прем, новая коммуна это эксперимент в духовном коммунизме. Слово «коммунизм» происходит от слова «коммуна». В мире есть лишь одна возможность коммунизма, и эта возможность — медитация. Коммунизм невозможен путем изменения экономических структур обществ.

Изменение экономических структур обществ лишь создаст новые классы; оно не может создать внеклассового общества. Может исчезнуть пролетариат, может больше не быть буржуазии, но правящие и управляемые... вот что произошло в Советской России, вот что произошло в Китае. Возникли новые подразделения, новые классы.

Коммунизм это в своей основе духовное видение. Это не вопрос изменения экономических структур общества, это вопрос изменения духовного видения людей. Новая коммуна будет пространством, в котором мы сможем создать человеческих существ, не одержимых сравнением, не одержимых эго, не одержимых личностью.

Новая коммуна будет контекстом, в котором станет возможным новый человек. Сократ говорит, что мастер это акушер, и он прав: все мастера акушеры. Они всегда приводят к существованию новые человечества. С их помощью рождается новый человек.

Со старым человеком покончено. Старый человек больше не действителен. И, вместе со старым человеком, также должно стать недействительным, неуместным все, что ему принадлежало. Старый человек был жизнеотрицающим. Новая коммуна создаст жизнеутверждающую религиозность. Вот девиз новой коммуны: Именно это тело — Будда, именно эта земля — Рай Лотосов.

Новая коммуна освятит землю, сделает священным все. Мы не собираемся делить существование на этот мир и мир иной: мы собираемся прожить существование во всей его полноте. Мы будем жить как ученые, как поэты, как мистики — как все вместе взятые!

Ученый частичен. Он верит только в тело, он не может выйти за его пределы; его видение очень ограничено, коротко. Поэт цепляется за другой аспект человечества, за его чувствующую часть. Он способен видеть красоту, но его красота очень мгновенна. Он не имеет понятия о вечном. Мистик живет в существе, он живет в бессмертном, вневременном состоянии. Поскольку он живет в бессмертном, вневременном состоянии, он становится равнодушен к миру времени и пространства. Он становится равнодушен к науке и поэзии. Это три аспекта реальности, три лица Бога, троица, *тримурти*.

Мои усилия в новой коммуне направлены на то, чтобы создать человека, который не частичен... тотального, целого, святого. Человек должен быть всеми тремя сразу. Он должен быть аккуратен и объективен, как ученый; он должен быть чувствителен и полон сердца, как поэт; и он должен быть глубоко укорененным в своем существе, как мистик. Он не должен выбирать. Он должен позволить всем этим трем измерениям сосуществовать вместе.

Восток пострадал, потому что мы стали слишком заботиться о существе; мы потеряли след науки, мы

потеряли след искусства. Запад пострадал и страдает, потому что он потерял след существа. Восток стал внутренне богатым и бедным внешне; Запад стал внешне богатым и бедным внутренне. Новая коммуна будет богата во всех отношениях.

Я верю в богатство. Я не поклонник бедности. Это просто глупо. Я желаю человечеству быть богатым во всех отношениях: богатым в науке, богатым в технологии, богатым в поэзии, богатым в музыке, богатым в медитации, богатым в мистицизме. Жизнь должна быть прожита во всей ее многомерности. К Богу нужно подходить со всех возможных сторон. Зачем обеднять свою душу?

Новая коммуна создаст пространство, контекст для рождения многомерного человеческого существа. И будущее за этим многомерным человеком.

Старый человек верил в отречение; старый человек верил в то, что, если вы хотите быть ближе к Богу, вы должны удалиться из мира, как будто между Богом и миром есть какой-то конфликт. Это очевидно неправильно. Мир существует через Бога! Мир это тело Бога — между ними нет никакого конфликта! Если бы конфликт был, мир бы давно исчез.

Мир дышит, он живой, а жизнь есть Бог. Дерево божественно, потому что оно живо, скала божественна, потому что и скала в определенном отношении жива, скала также растет. Все существование наполнено жизнью, переполнено жизнью. Бог не против мира — как может быть художник против своей картины? Или поэт — против своих стихов? Или музыкант против своей музыки? Мир — это его поэзия, картина, музыка — это его танец.

Старый человек жил в отречении, он убегал от мира в пещеры, в монастыри, в Гималаи. Старый человек был эскапистом, старый человек боялся жить, он был скорее

готов умереть. Старый человек был своего рода самоубийцей.

Мой новый человек будет в глубокой любви с жизнью. И моя религия это не религия отречения, но религия наслаждения. Новая коммуна создаст все возможности для того, чтобы наслаждаться, петь, танцевать.

Новая коммуна будет совершенно новым видом религиозности, духовности. Никто не будет индуистом, христианином, мусульманином или джайном, но каждый будет религиозен — просто религиозен. Для меня религия не нуждается ни в каких прилагательных. В то мгновение, когда к религии присоединяется какое-нибудь прилагательное, это больше не религия — она становится политикой.

Баязид не мусульманин. Сам Мухаммед не мусульманин, и не может быть мусульманином. Христос не христианин, и Будда не буддист. Они просто религиозны. Они обладают определенным ароматом, определенным молчанием, определенной грацией, которые окружают их. Они — окна в запредельное. Через них вы можете видеть запредельное, через них Бог продолжает петь тысячу и одну песню.

Новая коммуна не будет принадлежать ни к какой религии. Она будет религиозной. Но эта религия не будет неземной; она будет очень близка к земле; поэтому она будет творческой, она будет исследовать все возможности творческого бытия. Все виды творчества будут поддерживаться, питаться.

Действительно религиозный человек должен внести в мир вклад. Он должен сделать его немного более красивым, чем он его нашел, когда пришел в мир. Он должен сделать его немного более радостным. Он должен сделать его немного более ароматным. Он должен сделать его немного более гармоничным. И это будет его вкладом.

В прошлом мы уважали людей по неправильным критериям. Мы уважали кого-то, потому что он постился. Пост ничего не приносит в мир. А человек, который продолжает поститься долго, просто насильствен по отношению к самому себе. Уважать его значит уважать насилие, уважать его значит уважать суицидальные инстинкты, уважать его значит уважать мазохизм. Он душевнобольной! Он неестествен, он ненормален. Он нуждается в психиатрическом лечении, ему нужна помощь. Но вы уважаете его, и из-за вашего уважения его эго раздувается до небес; таким образом, если он собирался поститься месяц, он будет поститься три месяца. И, чем больше он постится, тем больше уважения вы ему оказывали.

Новая коммуна не будет уважать никаких мазохистических тенденций. Она не будет уважать никакого аскетизма, она не будет уважать никаких ненормальных, неестественных тенденций — она будет уважать естественного человека. Она будет уважать в человеке ребенка, она будет уважать невинность, она будет уважать творчество. Она будет уважать человека, который рисует прекрасную картину, она будет уважать человека, который прекрасно играет на флейте. Флейтист будет религиозным, художник будет религиозным, танцор будет религиозным; не тот человек, который подолгу постится, который мучает свое тело, который лежит на кровати из гвоздей, который калечит себя.

Это будет началом нового человечества. Это необходимо, абсолютно необходимо. Если мы не сможем создать нового человека в ближайшие двадцать лет, — к концу этого века, — тогда у человечества нет будущего. Старый человек дошел до своего предела. Старый человек готов совершить глобальное самоубийство. Третья мировая война будет глобальным самоубийством. Ее можно избежать, лишь если будет создан новый человек.

Это будет экспериментом, великим экспериментом, от которого будет зависеть многое. Он окажет огромное влияние на будущее. Будьте готовы к нему. Будьте к нему подготовлены. Этот ашрам — просто пусковая установка... Я экспериментирую в малом масштабе. У новой коммуны будет больший масштаб: десять тысяч саньясинов, живущие как одно тело, как одно существо. Никто не будет ничем обладать; каждый будет все использовать, будет наслаждаться. Каждый будет жить так комфортабельно, так богато, как только мы сможем устроить. Но никто не будет ничем обладать. Не только вещами; люди также не будут собственностью в новой коммуне. Если вы любите женщину, живите с ней — из чистой любви, чистой радости — но не становитесь ее мужем; вы не можете. Не становитесь женой. Становитесь «мужем» или «женой» уродливо, потому что это приносит обладание; тогда другой низводится до собственности.

Новая коммуна не будет собственнической; она будет полной любви — живя в любви, но совершенно без обладания; делясь всеми возможными радостями, создавая водоем радости... Когда вносят вклад десять тысяч человек, может возникнуть взрыв. Это будет огромным наслаждением.

Иисус повторяет снова и снова: Возрадуйтесь! Возрадуйтесь! Возрадуйтесь! Но он еще не услышан. Христиане выглядят такими серьезными, и они рисуют Иисуса таким образом, что трудно себе представить, чтобы он сам когда-нибудь радовался. Христиане говорят, что Иисус никогда не смеялся! Это смехотворно. Человек, который говорил: «Возрадуйтесь!», человек, который любил хорошую пищу, хорошее вино, человек, который обычно устраивал пиры и участвовал в праздниках, человек, вокруг которого было столько пиров — и он никогда не смеялся? Христиане дали миру фальшивого Христа.

В моей коммуне Будда будет смеяться и танцевать, Иисус будет смеяться и танцевать. Бедняги, никто не разрешал им этого до сих пор! Имейте к ним сострадание — позвольте им танцевать, петь и играть. Моя новая коммуна трансформирует работу в игривость, она трансформирует жизнь в любовь и смех.

Помните этот девиз — освятить землю, сделать священным все, преобразовать обычное, повседневное в незаурядное, духовное. Жизнь во всей своей полноте должна стать вашим храмом; работа должна быть вашим поклонением, любовь должна быть вашей молитвой.

Именно это тело — Будда, именно эта земля — Рай Лотосов.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я психолог. Я надеялся, что изучение психологии поможет мне изменить свою жизнь, но ничего подобного не случилось. Что мне делать сейчас?

Психология это все еще очень незрелая наука. Она очень рудиментарна; это только начало. Это еще не образ жизни — она не может трансформировать вас. Она может лишь дать вам несколько прозрений об уме, но эти прозрения не будут трансформирующими. Почему? — потому что трансформация всегда случается на высшем уровне. Трансформация не означает решение проблемы — оставаясь на том же уровне — это будет настройкой. Психология все еще помогает вам настроиться — подстроиться под общество, которое само по себе ненормально, подстроиться под семью, подстроиться под идеи, которые преобладают вокруг. Но эти идеи — семья,

общество — сами по себе больны, нездоровы, и подстраивать вас под них значит давать вам определенную нормальность, по меньшей мере, внешнюю видимость здоровья, но это не трансформирует вас.

Трансформация означает изменение уровня вашего понимания. Она приходит через трансценденцию. Если вы хотите изменить свой ум, вы должны прийти в состояние не-ума. Лишь с этой высоты вы сможете изменить свой ум, потому что на этой высоте вы становитесь хозяином. Оставаясь в уме, пытаться изменить ум при помощи самого ума — бесполезный процесс. Это все равно что пытаться себя поднять за собственные шнурки. Так же собака пытается поймать собственный хвост; иногда собаки это делают, иногда они ведут себя очень по-человечески. Собака лежит на солнце ранним утром, смотрит на свой хвост, и, естественно, возникает любопытство: почему бы не схватить его? Она старается, но тщетно, она чувствует обиду, раздражение; она старается изо всех сил, старается еще больше, сходит с ума, обезумевает — это ее собственный хвост. Чем больше она прыгает, тем больше прыгает хвост.

Психология может дать вам несколько прозрений об уме, но, поскольку она не может вывести вас за пределы ума, она не представляет никакой помощи.

Сэм стал психиатром и добился процветания. Он купил большой дорогой лимузин и в первый раз сел за его руль. Не успел он проехать и нескольких метров, как в него врезалась другая машина. Он выпрыгнул из своего помятого Кадиллака, подошел к машине виновника и, потрясая кулаками, взревел:

— Идиот! Недоумок! Крысиный хвост! Сукин...

Тогда, внезапно вспомнив о том, что он психиатр, он понизил голос и мягко спросил:

— Почему вы ненавидите свою мать?

Психология не может помочь. Я слышал другую историю о том же самом Сэме — но в этой истории он больше не в мире, он умер.

Вдова поливала цветы на могиле своего мужа. Когда она нагнулась, стебли травы пощекотали ее голую ногу под юбкой. Вздвигнув, она быстро обернулась, но рядом никого не было. Со вздохом она повернулась к могиле и прошептала:

— Сэм, веди себя прилично! И не забывай о том, что ты умер.

Ни в жизни, ни в смерти психология не окажет вам большой помощи. Вам может помочь только религия.

Психолог пытается играть роль мастера, и это полное притворство. Психолог, психоаналитик, психиатр — не мастера! Они не знают себя. Да, они поняли немало из того, что касается механизма действия ума, они научились, они хорошо информированы. Но информация никогда никого не меняет, она никогда не приносит революции. Глубоко внутри человек остается прежним. Он может красиво говорить, он может дать вам хороший совет, но он не может последовать собственному совету.

Психоаналитик не может быть мастером. Но на Западе в особенности он стал так профессионально преуспевать, что поверг в трепет даже священника. Даже священники — католические и протестантские —

изучают психоанализ и другие школы психологии, потому что они видят, что люди больше не идут к священнику, они идут к психоаналитику. Священник начинает бояться, что он окажется не у дел.

Священник доминировал в течение сотен лет. Он был мудрым человеком — и он утратил свою привлекательность. А люди не могут жить без советчиков; им всегда нужен кто-то, кто бы говорил им, что делать, потому что они никогда не становятся взрослыми. Они как маленькие дети, всегда нуждающиеся в том, чтобы им говорили, что им делать и чего не делать. До сих пор это делал священник; сейчас священник утратил свое очарование, свою дееспособность. Он больше не современен, он отстал от жизни. Теперь пустующее место занял психоаналитик, теперь *он* стал священником.

Но, как был ложен священник, так же ложен и психоаналитик. Священник использовал религиозный жаргон, чтобы эксплуатировать людей; психоаналитик, чтобы эксплуатировать тех же самых людей, использует научный жаргон. Ни священник, ни психоаналитик не пробужденные.

Помочь может лишь тот, кто сам уже будда; иначе, помочь нельзя.

Все ваши советчики создадут в вас большой и большой беспорядок. Чем больше вы слушаете советчиков, тем больше вы будете сбиты с толку — потому что они не знают, что говорят! Они не могут прийти к согласию даже между собой. Фрейд говорит одно, Адлер — другое, Юнг — третье. Сейчас существует тысяча и одна школа. И каждая школа фанатична в отношении своей философии — в том, что в ней есть истина, вся истина, и ничего, кроме истины. Она не только претендует на истину, она говорит, что у нее есть *единственная* истина, а все остальные лгут, обманывают.

Если вы будете слушать этих психоаналитиков, если вы будете ходить от одного психоаналитика к другому, вы будете еще более озадачены. Единственная помощь, которую они могут вам оказать, заключается в том, что, если вы достаточно разумны, вы так пресытитесь ими, так устанете от них, что вы просто отбросите отбросите идею трансформации, и, возможно, вы просто начнете жить нормальной жизнью, не беспокоясь о трансформации — *если* вы разумны, что бывает очень редко, потому что разумность уничтожается с самого начала. Вас сделали посредственностью. Разумность уничтожается с самого начала. Лишь немногие люди каким-то образом ускользают от общества и остаются разумными.

Нагеш, ты спрашиваешь меня: «Что мне теперь делать?»

Вот мое предложение: ты сделал достаточно. Теперь научись тому, как не *делать*, а не-делать. Будь здесь и учись — не делай, но просто будь. Сиди в молчании, ничего не делая. Когда пройдет от трех до девяти месяцев, если человек достаточно терпелив и если он может просто продолжать сидеть несколько часов подряд каждый день — как только он может найти время, он сидит... В начале в твоём уме возникнет большой беспорядок; все бессознательное начнет подниматься на поверхность. Ты почувствуешь, что ты будто бы сходишь с ума. Продолжай наблюдать — не беспокойся. Ты не можешь сойти с ума, потому что ты уже сумасшедший, поэтому — нечего терять и нечего бояться.

Политик, великий политик, советовался с психоаналитиком. Этот политик страдал комплексом неполноценности — все политики страдают комплексом неполноценности. Если они не страдают комплексом неполноцен-

ности, значит, в первую очередь, они не политики. Быть политиком значит стремиться к превосходству, к власти, чтобы можно было доказать другим: «Я не неполноценный. Посмотрите! Я — премьер-министр. Посмотрите! Только я премьер-министр в этой стране, и не кто другой — как я могу быть неполноценным?»

Политика возникает из комплекса неполноценности — вся политика власти возникает из комплекса неполноценности. Поэтому политик, страдающий этим комплексом, не был редкостью.

Психоаналитик работал над политиком год за годом. Через два или три года, слушая всю его тарабарщину и чепуху... что еще может сказать политик? Он часами лежал на кушетке и говорил чепуху.

Прошло три года. Однажды, когда он пришел, психоаналитик встретил его очень радостно и сказал:

— Я рад заявить, что после трех лет исследований вы больше не страдаете комплексом неполноценности. Я пришел к этому заключению после стольких усилий, что ошибки быть не может. Вы не страдаете никаким комплексом неполноценности — просто забудьте об этом.

Очень довольный политик ответил:

— Я так вам благодарен, но не скажете ли вы мне, как вы пришли к такому выводу?

— Потому что вы *и есть* неполноценный — как вы можете страдать комплексом неполноценности?

Нагеш, тебе не о чем беспокоиться. Если, сидя в молчании, ты почувствуешь, что в тебе возникает безумие, не беспокойся — ты не можешь стать более безумным, чем ты безумен сейчас. Человек не может упасть ниже. Он упал к самому подножью горы. Теперь падать больше некуда.

Сидя в молчании, ты увидишь, что в тебе возникает безумие, потому что оно оставалось подавленным. И ты был занят разными вещами, — психологией и тому подобным, — теперь ты будешь занят медитацией и саньсой, но все это занятия, и ты не позволяешь раскрыться своему бессознательному. Оно пугает.

Вот что я тебе предлагаю: просто сиди в молчании так много, как ты только сможешь. Люди дзен сидят в молчании, по меньшей мере, от шести до восьми часов в день. В начале это будет действительно сводить тебя с ума. Ум будет играть с тобой столько трюков, он будет пытаться свести тебя с ума, создавать воображаемые страхи, галлюцинации. Тело начнет играть с тобой трюки... будут происходить всевозможные вещи. Но если ты можешь продолжать свидетельствовать, через три-девять месяцев все станет на свои места, и станет на свои места само собой — не потому что ты должен что-то делать. Без твоего участия все просто станет на свои места, и, когда возникнет тишина, не привитая, не практикуемая, это нечто роскошное, это нечто поразительно изящное, изысканное. Ты никогда не испытывал раньше ничего подобного — это чистый нектар...

Ты трансцендировал ум! Все проблемы решены. Не то чтобы ты нашел решение, но они просто отпали сами собой — благодаря свидетельствованию, только благодаря свидетельствованию.

Ты уже слишком знающий. Больше не нужно знания; тебе нужно раз-учение. Знающие люди очень

коварные люди — они всегда могут найти оправдания для того, чтобы оставаться прежними.

Профессор философии и психологии не мог жить без виски. Однажды вечером, употребив изрядное его количество, он зашел в свою спальню, разделся, чтобы лечь, и попытался задуть свечу. Пары алкоголя в его дыхании вспыхнули ярким пламенем.

Печально потрясенный этим переживанием, он закричал жене:

— Марта, принеси мне Библию. Мне был преподан ужасный урок. Я хочу дать зарок.

Счастливая жена прибежала с Библией и встала рядом со своим мужем, который положил руку на Библию и поднял глаза к небесам:

— Я клянусь на этой святыне, — произнес он, — что я больше никогда не дуну на зажженную свечу.

Ум коварен. Ты должен выйти за пределы ума — вот в чем заключается вся медитация.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Кажется, Ты — первый просветленный
мастер, который шутит шутки. Почему это
так?*

Гарима, я расскажу тебе историю. Эта история из Талмуда была особенно любима великим суфийским мастером, Баал Шемом.

Раввин Барух обычно приходил на рынок, где ему часто являлся пророк Илия. Тогда верили в то, что он является некоторым святым, чтобы предложить им духовное руководство.

Однажды Барух спросил Илию:

— Есть ли здесь кто-нибудь, кто унаследует грядущий мир?

— Нет, — ответил он.

Пока они разговаривали, мимо прошли два человека, и Илия сказал:

— Эти двое унаследуют грядущий мир.

Раввин Барух подошел к ним и спросил:

— Чем вы занимаетесь?

— Мы шуты, — ответили они. — Когда мы видим, что люди подавлены, мы стараемся их развеселить.

Бог любит смех, Бог любит веселых людей. Бог не заинтересован в том, чтобы видеть ваши вытянутые лица.

Когда Баал Шем умирал, его спросили:

— Подготовлен ли ты к тому, чтобы встретиться с Господом?

— Я всегда был готов, — ответил он. — Дело не в том, чтобы начать готовиться сейчас — я всегда был готов. Он мог позвать меня в любое мгновение!

Человек спросил:

— В чем твоя готовность?

— Я знаю несколько прекрасных шуток, — ответил Баал Шем, — я расскажу ему эти шутки. И я знаю, что он будет наслаждаться

ими и смеяться вместе со мной. Что еще я могу ему предложить? Ему принадлежит весь мир, вся вселенная, и я в том числе, что я могу ему предложить? Лишь несколько шуток!

Баал Шем был одним из величайших будд, рожденных иудейской традицией, один из самых любимых своими учениками. Он был основателем хассидизма.

И помни, я не первый, кто шутит шулки. Были многие... Но люди так грустны, что они забывают о тех, кто был источником смеха и радости — они помнят только грустных людей. Вы помните только грустных будд — даже если они не грустны, вы делаете их грустными. У себя в уме вы придумываете истории, вы производите идеи и придаете им печальный вид.

Джайны будут очень обижены, если я скажу, что Махавира смеялся. Смех кажется таким обыденным, таким мирским. Как мог смеяться Махавира? Если я скажу, что Будда смеялся, буддисты, особенно буддисты Хинаяны, будут очень сердиты. Я очень люблю Будду; я не думаю, что сейчас на земле есть еще один человек, который так любил бы Будду. Но только вчера я прочитал в газете: президент Общества Буддистов Индии намерен выступить с докладом против меня на ближайшем заседании парламента. Я могу это понять, потому что я придаю Будде новый цвет — его цвет, цвет Будды. Я пытаюсь показать вам его реальность. А эти люди совершенно исказили его образ; они сделали его печальным, они не позволяют ему смеяться. Если он смеется, они выступают в парламенте с докладами против него.

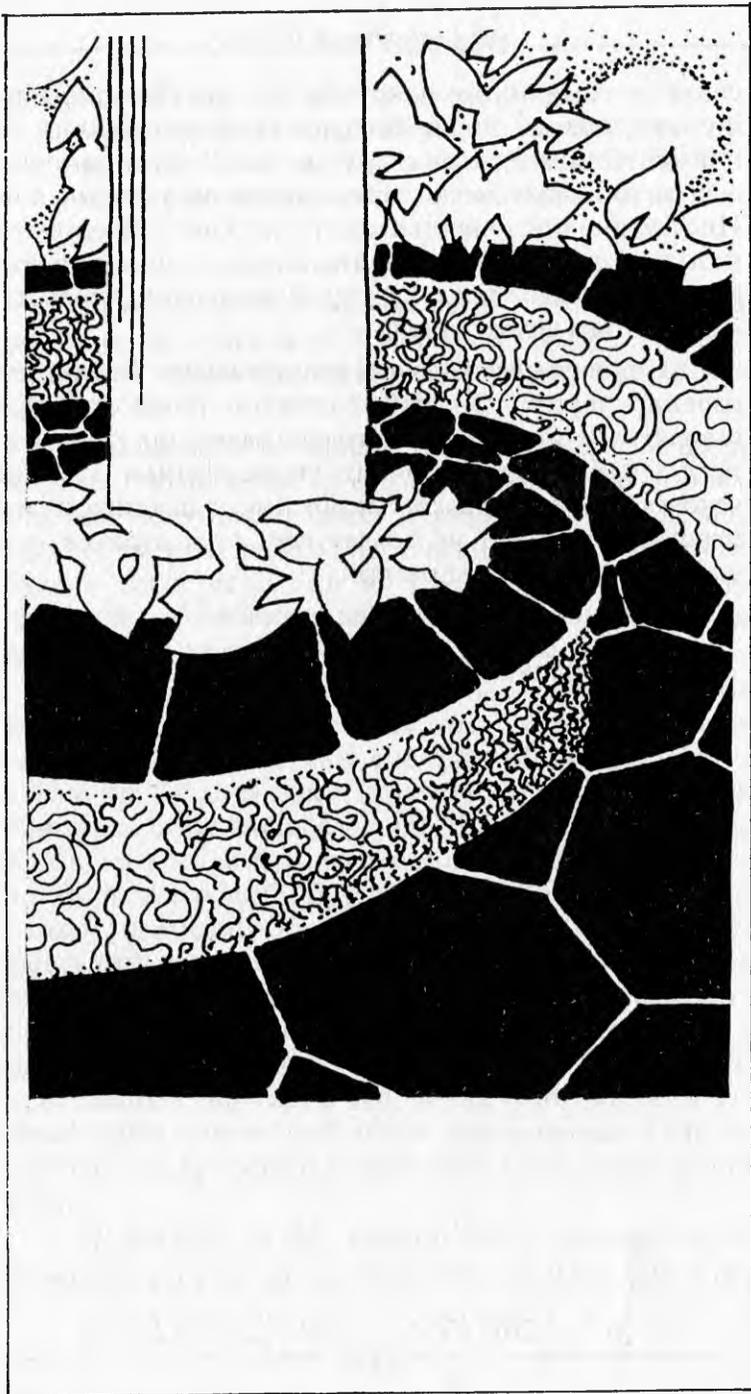
Я обижаю людей, потому что я стараюсь жить религией, которая не соответствует их идеям. И я вам

скажу, — конечно, это между нами, — что Иисус обычно шутил шулки — но не говорите христианам, они не поймут. Они могут понять лишь того Иисуса, который был распят. Фактически, они поклоняются смерти, а не Иисусу; они поклоняются кресту, не Христу. Поэтому я называю христианство крестничеством — оно не имеет никакого отношения к Христу. Я знаю этого человека, я знаю этого человека лично!

Он любил все хорошие вещи в жизни. Как он мог избежать шуток? Он любил сплетни (*англ. gossip*), а говорят, что он производил только евангелия (*англ. gospel*)! Он был очень, очень укорененным в земле человеком. Он общался с игроками, с пьяницами и с проститутками. Он не боялся всех этих дураков — и именно за это он был распят.

Именно за это я должен страдать...

На сегодня достаточно.

Глава 9
Сея семена блаженства

Некоторое время зло дурака
Сладко на вкус, сладко как мед.
Но в конце оно становится горьким.
И как горько он страдает!

Дурак может постыдиться месяцами,
И есть с вершушки травинки.
И все же он не стоит ни гроша,
Рядом с мастером, бья пицца — путь.

Свежее молоко скисает на сразу.
Так же и зло дурака
Не сразу постигает его.
Оно плетет в нем,
Как угли костра.

Что бы ни изучал дурак,
Это только делает его тупее.
Его голова раскалывается от знания.

Ибо тогда он хочет признания.
Места прежде других.
Места над другими.

«Пусть они узнают мою работу,
Пусть каждый ищет во мне указаний».
Таковы его желания,
Такова распирающая его гордость.

Один путь ведет к благополучию и славе,
Другой — к концу пути.

Не ищи признания,
Но следуй пробужденному
И сделай себя свободным.

Вот последние слова Гаутамы Будды на земле: Будь светом самому себе. Не следуйте другим, не подражайте, потому что подражание, следование создает глупость. Вы рождаетесь с огромными возможностями разумности. Вы рождаетесь со светом внутри себя. Слушайте тихий, негромкий голос внутри, и он будет руководить вами. Никто другой не может вами руководить, никто другой не может быть моделью вашей жизни, потому что вы уникальны. Никогда не было никого в точности похожего на вас, и никогда не будет никого в точности похожего на вас. В этом ваша слава, ваше величие — вы совершенно незаменимы, вы это просто вы и не кто другой.

Человек, который следует другим, становится фальшивым, он становится ложным, он становится механическим. Он может быть великим святым в глазах других, но глубоко внутри он просто неразумен и ничего больше. У него может быть очень уважаемый характер, но только на поверхности, не глубже кожи. Оцарапайте его немного, и вы будете удивлены тем, что внутри — совершенно другой человек, прямо противоположный внешнему.

Следуя другим, вы можете привить прекрасный характер, но вы не можете получить прекрасного сознания, а, пока вы не обладаете прекрасным сознанием, вы не можете быть свободны. Вы можете продолжать менять свои тюрьмы, вы можете продолжать менять свои

оковы, свои рабства. Вы можете быть индуистом, или христианином, или мусульманином, или джайном — это вам не поможет. Быть джайном означает следовать Махавире как модели. Сейчас нет никого, кто был бы похож на Махавиру, и никогда не будет. Следуя Махавире, вы станете ложной сущностью. Вы утратите всю реальность, вы утратите всю искренность, вы не будете верны себе. Вы станете искусственными, неестественны, а быть искусственным, неестественным это путь посредственности, глупца, дурака.

Будда определяет мудрость как жизнь в свете собственного сознания, а глупость как следование другим, подражание другим, жизнь в тени кого-то другого.

Настоящий мастер создает мастеров, а не последователей. Настоящий мастер снова отбрасывает вас к самому себе. Все его усилие в том, чтобы сделать вас независимым от него, потому что вы были зависимы веками, и это никуда вас не привело. Вы все еще продолжаете спотыкаться во мраке ночи души.

Лишь ваш собственный свет может стать рассветом. Фальшивый мастер убеждает вас следовать ему, подражать ему, быть его точной копией под копирку. Настоящий мастер не позволяет вам быть копией под копирку, он хочет, чтобы вы были оригиналом. Он любит вас! Как он может заставить вас подражать? Он чувствует к вам сострадание, он хочет, чтобы вы были совершенно свободны — свободны от всех внешних зависимостей.

Но обычное человеческое существо не хочет быть свободным. Человек хочет быть зависимым. Он хочет, чтобы кто-то им руководил. Почему? — потому что тогда он может сбросить всю ответственность на чужие плечи. И, чем больше ответственности вы сбрасываете на плечи других, тем меньше у вас возможностей стать разумным.

Именно ответственность, именно вызов ответственности создает мудрость.

Человек должен принять жизнь со всеми ее проблемами. Человек должен идти по жизни незащищенным; человек должен исследовать и искать собственный путь. Жизнь это возможность, вызов найти себя. Но дурак не хочет идти трудным путем, дурак выбирает короткий. Он говорит себе: «Будда достиг — о чем мне беспокоиться? Я буду просто смотреть на его поведение и подражать. Иисус достиг, зачем мне исследовать и искать? Я могу просто стать тенью Иисуса. Я могу просто следовать за ним, куда бы он ни шел».

Следуя кому-то другому, как вы собираетесь стать разумным? Вы не дадите своей разумности ни малейшего шанса взорваться. Для того, чтобы возникла разумность, нужна жизнь вызова, жизнь приключения, жизнь, которая знает, как рисковать и идти в неизвестное. И только разумность может вас спасти — и не кто другой — ваша собственная разумность, помните, ваша собственная осознанность может стать вашей нирваной.

Будьте светом самому себе, и вы будете мудрым; позвольте другим быть вашими лидерами, вашими руководителями, и вы останетесь глупым, и вы упустите все сокровища жизни — а они ваши! И как вы решите, чей характер правилен для подражания?

Будда живет по-своему, Махавира живет по-своему, Иисус живет по-своему. Мухаммед *есть* Мухаммед, он не Махавира. Кому вы собираетесь следовать? Вы собираетесь определить свою жизнь, свое предназначение только случайностями своего рождения? Тогда вы останетесь случайным. А дурак *действительно* случаен. Мудрый человек никогда не живет случайностями. Он не становится индуистом, потому что он родился в индуистской семье; он не становится христианином, потому что христиане его родители; он не становится коммунист-

том, потому что он родился в России. Он ищет, он спрашивает.

Жизнь это поразительно прекрасное паломничество, но лишь для тех, кто готов исследовать и искать.

Иисус говорит: Ищите, и найдете; просите, и вам будет дано; стучите, и двери откроются перед вами.

Он не говорит: Следуйте, подражайте. Он не говорит: Будьте христианами, и двери откроются перед вами. Он не говорит: Я постучал в двери, и они откроются перед вами. Он говорит: Стучите, и двери откроются перед вами. И каждый должен стучать, потому что каждый входит в разные двери. Люди так уникальны, люди так индивидуальны.

Это ваша слава. Не отвергайте ее; иначе вы останетесь дураком. Это не значит, что не нужно учиться у будд, пробужденных — учитесь! Впитывайте дух! Пейте из их источников, свежих источников радости. Будьте в их обществе, сонастройтесь с их внутренней музыкой, прислушайтесь к их гармонии, и будьте полны великой радости того, что такой же человек, как и вы, совершенно такой же, достиг, поэтому и вы можете достичь. Будьте в трепете от того, что такой же человек, как и вы, из плоти и крови, стал просветленным, поэтому и вы можете стать просветленным.

Будде не нужно следовать; его нужно понимать. Будде не нужно подражать; его нужно слушать — слушать в полном молчании, любви, доверии. И, чем более вы понимаете будду, тем более вы почувствуете, что он говорит не снаружи, но изнутри, из самого источника вашего существа. Он — зеркало, которое отражает ваше подлинное лицо — но он лишь зеркало. Все великие мастера — зеркала, они отражают ваше подлинное лицо. Но не цепляйтесь за зеркало. Зеркало это не ваше лицо!

Эти сутры Будды — безмерной ценности. Идите в них медитативно. И, когда я говорю, медитативно, я

имею в виду, не будьте в состоянии спорщика — это не способ слушать. Будьте в восприимчивом состоянии, будьте женственны. Не будьте на страже, не защищайтесь. Не прячьтесь за доспехами. Не привносите свой ум, чтобы истолковывать то, что говорится. Отложите ум в сторону и позвольте своему сердцу танцевать вместе с этими сутрами. Вот что я имею в виду, когда я говорю, слушайте медитативно. Позвольте сердцу наслаждаться. И в этом наслаждении есть совершенно новый вид понимания — понимания не из интеллекта, но из разумности.

Если вы слушаете из сердца, вы не станете знающим; вы будете становиться более и более мудрым. Если вы слушаете из головы, прежде всего, ваш слух будет искажен, потому что ко всему будут примешиваться ваши предрассудки, вас будут отвлекать все ваши априорные заключения, ваш ум будет придавать тому, что вам говорится, свой цвет. Во-первых, вы не будете слушать то, что вам говорят; ваш ум будет создавать такой шум, что вы будете слышать только собственный шум. Во-вторых, все, что бы вы ни собрали, будет знанием, не мудростью. Знание поверхностно, оно не идет глубоко, оно не может идти глубоко. Знание это способ спрятать ваше невежество, оно не его не разрушает. Мудрость есть свет, она изгоняет тьму.

Но мудрость всегда идет от сердца, помните, она никогда не от головы. Когда вы приходите к будде, забудьте о голове. Это совершенно другой подход к вашему существу — через сердце. Слушайте биением сердца, станьте сонастроенны — как если бы вы слушали великую музыку. Это и есть великая музыка; фактически, может ли быть величайшая музыка?

Эти сутры — величайшая поэзия, поэзия высшего существа. Эти сутры — цветы лотоса, рожденные в озере сознания того, кто пробужден. Слушайте внимательно,

медитативно, с любовью и глубоким доверием, и вы будете безмерно благословенны, блаженны.

Первая сутра:

Некоторое время зло дурака

Сладко на вкус, сладко как мед.

Но в конце оно становится горьким.

И как горько он страдает!

Есть известная притча буддистов. Будда любил снова и снова рассказывать ее:

Человека преследовали враги. Они приближались и приближались; он слышал, как стук копыт вражеских лошадей доносится громче и громче с каждым мгновением. Это смерть! И, казалось, выхода не было, потому что он оказался в тупике, дорога закончилась. Дорога обрывалась в пропасть. Если он прыгнет, он неизбежно погибнет. Он не может повернуть обратно, потому что его убьют враги. Он надеялся, что у него может быть шанс выжить, если он прыгнет — возможно, он покалечится, но возможно, каким-то чудом, он выживет — но и это казалось невозможным, потому что он увидел на дне пропасти двух львов, которые смотрели вверх, готовые его растерзать.

Не найдя другого пути — нельзя идти ни вперед, ни назад, — он повис на корнях дерева, точно посередине. Утро было очень холодным, и у него замерзли руки. Он знал, что через несколько минут он больше не сможет удержаться; его пальцы соскользнут

и он сорвется. Он знал, что смерть с каждым мгновением становится более и более определенной.

И тогда он увидел, что две мыши, черная и белая, грызут корень. Эти две мыши представляют день и ночь — они представляют время, подтачивающее корень жизни каждого. День и ночь, смерть подходит ближе. И теперь он был абсолютно уверен, что его не станет в следующие несколько мгновений. Корень с каждым мгновением становится слабее, становится тоньше. Мыши продолжают работу; у него мерзнут руки, он слышит рычание львов внизу в долине, он слышит, что враги становятся все ближе и ближе. Вы можете понять состояние этого человека.

И тогда внезапно он замечает гнездо лесных пчел на вершине дерева, и капля меда падает из гнезда. Он забывает о врагах, о рычащих львах, о черной и белой мыши, о замерзающих руках — на мгновение он забывает совершенно обо всем. Весь его ум сфокусирован на капле меда. Он открывает рот, капля падает ему на язык... и она такая сладкая.

Вот ситуация дурака. Вот ситуация каждого человека на земле. Как она сладка! Но долго ли будет продолжаться этот вкус? Скоро смерть окружит вас со всех сторон. Именно так мы продолжаем жить — жить ради мгновенных удовольствий, потакания, еды, секса, денег, власти, престижа... лишь капли меда. Они такие сладкие, что на мгновение мы совершенно забываем обо всем, что случится. Мгновение захватывает нас, и мы

становимся глухи к реальности жизни: к тому, что она укоренена в смерти, что она исчезнет.

Будда говорит: *Некоторое время зло дурака сладко на вкус, сладко как мед. Но в конце оно становится горьким. И как горько он страдает!*

Наблюдайте себя. Что вы делаете здесь на земле? Что вы сделали до сих пор? Из чего состоит ваша жизнь? Сделали ли вы что-нибудь действительно реальное, или просто жили в снах? Приблизились ли вы каким-нибудь образом к вечному? Или вы слишком заняты мгновением? Есть ли у вас планы, проекты достижения высшей истины? Или вы просто остаетесь пьяны обыденным, обыкновенным, каждый день возвращаясь в одну и ту же колею, двигаясь в одной и той же колесе? Приходит утро, и вы спешите на рыночную площадь, приходит вечер, вы устали, вы приходите домой... и продолжается тот же круг, вращается то же самое колесо. И так продолжалось и продолжалось многие жизни. Когда это наскучит вам? Когда вы станете немного более внимательны к тому, что вы делаете со своей жизнью? Это чистая растрата.

Но Будда говорит: Конечно, в этом есть некоторая сладость, мгновенная сладость, но человек страдает за эту сладость. Неизбежно она превращается в горечь. Наблюдайте свою жизнь. Вы можете заработать много денег, и, пока вы зарабатываете, это сладко на вкус. Но вы не осознаете, что вы теряете свою жизнь, зарабатывая мусор, что жизнь выскальзывает у вас из рук, что то, что вы преследуете, слишком дорого и глупо.

Жизнь не может быть куплена снова; за все свое состояние вы не купите ни единого мгновения. Ее нельзя потребовать обратно. Тратится такое драгоценное время! Вы складываете в кучу состояние, которое будет отнято смертью, и уходите с пустыми руками... с такими же пустыми руками, как и когда вы пришли на землю. И

тогда вы почувствуете горечь, потому что вы потратили всю свою жизнь на что-то, что не останется с вами. Вы потратили всю свою жизнь на власть, политику; вы потратили всю свою жизнь на то, чтобы стать уважаемым, и теперь пришла смерть, и все это будет отнято у вас. И вы не пережили ни единого мгновения своей вечной реальности — вы не испытали ничего бессмертного.

Именно это Будда называет подходом дурака к реальности. Все становится горьким: ваша любовь, ваша дружба, ваша семья, ваш бизнес, ваша политика... все что угодно в конце концов оказывается ядовитым, становится горьким. Тот, кто мудр, осознает это, пока еще есть время и что-то может быть сделано.

Дурак может поститься месяцами,

И есть с верхушки травинки.

Но все же он не стоит ни гроша

Рядом с мастером, чья пища — путь.

Будда не говорит, что вы должны стать аскетом. Будда не говорит, что нужно отречься от мира, отречься от пищи, морить себя голодом, поститься, мучить свое тело — он этого не говорит. Он не может этого сказать. Он выучил урок, великий урок, делая все эти вещи сам.

Когда он покинул дворец, шесть лет он следовал традиционному пути, мучая себя, постясь, разрушая свое тело. Он подошел к такой точке, где он был почти на грани смерти — он слишком себя измучил. И в это мгновение он осознал: «Что я делаю? Сначала я себе потакал, этим были полны дни и ночи: женщины, вино, хорошая пища, одежда, дворцы, золотые колесницы, охота... Это было моей жизнью, жизнью принца. Я делал что-то, что оказалось тщетным».

Когда он покинул дворец, ему было только двадцать девять — должно быть, он был человек великой разумности. Есть люди, которым уже семьдесят или семьдесят девять, и они все еще не осознали тщетности своей жизни. Ему было только двадцать девять. Должно быть, он был человеком редкого прозрения. Должно быть, он наблюдал, смотрел на то, что он делает, медитировал. Внезапно он осознал: «Все это мусор — все эти женщины, все это вино, охота, все это потакание не даст мне ничего вечного».

Восток всегда находился в поиске вечного. Восточное определение истинного: то, чтоечно. А неистинного? — то, что мгновенно. Когда восточные мистики говорят, что нечто иллюзорно, они подразумевают, что это мгновенно. Они не подразумевают, что этого нет, они знают, что есть, но есть лишь на мгновение, как мыльный пузырь. Он есть! И иногда мыльный пузырь может выглядеть очень красиво. Если на него падают лучи солнца, его может окружить радуга, все цвета. И мыльный пузырь есть, но его «естественность» так мгновенна, так обманчива, что лучше сказать, что его нет; поэтому мистики Востока говорят, что мир есть *майя* — иллюзия. Дело не в том, что его нет, но он так мгновенен, что почти неважно, есть он, или его нет. Лучше назвать его иллюзорным, чтобы сделать вас бдительными, внимательными.

Этих двадцати девяти лет оказалось достаточно, чтобы он осознал, что он играет с мыльными пузырями. Он сбежал, он отрекся от королевства. Но, как случается всегда, ум движется в противоположность. Ум подобен маятнику в старых часах: он движется влево-вправо, влево-вправо — к противоположности. Он никогда не останавливается посередине. А весь секрет в середине. Если маятник останавливается посередине, останавливаются часы, останавливается время, останавливается мир. Но маятник продолжает двигаться влево-вправо,

влево-вправо, и он поддерживает ход часов, он поддерживает движение часов — он поддерживает жизнь во времени. А время есть мир.

Выйти за пределы времени значит узнать нечто бессмертное; поэтому в Индии мы используем для времени и смерти одно и то же слово, *кал* — одно и то же слово означает «время» и «смерть». Это не случайность, в этом есть значение. Время является смертью, потому что во времени все мгновенно, все умирает. В одно мгновение нечто есть, в следующее его нет, и нет навсегда. В то мгновение, когда вы выходите за пределы времени, вы выходите за пределы смерти.

Но, в точности как действует ум, — он движется к противоположному, — устремился к противоположному и ум Будды. Он сбежал из дворца. Раньше он заботился о теле; теперь он стал мучить тело. Раньше он был одержим вкусной пищей; теперь он стал поститься, соблюдать долгие посты. Он стал знаменитым аскетом. Его стали уважать, ему стали следовать. Он был красив, он был одним из самых красивых людей, когда-либо ходивших по земле, но эти шесть лет самоистязания и мазохизма разрушили его тело. Он стал темным, он стал худым, он стал безобразным.

Но однажды в нем возникло великое прозрение: «Что я делаю? Сначала я был одержим пищей, теперь я одержим постом — в основе я все еще одержим пищей. Сначала это была позитивная одержимость, теперь она стала негативной. Но я ни капли не изменился. Сначала я был одержим женщинами, теперь я одержим *брамачарьей* — безбрачием. В основе я не изменился — я все еще одержим сексом. Я сначала я гонялся за сексом, теперь я убегаю от секса, но секс остается центром моего существа».

Это было великое откровение. Это откровение создало контекст, в котором он стал просветленным. В

тот вечер, когда он это понял, с ним случилось нечто чрезвычайно важное. Он смеялся над всей нелепостью ума. Он смеялся над хитрым умом — над тем, что он думал, что движется против ума, а двигался с умом — ум сыграл с ним трюк. Ум одурачил его, ум обманул его. Ум вошел с черного хода. Сначала он входил в парадную дверь, теперь он стал входить через черный ход, и он более опасен, когда он входит через черный ход. Когда он входит в парадную дверь, по меньшей мере, вы осознаете, что вы делаете. Когда он входит через черный ход, косвенно, неуловимо, скрыто, он приходит, скрытый фасадом.

Ум так хитер, что он может скрываться за одеждой прямо противоположного. Из потакания он может превратиться в аскетизм, из материалиста он может превратиться в спиритуалиста, из мирского он может стать потусторонним. Но ум *есть* ум — будете ли вы за мир или против мира, вы остаетесь заключенным в клетку ума. За или против — то и другое есть части ума.

Когда ум исчезает, исчезает в невыбирающей осознанности, когда вы прекращаете выбирать, когда вы ни за ни против — это остановка посередине. Выбор за ведет вправо, к одной крайности, выбор против ведет влево, к другой крайности. Если вы не выбираете, вы в точности посередине. Это расслабление, это отдых. Это *истинное* отречение. Он не противопоставляет себя миру, оно не противопоставляет себя телу, оно не имеет с телом ничего общего. Это чистое пробуждение сознания. Вы становитесь невыбирающим, свободным от одержимости, и в этом состоянии не-одержимости, невыбирающего сознания возникает разумность, которая глубоко спала, бездействовала в вашем существе. Вы становитесь светом самому себе. Вы больше не дурак.

От потакания вы можете двигаться к подавлению; это не поможет. Именно на этом споткнулись все религии.

Старшая монахиня подвергается ограблению, возвращаясь из банка, куда она положила собранные за неделю благотворительные взносы.

— Вы напрасно теряете время, молодой человек, — говорит она грабителю. — У меня нет денег. Я положила все деньги в банк на ночной депозит.

— А это мы сейчас проверим, — отвечает он мрачно и начинает шарить под ее черной одеждой в поисках денег.

— Ой! Что вы делаете! — кричит она. — Ой! Ой! Ой, Иисус, Мария! Теперь не останавливайтесь — я выпишу вам чек!

Подавление никуда не ведет, не может вести. Все, что вы подавили, ждет возможности. Оно просто ушло в бессознательное — оно может вернуться в любой момент. Любая провокация — и оно на поверхности. Вы не свободны от него. Подавление это не путь к свободе. Подавление это гораздо худшие оковы, чем потакание, потому что, потакая, человек рано или поздно устанет, но, подавляя, он не устанет никогда.

Поймите суть: потакание неизбежно вас утомит и наскучит вам. Рано или поздно вы начнете думать о том, как от избавиться от всего этого. Но подавление поддерживает жизнь в этих вещах. Поскольку вы не жили, как это может вам наскучить? Вы не жили; как это может вам надоесть? Поскольку вы не жили, остается обаяние, продолжается гипноз; оно ждет глубоко внутри.

Потакающие люди в определенном смысле нормальны по сравнению с людьми, которые подавляют; подавляющий человек становится патологическим. Потакание, по меньшей мере, естественно, — именно таким создала вас природа, — но подавлять значит стать неестественным. Двигаться от низшего естества к высшему естеству легко. Двигаться от неестественности к высшему естеству очень трудно. Будда называет окончательную истину «окончательным естеством» — *аэс дхаммо санантано*. Это окончательная природа, окончательный закон, — заявляет он. Что такое окончательный закон? Вечное, неумирающее, чистое сознание.

Достичь этого высшего закона из природы очень легко, потому что природа ниже, но все же это природа. И вы можете шагнуть из низшего в высшее; низшее может стать ступенью. Но в тот момент, когда вы становитесь неестественным, это становится очень трудным. От неестественности нет пути к высочайшей природе.

Поэтому, вот мое предложение: если вы собираетесь выбирать, предпочитайте потакание подавлению. Самое лучшее — не выбирать, оставаться невыбирающим, просто быть свидетелем, видеть свои инстинкты, желания и не отождествляться с ними, не быть ни за ни против. Лучше всего просто быть свидетелем, потому что в свидетельствовании, в пламени свидетельствования сгорают все желания — сгорают не только желания, но и семена желаний. Человек становится *нирбиджем* — бессемянным.

Но не выбирайте негативное. Как только вы становитесь подавляющим, вы становитесь патологическим, вы больны. Фактически, только патологические люди интересуются репрессивными системами мысли.

После войны в Бельгийском женском монастыре обнаружилось, что все монахини,

кроме одной, беременны. Кардинал произвел личное расследование и выяснил, что все монахини были изнасилованы немецкими солдатами.

— Но почему они не изнасиловали вас? — спрашивает он маленькую и уродливую монахиню отталкивающего вида, которая не беременна.

— Кого, меня? — отвечает она. — Я сопротивлялась!

И патология может найти рациональные объяснения. Знаете притчу Эзопа?

Лисица говорит: «Зелен виноград», потому что она не может его достать — слишком высоко. Она оглядывается вокруг и изо всех сил старается его достать, но виноград слишком высоко, за пределами ее досягаемости. Она оглядывается вокруг — никого нет. Она уходит, но за ней наблюдает заяц, прячась в кустах. И заяц говорит:

— Тетушка, что случилось? Ты не можешь достать виноград?

— Нет, вопрос не в том, чтобы его достать, — отвечает лиса. — Он еще не созрел, он очень кислый.

Люди, которые не могут достать виноград, объясняют это тем, что он кислый. Эти объяснения могут обмануть других, но как они могут обмануть вас? Лисица прекрасно знает, что она не смогла достать виноград. Это объяснение, а ум очень хитер в объяснениях.

Джэйк пришел домой в середине дня. У дверей его встретили жена и сын. Сын закричал:

— Папа, там в кладовке привидение!

Джэйк подбежал к кладовке и распахнул дверь. Там он обнаружил своего партнера, Сэма, сидящего среди груды пальто.

— Сэм, — закричал Джэйк. — Какого дьявола ты приходишь сюда посреди дня и пугаешь моего ребенка?

Ум очень хитер и коварен в объяснениях, в том, что касается путей и средств. Ум очень легко может преложить вам подавление, потому что, если вы подавляете, вы будете гораздо более во власти ума, чем когда-либо раньше, когда вы жили жизнью потакания. И хватка ума будет гораздо крепче.

Будда узнал это на собственном опыте — шесть лет великих мучений. С Буддой мир вошел в новую стадию религиозности. До Будды никто этого не говорил: подавление, аскеза, пост, истязания тела не помогут. С Буддой человечество перешло в новую фазу, в высшую фазу.

Будда является очень, очень значительной вехой в эволюции человеческого сознания, но он не был правильно понят, потому что его толкователями снова были прежние школяры, пандиты, священники. Они истолковали Будду таким образом... их интерпретация Будды почти полностью противоречит его опыту. Они стали много говорить об этих шести годах; буддистские писания полны описаний этих шести лет. И, если вы читаете буддистские писания, вам покажется, будто бы именно благодаря этим шести годам аскезы он достиг просветления. Это не так. Он достиг просветления не благодаря шести годам аскезы; он достиг просветления в тот день, когда он отбросил всю аскезу. Он достиг просвет-

ления благодаря тому, что он ее отбросил, не благодаря ей.

Но, если вы читаете писания, в особенности написанные в Индии, вы получите совершенно ложное впечатление. Они освещают это таким образом, как будто Будда не внес ничего нового в человеческое сознание, как будто он был аскетом старого типа, — возможно, гораздо более разумным в выражении, более убедительным, логичным, гораздо более глубоким в своем прозрении, — но не представлял собой ничего нового. Он принес в новых словах, в новой логике ту же самую прежнюю религию; старое вино в новой бутылке, вот и все. Вот как индийцы изображают Будду. Это фальсификация. Будда не представляет старое. Он шагает за пределы старого. Он является новой фазой. И, в точности как он совершил один шаг, снова нужен другой. Прошло двадцать пять столетий.

Моя коммуна будет этим новым шагом — дальнейшим шагом в человеческую эволюцию, в человеческое вознание.

Хотя Будда и отбросил аскетизм, он мало говорил о том, что он не нужен; он не мог, потому что ему приходилось общаться с людьми, полными древнего знания и древних идеологий. Он говорил с людьми, которые были бы совершенно неспособны его понять, если бы он говорил так, как я. Даже я труден для восприятия людей. Прошло двадцать пять веков, но люди крепко застряли. Очень редко можно встретить современника. Люди живут в двадцатом веке, но только физически; духовно они живут тысячу лет назад. Будда не мог даже приложить этого усилия. Но он говорил своим ближайшим ученикам: «Я достиг не благодаря аскетизму. Я достиг, отбросив аскетизм — все это глупости». Эти сутры были даны его ближайшим ученикам.

Он говорит: *Дурак может поститься месяцами, и есть с верхушки травинки. И все же он не стоит ни гроша рядом с мастером, чья пища — путь.*

Если вы действительно хотите трансформации, сделайте дхамму своей пищей — пусть вашей пищей будет сам путь к Богу. Питайте им себя! Иисус говорит это по-другому: *Ешьте меня!* Он говорит своим ученикам: *Пейте меня!* Впитывайте меня, переваривайте меня!

Будда говорит: *...чья пища — путь.* Путь означает дхамма, религия, окончательный закон, который удерживает весь мир в гармонии. Тот, кто начинает есть от этой гармонии, достигает — не тот, кто постится. Человек достигает не лишая себя грубой пищи, но потребляя тонкую пищу.

Да, доступна и тонкая пища. Когда вы смотрите на розу, просто наблюдайте. Позвольте красоте розы впитаться в вас, и вы почувствуете себя насыщенным. Вы не съели розу, но нечто тонкое, что окружает розу, аура розы, танец розы на верту, аромат, который невидим... Чувствовали ли вы это? Видя красивый цветок, внезапно вы чувствуете насыщение, наполненность. Не чувствовали ли вы себя насыщенным, глядя на небо, полное звезд? Наблюдая восход или закат солнца, или просто слышая далекий крик кукушки, далекую песню, не чувствовали ли вы, что вы наполняетесь чем-то неизвестным?..

Ваше тело нуждается в пище, нуждается в пище и ваша душа. Телесная пища груба, очевидна; тело является частью грубого мира. Духовная пища невидима — в музыке, в поэзии, в красоте, в танце, в песне, в молитве, в медитации... вы движетесь глубже и глубже к духовному питанию.

Будда говорит: Человек достигает, не отбрасывая грубую пищу, не благодаря посту, но питаясь путем.

Странное выражение — есть дхамму. Что такое дхамма? Как раз вчера кто-то спросил: «Возлюбленный Мастер, я люблю, когда ты говоришь: *аэс дхаммо санантано*, но что в точности это означает?» Это означает гармонию существования, это означает мелодию существования, это означает танец высшего, который продолжается и продолжается. Это означает празднование, которое повсюду. Деревья празднуют, и птицы, и животные, и реки, и горы... все существование сделано из вещества, называемого блаженством.

Вот что имеет в виду Будда, когда он говорит: *аэс дхаммо санантано* — это высший закон, неисчерпаемый закон. Вы можете продолжать есть от него, но вы не можете его исчерпать. И, чем больше вы едите, тем больше у вас души. Чем больше вы его едите, тем более божественным вы становитесь. Будда говорит: *Я не учу посту — я учу новому способу потакания, высшему виду потакания.* Он не говорит этого точно таким образом, но это говорю я. *Я учу вас высшему способу любви, высшему способу наслаждения, высшему способу танца, высшему способу впитывания в себя энергии Бога — чтобы вы становились более и более восприимчивыми и женственными, чтобы вы могли забеременеть Богом.*

Он называет человека, который продолжает поститься, дураком. Но в Индии этим дуракам поклоняются, и не только в Индии — почти по всему миру. Фактически, большинство толпы состоит из дураков; поэтому, когда бы дурак ни стал следовать сгнившему, утопанному пути, традиционному пути толп, толпы очень взволнованы. Их эго очень удовлетворены. Этот человек доказывает, что они были правы, что их родители были правы, что их наследие было право: «Посмотрите, этот человек постится!» А духовные люди всегда постились — это их представление.

Да, иногда случалось так, что духовный человек действительно постился, но причина совершенно не та, что вы думаете. Махавира постился, и постился двенадцать лет, очень, очень долго. Говорят, что за эти двенадцать лет он принимал пищу только триста шестьдесят пять дней — это значит, только один год. Он постился месяц и принимал пищу один день; один год за двенадцать лет значит, что в основном он ел раз в двенадцать дней — в среднем. У него был такой способ поста.

Но Махавира никогда не уставал, а Будда устал через шесть лет. В чем тут дело? И он достиг настолько же, как достиг Будда. Будда достиг, отбросив пост и аскезу; Махавира никогда не отбрасывал. Оба они могут быть правы — и я говорю, что они оба правы. Но причины так различны, почти несопоставимы.

Пост Махавиры имеет совершенно другое качество. Он не аскет, он не постится — фактически, он так много ест от Бога, что не чувствует никакой потребности в еде. Его душа настолько переполняется тонкими энергиями, что и тело чувствует удовлетворение. Он не чувствует потребности есть. Фактически, говорить, что он постится, неправильно. Если мне позволят, я скажу: он не может есть. И вы также иногда наблюдали это.

Когда я имел обыкновение приезжать в Пуну, я обычно жил с Сохан, и она была очень озадачена. Однажды она спросила меня: «В чем тут дело? Ты приезжаешь в Пуну один или два раза в год. Я жду целый год — ты приедешь, ты приедешь — и тогда ты приезжаешь на три или четыре дня. И в эти три или четыре дня я совсем не могу есть. Почему я не могу есть? Я не соблюдаю пост», — сказала она мне. — «Я хочу есть, но я просто не могу. Я чувствую сытость».

Я сказал ей: «Когда ты очень счастлива, ты не сможешь есть. Ты так переполнена блаженством, что оно

не оставляет аппетита, оно не оставляет в тебе пустоты. Не только твоя душа переполнена, но и тело подвергается воздействию души. Твое тело является тенью твоей души».

Вы будете удивлены: несчастные люди едят больше, счастливые — меньше. Несчастный человек чувствует себя таким пустым, что хочет наполнить, набить себя тем или другим. Несчастный человек продолжает есть, он продолжает набивать свои внутренности чем попало. Он чувствует себя таким пустым и растерянным, что не знает, что делать. Кажется, так легко подойти к холодильнику и еще что-нибудь съесть; может быть, это даст чувство наполненности. И, конечно, это действительно дает, на очень грубом уровне, чувство наполненности.

Америка больше всех страдает от переедания, и причина проста: сейчас Америка страдает от великой внутренней пустоты. Это духовная причина, поэтому никакие диеты не помогут. И долго ли вы можете соблюдать диету? Если у вас большая сила воли, вы можете соблюдать диету несколько дней; вы должны себя насильствовать. Потом, через несколько дней, вы устаете от этого усилия и набрасываетесь на пищу с удвоенной силой; и вы наберете больше веса, чем потеряли, пока были на диете.

В Америке это проблема. Это будет проблемой в любой богатой стране, потому что тогда доступны и пища, и пустота. Чтобы себя наполнить, остается только пища, остается только секс. Продолжайте гоняться за новыми приспособлениями, за новыми вещами; если вам не остается ничего другого, по крайней мере, вы можете собирать мебель. Если вы не можете наполнить свое существо, вы можете наполнить свой дом. Это просто разные способы почувствовать наполненность. В точности противоположное происходит, когда вы дей-

ствительно счастливы, радостны, когда вы летаете, когда вы чувствуете себя невесомым.

Я сказал Сохан: «Это совершенно логично. Это настоящий пост!»

В санскритском слове «пост» есть собственная красота. У английского слова (*fast*) нет этого качества. Английское слово «пост» означает просто голодание при помощи силы воли. Санскритское слово *упавас* значит «быть близко к Богу». Буквально оно означает, что вы близко к Богу; оно не имеет ничего общего с постом. Оно означает, что вы так близко к Богу, вы так наполнены Богом, что забываете о теле, забываете о питании тела. Вы так насыщены тонкой пищей, тонкой энергией, которая продолжает изливаться на вас.

Махавира не постился таким образом, как это делал Будда. Махавира ел Бога, а Будда просто постился. В своем посте Махавира был *упавас* — близкий к Богу. Его пост был тем, что подразумевает санскрит; пост Будды был тем, что подразумевает английский — просто голоданием. Поэтому Махавира достиг, не отбрасывая пост. Прежде всего, это не было постом — не было необходимости отбрасывать. Будде пришлось его отбросить, это была только противоположность потаканию. Он просто морил себя голодом, мотивируя это тем, что, голодая, он может достичь.

Как вы можете достичь Бога, истощая свое тело голодом? Есть ли в этом логика? Есть ли у этого научные основания? Вы думаете, что Бог это кто-то вроде Адольфа Гитлера, который наслаждается вашими мучениями? Кто наслаждается, видя что его дети голодны, и им снится пища? Кто наслаждается, видя, что люди становятся уродливыми, больными? Бог есть сострадание, Бог есть любовь. Он хотел бы, чтобы вы были наполнены им. И, когда вы им наполнены, возможно, вы не будете чувствовать потребности в еде. Махавира не постился,

он просто не хотел есть, вот и все. И в этом есть огромная разница.

Будда говорит: *Дурак может поститься месяцами, и есть с верхушки травинки. И все же он не стоит ни гроша рядом с мастером, чья пища — путь.*

Однажды он обнаружил, что существует другой вид пищи: человек может есть от гармонии существования, человек может стать частью этой гармонии, человек может стать частью празднования, праздника, которое продолжается и продолжается, без начала и без конца. Тогда вы будете полны и удовлетворены.

Свежее молоко скисает не сразу.

Так и зло дурака

Не сразу настигает его.

Оно тлеет в нем

Как угли костра.

Если вы что-то делаете, результат приходит не сразу. И, возможно, вы даже не можете связать друг с другом причину и следствие.

Знаете ли вы, что в Африке до сих пор есть первобытные племена, которые не связывают рождение ребенка с сексуальным сношением — потому что промежуток так велик, девять месяцев. И мало того, что промежуток велик... у них нет способа считать время, поэтому для них девять месяцев это действительно долго; они не могут следить за временем. У них нет ни календарей, ни часов, у них нет ни малейшего представления о времени. Они живут в действительно первобытном мире, где время еще не изобретено — как они могут воспринять то, что сексуальный контакт между мужчиной и женщиной может быть причиной рождения ребенка?

И есть другие причины: это случается не всегда. Вы можете заниматься с женщиной любовью, и ребенка не будет, это не неизбежно. Тогда как рождается ребенок? Ребенок рождается не благодаря сексуальному сношению, за этим не стоит никакой биологии — он приходит, как дар Бога, к тому, кого он выбирает. Если вы следуете религии этого племени, Бог благословит вас детьми; иначе нет никакой возможности.

Когда христианские миссионеры впервые обнаружили это племя, они не могли поверить, что эти люди жили столетиями и рождали детей, не имея ни малейшего представления о причине и следствии. И так же живем мы очень во многих отношениях — как дикари.

Сегодня внезапно вы чувствуете печаль совершенно без причины; вы не можете найти вокруг себя никаких причин — ничего не случилось. Вечером, когда вы ложились спать, все было хорошо; утром внезапно вы чувствуете печаль. Никто вас не оскорблял, ничего не случилось, никаких плохих новостей... почему? Откуда пришла эта печаль? Должно быть, вы что-то сделали; возможно, прошел некоторый промежуток времени, возможно, три месяца или три года. И те, кто глубоко проник в это явление, говорят, что, возможно, даже в прошлой жизни... иногда некоторым семенам нужно очень долгое время, чтобы прорасти.

Поэтому дурак продолжает жить по-прежнему, по-дурацки, потому что он не может увидеть, что все страдания в его жизни вызваны его собственным выбором. Этот выбор мог быть сделан очень давно. Год назад вы могли бросить семена, и теперь вы совершенно забыли об этих семенах. Идет дождь, семя начинает прорастать, и вы удивлены — откуда? Откуда берутся эти растения? И, конечно, семена, которые мы продолжаем сеять в своей душе, совершенно невидимы. Возможно, вы были в гневе, насилии, ревности, и это осталось у вас внутри.

Будда говорит: *Оно тлеет в нем, как угли костра.* Оно продолжается у вас внутри, готовится, ждет прихода весны, и тогда внезапно взрывается. Человек ответственен за все, что бы ни случилось с ним. Мудрый человек осознает это, он прекращает сеять семена страдания и начинает сеять семена радости. Рано или поздно вы будете готовы пожать урожай.

Именно это небеса: мудрый человек, сеющий семена блаженства, любви, сострадания. И однажды сад готов. Знаете ли вы? — слово рай (*англ. paradise*) происходит от персидского языка и имеет прекрасное значение. Персидское слово — *фирдаус*; от «фирдаус» произошло английское «*paradise*». «Фирдаус» означает «огражденный сад истины». Если вы продолжаете сеять семена радости, красоты, танца, песни, медитации, молитвы, вскоре вы создадите огражденный сад истины — и это рай. Иначе вы неизбежно создадите ад. Живите бессознательно, живите механически, живите по-дурацки, и на выходе вы получите ад.

Что бы ни изучал дурак,

Это лишь делает его тупее.

Его голова раскалывается от знания.

Дурак не очень заинтересован в том, чтобы стать разумным; становиться разумным опасно. Разумность мятежна, поэтому она опасна. Разумность приносит вам индивидуальность, и в тот момент, когда вы становитесь целостной индивидуальностью, толпы начинают обращаться против вас; они не могут стерпеть индивидуальность. Они не могут простить Иисуса или Будду. Они очень довольны дураками, потому что дураки в точности такие же, как и они — фактически, немного увеличенные, немного украшенные, немного более изощренные. Они очень довольны дураками. Они довольны

политиками, они довольны профессорами, они довольны пандитами, но они не довольны Иисусом, Сократом или Буддой. Почему? — потому что присутствие будды заставляет их чувствовать себя глупыми. Само присутствие будды — и они начинают чувствовать себя глупо. Как они могут его простить?

И они не хотят сами становиться разумными, потому что это долгое путешествие, и в нем нельзя срезать никаких углов. Это трудно, тяжело. Стать разумным значит постоянно обострять свое сознание; стать разумным значит быть полным любви. Любовь является центром разумности, логика — центром интеллектуальности.

Дурак становится интеллектуальным; он может хвастаться тем, что он знает. Он заинтересован в знании. Он будет читать Библию, Веды и Коран, он будет собирать информацию. Он превращает свой ум в компьютер, он становится ходячей Британской Энциклопедией. Это легко и просто; это может быть выполнено машиной; для этого не требуется никакой разумности. А ваши школы, колледжи и университеты лишь превращают людей в компьютеры.

Нам еще предстоит создать университеты, которые обостряли бы разумность. Наши университеты только притупляют разумность, потому что они готовят для общества рабов. Университеты состоят на службе у правящего порядка; они — агенты существующего положения вещей. Они не служат будущему человечества, они служат прошлому, они служат мертвому. Они не заинтересованы в создании разумных, творческих, бдительных, осознающих людей; они заинтересованы в тупых, глупых, но эффективных людях. Служащие, заместители сборщиков налогов, начальники станций — эффективные! Они могут только эффективно выполнять свою работу. И помните, машины более эффективны,

чем люди, поэтому они не заинтересованы в людях; они заинтересованы в низведении людей до машин.

Будда говорит: *Чему бы ни учился дурак, это только делает его тупее.* Чем больше он собирает знания, тем более тупым он становится, тем более глупым он становится. Такое же и мое наблюдение. Я видел невежественных деревенских жителей, которые были гораздо более разумны, чем так называемые кандидаты, доктора и профессора университетов, деканы, ректоры и проректоры. Кажется, это самые тупые люди в мире.

Деревенский житель, дровосек, кажется гораздо более разумным. Конечно, он не располагает никакой информацией; он не знающий — но он невинен, а невинность это часть разумности. Быть знающим значит быть подобным машине — а все машины тупы. Приходилось ли вам когда-нибудь видеть машину, которая была бы разумна? Просто посмотрите на машину, и посмотрите на декана и проректора!..

Фактически, чем вы тупее, тем больше возможность того, что вы станете проректором — потому что политики не захотят, чтобы проректором стал Будда, они не позволят Сократу стать проректором. Вот в чем был обвинен Сократ: что он растлевал молодежь. Сократ — и растлевал молодежь? А эти дураки — судьи, проректоры, премьер-министры и президенты — эти дураки не растлевают? Сократ растлевал молодежь — что они под этим подразумевают?

В определенном смысле они правы: он растлевал молодежь, потому что он готовит ее к будущему. Он должен разрушить прошлое, он должен создать сомнение, поиск, он должен создать искателей, не верующих. Общество хочет верующих, а все тупицы — хорошие верующие. Мусульмане, христиане, индуисты, джайны — чем они тупее, тем больше они верят, тем лучше они верят... потому что тупой человек не может искать, он

не может рисковать. Он боится: он знает, что он не способен сам узнать истину, поэтому он должен верить кому-то другому.

Его голова раскалывается от знания, говорит Будда. Знание не помогает ему, но становится ношей, обременяет тяжестью Гималаев его существо.

*Ибо тогда он ищет признания,
Места прежде других.
Места над другими.*

Его знание становится путешествием эго, а эго есть величайшие оковы из всех существующих. Освобождение от эго есть избавление. Но дурак учится лишь для того, чтобы прославиться, чтобы быть признанным авторитетом, экспертом. Дурак накапливает знание, чтобы хвастаться и выставлять его напоказ, чтобы показать людям, какой он разумный. А разумность не принадлежит эго; разумность приходит лишь тогда, когда вы глубоко в состоянии отсутствия эго. Разумность есть исчезновение эго, встреча и слияние с целым; вы забываете о своей отделенности, становясь волной в океане Бога — тогда вы разумны.

*«Пусть мою работу узнают,
Пусть каждый ищет во мне руководства».
Таковы его желания,
Такова распирающая его гордость.*

Один путь ведет к благополучию и славе...

Будда говорит: Но позвольте мне заставить вас осознать, что, если вы хотите благополучия и славы,

тогда следуйте пути дурака — потому что дурак способен прославиться легче, чем разумный человек. Если разумный человек становится знаменитым, это просто случайность — он никогда не старается. Если разумный человек хорошо известен, это не следствие его усилия. Возможно, его аромат достиг людей, но с его стороны не было никаких позитивных усилий к тому, чтобы быть признанным. Он знает свое существо, он не зависит от признания других. Он знает, кто он, он не нуждается ни в каких чужих удостоверениях.

Когда я закончил университет, я пришел на прием к министру образования. Я сказал ему:

— Вот мой диплом. Если вы можете мне дать какое-нибудь место, мне подходит любое.

Он посмотрел на мои удостоверения, он был очень впечатлен — чепуха впечатляет людей — потому что я был золотым медалистом, первоклассным, первым. Он был очень впечатлен. Он сказал:

— Я сейчас же назначу вас лектором. Но вам нужно сделать одно: есть у вас характеристика?

— У меня есть характер, но нет характеристики. Посмотрите мне в глаза, возьмите меня за руку! Я могу вас обнять!..

— Но это... не в этом дело. Где характеристика?

— У меня нет характеристики.

— Вы можете пойти к проректору или начальнику своего отдела — всего лишь одна характеристика. Это формальность.

— Я не могу просить характеристику у проректора, потому что я не вижу, чтобы у

него вообще был какой-нибудь характер! Какой вес может иметь его характеристика? Глава моего отдела? — я знаю его лучше, чем он сам себя знает. Я не могу дать ему характеристику.

Он был очень озадачен. Он действительно хотел помочь. Фактически, он также и очень заинтересовался мной. Он никогда не сталкивался с таким человеком — к нему приходило столько людей, и никто не говорил:

— Посмотрите мне в глаза, возьмите меня за руку и почувствуйте! Или, я могу прийти к вам и прожить в вашем доме неделю. Просто посмотрите на мой характер со всех возможных сторон. Я даже не буду запира́ть дверь в ванную. Я все оставлю открытым, чтобы вы могли просто продолжать наблюдать!..

— Этого совершенно не нужно! Только простая характеристика.

И я сказал:

— Тогда я могу написать эту простую характеристику сам.

И я так и сделал. Я написал характеристику у него на глазах, и он сказал:

— Что вы делаете? Такого никто никогда не делал: вы сами себе даете характеристику? Нужна подпись кого-то другого!

— Хорошо, тогда я ее подпишу за главу своего отдела, от его имени. Это настоящая копия, — сказал я ему, — я оригинал я возьму у начальника своего отдела.

И я пошел к начальнику своего отдела. Я сказал:

— Я дал себе эту характеристику от вашего имени — пожалуйста, подпишите оригинал.

Он ответил:

— Это странно! Сначала нужен оригинал.

Но ему очень понравилась эта идея, и он дал мне оригинал.

Один путь ведет к благополучию и славе... Если вы следуете пути дурака, вы можете стать очень богатым, очень известным. Вы можете стать президентом страны, премьер-министром страны — вы можете стать кем угодно. Вы можете добиться какого хотите благополучия — только следуйте пути дурака. Не будьте разумным, оставайтесь глупым, потому что, фактически, кто кроме глупца будет гнаться за деньгами? Да, иногда случается так, что деньги приходят к разумному человеку, но они гонятся за ним, он не движется... Иногда к разумному человеку приходит и слава. Она приходит сама собой; он совершенно не заинтересован.

Другой — к концу пути.

Но если вы хотите покончить со всей этой чепухой, которая продолжалась много веков, много жизней, с этим движущимся колесом рождения и смерти; если вы хотите прекратить это, тогда — другой путь, путь разумного человека, путь мудрых... будьте светом самому себе.

Не ищи признания,

Но следуй пробужденному

И сделай себя свободным.

Не беспокойтесь, не стремитесь к признанию. Если вас признают миллионы дураков, какое это имеет значение? Признающие вас миллионы дураков лишь подтверждают, что вы еще больший дурак, чем они. Это больше ничего не доказывает.

Но следуй пробужденному... Что имеет в виду Будда, когда он говорит *следуй пробужденному*? Он не имеет в виду подражание. Он просто говорит, стань пробужденным, как стал пробужденным пробужденный. Будь пробужденным — вот следование пробужденному. Не следуйте в деталях: как он живет, как он ест, когда он ложится спать — это глупость. Следуйте пробужденному в том, чтобы стать пробужденным.

И сделай себя свободным — потому что только осознанность, состояние пробужденного сознания приносит свободу. Медитация есть свобода. Осознанность есть свобода. И те, кто живет механически, бессознательно, неразумно, живут в тюрьмах. Жить в тюрьме значит страдать.

*Следуй пробужденному и сделай себя свободным.
Аэс дхаммо санантано...*

На сегодня достаточно.

Глава 10
Закон —
древний и неисчерпаемый

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Пожалуйста, расскажи нам больше о том, что Ты подразумеваешь под измерением музыки.

Йога Чинмаи, жизнь может быть прожита двумя путями — либо как вычисление, либо как поэзия. У внутреннего существа человека есть две стороны: вычисляющая, которая создает науку, бизнес, политику; и не вычисляющая, которая создает поэзию, скульптуру, музыку. Эти две стороны еще не были соединены мостом, они существуют по-отдельности. Из-за этого человек чрезвычайно обеднен, человек без необходимости остается односторонним — они должны быть соединены мостом.

Говоря языком науки, ваш мозг имеет два полушария. Левое полушарие вычисляет, оно математическое, прозаическое; правое полушарие мозга — поэзия, любовь, песня. Одна сторона — логика, другая — любовь. Одна сторона — силлогизм, другая — песня. И они по-настоящему не соединены, поэтому человек продолжает жить в некоем раздвоении.

Мое усилие здесь в том, чтобы соединить эти два полушария.

Человек должен быть настолько научным, как это только возможно, в том, что касается объективного мира, и настолько музыкальным, как это только возможно, в том, что касается мира отношений.

Вне вас есть два мира. Один — мир объектов: дом, деньги, мебель. Другой — мир людей: жена, муж, мать, дети, друг. С объектами будьте научны; никогда не будьте научны с людьми. Если вы научны с людьми, вы низ-

водите их до объектов, а это одно из величайших преступлений, которые может совершить человек. Если вы обращаетесь со своей женой лишь как с объектом, как с сексуальным объектом, вы ведете себя очень уродливо. Если вы обращаетесь со своим мужем лишь как с финансовой поддержкой, как со средством, тогда это аморально, эти отношения аморальны — это проституция, чистая проституция и не что другое.

Не обращайтесь с людьми как со средствами, они сами по себе цель. Общайтесь с ними — в любви, в уважении. Никогда не обладайте ими и не будьте их собственностью. Не зависьте от них и не заставляйте людей вокруг себя зависеть от вас. Не создавайте зависимости ни в каком виде; оставайтесь независимым и позвольте быть независимыми им.

Это музыка. Это измерение я называю измерением музыки. И, если вы можете быть как это только возможно научным в отношении объектов, ваша жизнь будет богатой, процветающей; если вы можете быть музыкальны, в вашей жизни будет красота. Есть и третье измерение, которое за пределами ума. Эти два принадлежат уму: ученый и художник. Есть третье измерение, невидимое — измерение не-ума. Оно принадлежит мистике. Оно доступно в медитации.

Поэтому я говорю, что нужно запомнить эти три слова — три М, как три Р (дети в начальной школе изучают три R, то есть чтение, письмо и математику, начинающиеся в английском языке на букву «R»: Reading, 'Righting & 'Riphmethics, как это произносят дети): математика, самое низшее; музыка, точно посередине; и медитация, высочайшее. Совершенное человеческое существо научно в отношении объектов, эстетично, музыкально, поэтично с людьми и медитативно с самим собой. Там, где встречаются эти трое, возникает великая радость.

Это настоящая троица, *тримурти*. На Востоке, особенно в Индии, мы поклоняемся месту, в котором встречаются три реки — мы называем его *сангхам*, место встречи. И величайшее из них — Прейяг, где встречаются Ганг, Ямуна и Сарасвати. Вы можете увидеть Ганг и Ямуну, но Сарасвати невидима — вы не можете ее увидеть. Это метафора! Она просто представляет символически внутреннюю встречу этих трех. Вы можете увидеть математику, вы можете увидеть музыку, но вы не можете увидеть медитацию. Вы можете увидеть ученого, его работа — внешняя. Вы можете увидеть художника, его работа — внешняя. Но вы не можете увидеть мистика, его работа субъективна. Это *сарасвати* — невидимая река.

Вы можете стать священным местом, вы можете освятить это тело и эту землю; именно это тело — Будда, именно эта земля — Рай Лотосов. Вот девиз моих саньясинов. Саньясин должен быть высшим синтезом всего того, что есть Бог.

Бог познан лишь тогда, когда вы пришли к синтезу; в противном случае, вы можете верить в Бога, но вы не узнаете. Веровать значит просто скрывать свое невежество. Знать значит трансформировать, лишь знание приносит понимание. Знание это не информация: знание это синтез, интеграция всего вашего потенциала.

Там, где встречаются и становятся одним целым ученый, поэт и мистик — когда происходит этот великий синтез, и в вас выражены все три лица Бога — вы становитесь богом. Тогда вы можете заявить: «Ахам Брахмасми! — Я есть Бог!» Тогда вы можете сказать ветрам, луне, дождю и солнцу: «Ана'ль Хакк! — Я есть истина!» До этого вы — лишь семя.

Когда происходит этот синтез, вы расцвели, распустились — вы стали тысячелепестковым лотосом, золотым лотосом, вечным лотосом, который никогда не

умирает: *азс дхаммо санантано*. Это неисчерпаемый закон, которому веками учили все будды.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

На Западе нас постоянно натаскивают: Не стой просто так — делай что-нибудь! В то время как Будда сказал бы: Не делай что-нибудь просто так — стой! Бессознательный человек реагирует, тогда как мудрый наблюдает. Но как насчет спонтанности? Совместима ли спонтанность с наблюдением?

Будда, несомненно, говорит: Не делай что-то просто так — стой! Но это лишь начало паломничества, не конец. Когда вы научились стоять, когда вы научились быть совершенно молчаливым, неподвижным, безмятежным, когда вы знаете, как просто сидеть... сидя в молчании, ничего не делая, приходит весна, и трава растет сама по себе. Но трава растет, помните!

Действие не исчезает: трава растет сама по себе. Будда не становится бездействующим; великое действие происходит через него, хотя делающего больше нет. Делающий исчез, действие продолжается. Когда делающего нет, действие *спонтанно*, и не может быть иначе. Именно делающий препятствует спонтанности.

Делающий значит эго, эго значит прошлое. Когда вы действуете, вы всегда действуете, исходя из прошлого, вы действуете, исходя из накопленного опыта, вы действуете, исходя из выводов, к которым вы пришли в прошлом. Как вы можете быть спонтанны? Прошлое доминирует, и из-за этого прошлого вы не можете даже

увидеть настоящего. Ваши глаза так полны прошлым, дым прошлого так плотен, что видение невозможно. Вы не можете видеть! Вы почти совершенно слепы — слепы из-за дыма, слепы из-за прошлых выводов, слепы из-за знания.

Знающий человек — самый слепой человек в мире. Поскольку он действует из знания, он не видит того, что происходит. Он просто продолжает механически функционировать. Он чему-то научился; в нем это стало готовым механизмом... он действует из него.

Вот известная история:

В Японии было два храма, враждовавших друг с другом, как и всегда было с храмами на протяжении веков. Священники были настолько против друг друга, что они перестали даже смотреть друг на друга. Если они встречались на дороге, они не замечали друг друга. Если они встречали друг друга на дороге, они не разговаривали; эти храмы и их священники не разговаривали веками.

Но у каждого из священников был мальчик для услуг и поручений. Оба священника боялись, что — в конце концов, дети есть дети — они могут стать друзьями.

Один священник сказал своему мальчику:

— Помни, этот храм — наш враг. Никогда не разговаривай с мальчиком из этого храма! Это опасные люди — избегай их как болезни, беги от них, как от чумы. Избегай их!

Мальчику всегда было интересно, потому что он обычно уставал от великих проповедей — он не мог их понять. Читались странные писания, и он не понимал их языка. Обсуждались великие, высшие проблемы. Ему было не с кем играть, не с кем даже поговорить. И когда ему сказали никогда не разговаривать с мальчиком из

другого храма, для него возникло великое искушение. Именно так возникают искушения.

В тот день он не мог удержаться от того, чтобы заговорить с другим мальчиком. Когда он увидел его на дороге, он спросил:

— Куда ты идешь?

Другой мальчик был немного философом; слушая великую философию, он стал философом. Он ответил:

— Иду? Нет никого, кто приходит и уходит! Это происходит — куда меня несет ветром...

Он слышал, что мастер столько раз говорил, что именно так живет будда, как мертвый лист: он идет туда, куда его несет ветром. И мальчик сказал:

— Я не иду! Делającego нет. Поэтому как я могу идти? Какую чепуху ты говоришь! Я — мертвый лист. Куда меня несет ветром...

Первый мальчик утратил дар речи. Он даже не смог ответить. Он не нашел, что сказать. Он был действительно озадачен, пристыжен, и он почувствовал: «Мой мастер был прав, нельзя говорить с этими людьми — это опасные люди! Что это за разговор? Я задал простой вопрос о том, куда он идет. Фактически, я уже знал, куда он идет, потому что мы оба шли на рынок, чтобы купить овощей. Хватило бы простого ответа».

Он вернулся и сказал своему мастеру:

— Я прошу прощения, извини меня. Ты мне *запрещал*, но я не послушался. Фактически, твой запрет стал для меня искушением. Впервые я заговорил с этими опасными людьми. Я просто задал мальчику простой вопрос: «Куда ты идешь?», и он стал говорить странные вещи: «Нет ухода, нет прихода. Кто приходит? Кто уходит? Я — полная пустота, лишь сухой лист на ветру. И, куда бы ни принес меня ветер...»

Мастер ответил:

— Я же тебе говорил! Завтра пойдешь на то же место, и, когда он подойдет, спроси его: «Куда ты идешь?» И,

когда он начнет говорить все эти вещи, ты просто скажи: «Это правда. Да, ты — сухой лист, как и я. Но когда ветра нет, куда ты идешь? Куда ты можешь идти тогда?» Просто скажи это, и он будет смущен — он должен будет смутиться, он должен будет потерпеть поражение. Мы постоянно спорили, и эти люди никогда не могли победить нас в дебатах. Поэтому завтра это должно быть сделано!

Мальчик рано встал, подготовил ответ и повторил его несколько раз, прежде чем идти. Он остановился в том месте, где второй мальчик обычно переходил дорогу, снова повторил ответ, подготовился и увидел, что приближается второй мальчик. Он сказал: «Ну, теперь держись!»

Мальчик подошел.

— Куда ты идешь? — спросил первый мальчик. Он надеялся, что теперь представится возможность...

— Куда принесут меня ноги... — ответил второй мальчик. Ни малейшего упоминания о ветре! Ни звука о ничто! Ни слова о не-делающем! Что же делать? Весь его заготовленный ответ выглядит абсурдным. Теперь говорить о ветре было бы неуместно.

Снова уложенный на лопатки, теперь действительно пристыженный тем, что он такой глупый, он подумал: «А этот мальчик, без сомнения, знает какие-то странные вещи — теперь он говорит: «Куда принесут меня ноги...»»

Он вернулся к мастеру. Мастер сказал:

— Я же говорил тебе, *никогда* не разговаривай с этими людьми — они опасны! Это наш опыт многих столетий. Но теперь нужно что-то предпринять. Поэтому завтра снова спроси его, куда он идет, и когда он скажет: «Куда принесут меня ноги», скажи ему: «А если бы у тебя не было ног, что тогда?..» Так или иначе, ему придется промолчать.

И вот, на следующий день он спросил:

— Куда ты идешь? — и стал ждать ответа.

— Я иду на рынок за овощами, — ответил второй мальчик.

Обычно человек действует из прошлого, а жизнь продолжает меняться. Жизнь не обязана соответствовать вашим заключениям. Именно поэтому жизнь вызывает такое замешательство — у знающего человека. У него есть все готовые ответы: Бхагавад-Гита, святой Коран, Библия, Веды. Он на все натаскан, он знает все ответы. Но жизнь никогда не задает снова одного и того же вопроса; поэтому знающий человек всегда садится в лужу.

Будда, конечно, говорит: Знай, как сидеть в молчании. Это не значит, что он говорит: Продолжай сидеть в молчании вечно. Он не говорит, что вы должны стать бездеятельным; напротив, именно из молчания возникает действие. Если вы не молчаливы, если вы не знаете, как сидеть в молчании, или стоять в молчании в глубокой медитации, что бы вы ни делали, это реакция, а не действие. Вы реагируете.

Кто-то оскорбляет вас, нажимает на кнопку, и вы реагируете. Вы сердитесь, вы набрасываетесь на него — и вы называете это действием? Это не действие, заметьте, это реакция. Он манипулирующий, а вы манипулируемый. Он нажал на кнопку, и вы действовали как машина. Точно так же вы нажимаете на кнопку, и включается свет, вы нажимаете на кнопку, и свет гаснет — именно это делают с вами люди: они включают и выключают вас.

Кто-то приходит, хвалит вас и раздувает ваше эго, и вы чувствуете себя так прекрасно; затем кто-то приходит и колет вас, и вы уложены на лопатки. Вы не хозяин самому себе: кто угодно может вас оскорбить и сделать вас печальным, злым, раздраженным, раздосадованным,

насильственным, сумасшедшим. Кто угодно может похвалить вас, и вы почувствуете себя на высоте, он может заставить вас почувствовать, что вы величайший — что Александр великий ничто в сравнении с вами.

И вы действуете согласно манипуляциям других. Это не настоящее действие.

Будда пришел в одну деревню, и люди собрались и стали оскорблять его. И они использовали все оскорбительные слова, которые только могли — все трехбуквенные слова, которые они знали. Будда стоял и слушал, молча, очень внимательно, и затем сказал:

— Спасибо, что вы пришли ради меня, но я тороплюсь. Я должен добраться до следующей деревни, меня будут ждать. Сегодня я не могу посвятить вам больше времени, но завтра, на обратном пути, у меня его будет больше. Вы можете собраться снова, и, если завтра останется что-то, что вы хотели мне сказать и не могли, вы можете это мне сказать. Но сегодня — извините меня.

Эти люди не могли поверить своим ушам, своим глазам: этот человек оставался совершенно незатронутым, верным себе. Один из них спросил:

— Ты слышишь, что мы говорим? Мы ругаем тебя последними словами, и ты даже не отвечаешь!

— Если вы хотите ответа, — сказал Будда, — вы пришли слишком поздно. Вам следовало прийти десять лет назад, и тогда я ответил бы вам. Но за эти десять лет я перестал позволять другим манипулировать собой. Я больше не раб, я хозяин самому себе. Я действую согласно самому себе, не кому-нибудь другому. Я действую в соответствии со своей внутренней потребностью. Вы не можете меня ни к чему вынудить. Это совершенно нормально: вы хотели меня оскорбить, и вы меня оскорбили. Будьте удовлетворены. Вы прекрасно сделали свою работу. Но, насколько это касается меня, я не принимаю

ваших оскорблений, и, пока я их не принимаю, они бессмысленны.

Когда кто-то вас оскорбляет, вы должны стать приемником, вы должны принять то, что он говорит; лишь тогда вы можете реагировать. Но, если вы не принимаете, если вы просто остаетесь отстраненным, если вы держите дистанцию, если вы остаетесь спокойным, что он может сделать?

Будда сказал:

— Можно бросить в реку зажженный светильник. Он будет гореть, пока не достигнет реки. В то мгновение, когда он упал в реку, пламени нет — река остудила его. Я стал рекой. Вы бросаете в меня оскорбления. Они горят, пока вы их бросаете, но, в то мгновение, когда они достигают меня, они теряются в моем спокойствии. Они больше не ранят. Вы бросаете шипы — падая в мое молчание, они становятся цветами. Я действую из своей собственной внутренней природы.

Это спонтанность. Человек осознанности, понимания действует. Человек, который неосознан, бессознателен, механичен, подобен роботу, реагирует.

Куртис, ты спрашиваешь меня: «Бессознательный человек реагирует, тогда как мудрый наблюдает». Он не просто наблюдает — наблюдение это один из аспектов его существа. Он не действует без наблюдения. Но не пойми Будду неправильно. Будд всегда понимали неправильно; ты не первый, кто неправильно понимает. Вся эта страна неправильно понимала Будду; поэтому вся страна стала бездеятельной. Думая, что все великие мастера говорят: Сиди в молчании, эта страна стала ленивой, вшивой; эта страна утратила всю энергию, жизненную силу, жизнь. Она стала совершенно тупой, неразумной, потому что разумность обостряется, лишь когда вы действуете.

И когда вы действуете от мгновения к мгновению из своей осознанности и наблюдения, возникает великая разумность. Вы начинаете светиться, гореть, вы становитесь сияющим. Но это происходит благодаря двум вещам: наблюдению и действию из наблюдения. Если наблюдение становится бездеятельностью, вы совершаете самоубийство. Наблюдение должно вести к действию, к новому виду действия; в действие привнесено новое качество.

Вы наблюдаете, вы совершенно спокойны и молчаливы. Вы видите, какова ситуация, и из этого видения вы отвечаете. Человек осознанности отвечает, он ответственен — в буквальном смысле! Он отвечает, он не реагирует. Его действие рождается из осознанности, не из манипуляции; в этом разница. Поэтому, нет вопроса о несовместимости наблюдения и спонтанности. Наблюдение это начало спонтанности; спонтанность это осуществление наблюдения.

Настоящий человек понимания действует — действует полностью, действует тотально, но он в каждое мгновение действует из своего сознания. Он подобен зеркалу. Обычный человек, бессознательный человек, не подобен зеркалу, он подобен фотопленке. В чем разница между зеркалом и фотопленкой? Фотопленка, будучи раз использованной, становится бесполезной. Она получает впечатление, подвергается воздействию — и удерживает фотографию. Но помните, фотография это не реальность — реальность постоянно растет. Вы можете пойти в сад и сфотографировать розовый куст. Завтра фотография останется прежней, послезавтра фотография также останется прежней. Снова пойдите и посмотрите на розовый куст: он больше не прежний. Старые розы исчезли, новые расцвели. Случилась тысяча и одна вещь.

Говорят, что однажды философ-реалист пришел к известному художнику, Пикассо. Философ верил в реализм, и он пришел критиковать Пикассо за то, что его картины абстрактны, не реалистичны. Они не изображают реальность, как она есть. Напротив, они символичны, они имеют совершенно другое измерение — они символичны.

Реалист сказал:

— Мне не нравятся ваши картины. Живопись должна быть реальной! Если вы рисуете мою жену, ее портрет должен и *выглядеть*, как моя жена.

И он достал фотографию своей жены:

— Посмотрите на эту фотографию! Картина должна быть такой же.

Пикассо посмотрел на фотографию и спросил:

— Это ваша жена?

— Да, это моя жена, — ответил философ.

— Удивительно! — сказал Пикассо. — Она такая маленькая и плоская!

Фотография не может быть женой!

Рассказывают еще одну историю:

Красивая женщина пришла к Пикассо и сказала:

— Вчера я видела ваш автопортрет в доме моего друга. Он был такой красивый, он произвел на меня такое впечатление, что я обняла его и поцеловала.

Пикассо сказал:

— Правда? И что он сделал? Поцеловал ли он вас в ответ?

— Вы сумасшедший?! — сказала женщина. — Нет, портрет не поцеловал меня.

— Тогда это был не я, — ответил Пикассо.

Картина это мертвая вещь. Фотоаппарат, фото- пленка ловит только статичное явление. Жизнь никогда не статична, она продолжает меняться. Ваш ум действует как фотоаппарат, он продолжает собирать фотографии — это альбом. И тогда, исходя из этих фотографий, вы продолжаете реагировать. Поэтому вы никогда не прав- дивы с жизнью, и, что бы вы ни делали, неправильно; я говорю, *что бы вы ни делали*, неправильно. Это ни- когда не подходит.

Женщина показывала своему ребенку семейный фотоальбом. На одной из фотографий был красивый мужчина: длинные волосы, борода, очень молодой, очень живой.

Мальчик спросил:

— Мама, кто это?

— Ты не узнаешь? — ответила женщина. — Это твой папа.

С озадаченным видом мальчик спросил:

— Если *это* мой папа, тогда кто этот лысый чело- век, который живет с нами?

Фотография статична. Она всегда остается такой же, она никогда не меняется. Бессознательный ум дей- ствует как фотоаппарат, он действует как фотопленка. Наблюдающий ум, медитативный ум действует как зер- кало. Оно не ловит впечатление; оно остается совер- шенно пустым, всегда пустым. Поэтому, что бы ни прошло мимо зеркала, оно отражается. Если вы стоите перед зеркалом, оно отражает вас. Если вы ушли, не говорите, что зеркало предало вас. Зеркало это только зеркало. Когда вас больше нет, оно больше не отражает вас; оно не обязано отражать вас дальше. Теперь кто-то другой стоит перед ним — оно отражает кого-то другого.

Если нет никого, оно ничего не отражает. Оно всегда верно жизни.

Фотопленка никогда не верна жизни. Даже если фотография сделана прямо сейчас, к тому времени, как фотограф достанет ее из фотоаппарата, вы уже другой! Много воды уже утекло в Ганге. Вы выросли, изме- нились, вы стали старше. Возможно, прошла лишь ми- нута, но одна минута иногда это великая вещь — вы можете умереть! Только минуту назад вы были живы; возможно, через минуту вы уже мертвы. Фотография никогда не умирает.

Но в зеркале, если вы живы, вы живы; если вы мертвы, вы мертвы.

Будда говорит: Научись сидеть в молчании — стань зеркалом. Молчание делает ваше сознание зеркалом, и тогда вы действуете от мгновения к мгновению. Вы отражаете жизнь. Вы не носите у себя в голове никаких альбомов. Тогда ваши глаза ясны и невинны, у вас есть ясность, у вас есть видение, и вы всегда верны жизни.

Это подлинная жизнь.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Почему никому не нравится, когда его критикуют, тогда как каждый любит кри- тиковать других?

Гайатри, эго очень чувствительно и очень хрупко, оно очень боится критики. Эго зависит от чужих мнений. Оно не имеет собственной реальности. Оно не является реальной сущностью, оно не вещественно — это просто набор чужих мнений.

Кто-то говорит: «Ты красивый», и ты подбираешь это. Кто-то говорит: «Ты умный», и ты подбираешь это. Еще кто-то говорит: «Я никогда не встречал такого уникального человека», и ты подбираешь это. И тогда однажды приходит человек, который говорит: «Ты отвратительный!» Как ты можешь теперь принять эту критику? Это противоречит тому образу себя, который ты создал. Ты дашь сдачи, ты будешь драться зубами и когтями. Но, что бы ты ни сделал, твой ум будет иметь в виду и это мнение. Тогда, кто-то говорит: «Ты уродливый», кто-то говорит: «Ты глупый». В мире миллионы людей, и у всех свои мнения, симпатии и антипатии.

Таким образом твое эго становится беспорядочным нагромождением; оно очень противоречиво. Один фрагмент говорит: «Ты красивый!», другой говорит: «Чепуха, ты уродливый!» Один фрагмент говорит: «Ты умный!», другой говорит: «Замолчи! Закрой рот! Ты просто глупец и не кто другой!» Поэтому люди живут в смущенном состоянии. Они не знают, кто они, умны ли они или глупы, красивы или уродливы, хороши или плохи, святые или грешники — потому что один человек может назвать тебя святым, другой — грешником. В мире есть различные ценности и различные критерии, в мире есть разные морали.

Твой сосед может быть христианином, а ты можешь быть джайном. Для христианина вино это не проблема; фактически, сам Христос любил вино. Но джайну даже в страшном сне не приснится, чтобы Махавира пил вино. Это невозможно, эта мысль неприемлема. Но для христианина величайшим из всех чудес Иисуса является то, что он превращал воду в вино. Если бы поблизости был Махавира, он татчас же совершил бы противоположное чудо! Он превратил бы вино в воду.

Если ты иногда пьешь вино, святой ты или грешник? Разные люди говорят разное. В ашраме Махатмы

Ганди был запрещен чай; что говорить о вине! Был запрещен чай, несчастный чай, невинный чай! А все буддистские монахи веками пили чай. Фактически, они думали, что питье чая помогает медитации, и, возможно, в этом есть доля правды, потому что чай заставляет вас бодрствовать. А у буддистов такие медитации, что вам хочется задремать: сидя часами в одной и той же позе... Просто попробуйте. Через десять минут вам начнут сниться сны. Через час невозможно не заснуть.

Возможно, чай помогал. Фактически, чай был открыт буддистами. Один из величайших буддистских мастеров, Бодхидхарма, открыл чай. Слово «чай» (*англ. tea*) происходит от названия монастыря, Та, в котором Бодхидхарма жил в Китае. Этот монастырь находился на вершине холма Та. Китайское «та» можно произносить двумя способами: как «та» и «ча» — отсюда «чай» в хинди, «ча» в маратхи, «ти» в английском. Бодхидхарма, великий основатель дзен, открыл его.

В католических монастырях веками производилось вино. Вы удивитесь, узнав о том, что лучшее вино производилось католическими монахами и монахинями. Самое старое вино в Европе доступно только в погребах древних монастырей, самое старое и самое лучшее. Вино, сделанное в монастырях? Что это за монастыри? Кто будет решать?

Фактически, снова в этом есть зерно истины. Буддистские медитации означают наблюдение, а в чае есть определенные химические вещества, которые помогают наблюдению — стимулируют. Возможно, однажды придет другой бодхидхарма и скажет: «Курение хорошо», потому что в табаке также есть стимулирующее вещество — никотин. Если чай может помочь медитации, может и курение. Курение все еще ждет своего Бодхидхарму. Тогда вы сможете курить и чувствовать себя очень доб-

родетельными, вы будете чувствовать себя более святыми!

Вино стало частью творчества монастырей не случайно. Иисус говорит: Молиться значит утонуть в Боге. Путь Иисуса есть путь любви, путь Будды — путь медитации; поэтому Будда никогда не согласился бы с вином, но с чаем — возможно, да. Иисус согласен на вино, потому что вино дает вам вкус того, как совершенно потеряться, выйти из эго, забыть эго и все его тревоги. Оно дает вам вкус, проблеск неизвестного.

Но кто будет решать, что правильно, а что неправильно? Все эти вещи в атмосфере вокруг вас, и вы можете их поймать. Из этих вещей вы можете создать определенный образ; он неизбежно будет беспорядочным, он не может быть ясно очерченным. Поэтому вы так боитесь, когда кто-то критикует вас — он выносит вашу беспорядочность на поверхность. Вы не против его критики; вы против того, что он выносит на поверхность проблемы, которые вы как-то подавляли в себе. Он заставляет вас осознать эти проблемы, а никто не хочет осознавать проблемы, потому что тогда они должны быть решены, а это сложная и тяжелая задача. Чтобы решать проблемы, нужен характер. Возможно, вы не хотите, чтобы проблемы были решены, потому что вы могли многое вложить в эти проблемы — вы *должны были* многое вложить, вы жили с ними так долго, что вы должны были вложить в них многое. Возможно, вы не хотите менять свой стиль жизни. Если вы несчастны, возможно, вы хотите оставаться несчастным — что бы вы ни говорили на поверхности, это не имеет значения. Несмотря на то, что вы говорите, глубоко внутри вы все же хотите оставаться несчастным.

Например, жена знает, что ее муж становится с ней любящим, только когда она болеет. Когда она здорова, он просто забывает о ней, когда она здорова, он со-

вершенно не заботится о ней. Когда она больна, из чистого чувства долга, ответственности он приходит, садится рядом с ней и гладит ее по голове; иначе он даже не смотрите на нее. Спросите мужей, когда они в последний раз смотрели на своих жен — лицом к лицу. Возможно, вы сможете узнать свою собаку, если она потеряется, но если потеряется жена, вам придется обратиться к соседям, потому что они скорее узнают ее — так же как и вы скорее узнаете жену соседа. Кто смотрит на свою собственную жену?

Мулла Насреддин пошел посмотреть пьесу. В этой пьесе мужчина был так влюблен, действовал так романтично, что Насреддин сказал своей жене:

— Этот человек великий актер.

Жена сказала:

— Ты знаешь, эта женщина, с которой он играет, и в самом деле его жена.

— Тогда он величайший актер в мире, — ответил Насреддин.

Вести себя так романтично с собственной женой... это почти невозможно.

Я двадцать лет путешествовал по этой стране. Я останавливался в тысячах домов, и я постоянно видел: когда мужа нет дома, жена кажется очень веселой, очень довольной. Когда входит муж, в то же мгновение у нее начинает болеть голова, и она ложится в постель. И я наблюдал, потому что я находился в доме. Только секунду назад все было в порядке — как будто вошел не муж, а головная боль.

Постепенно я понял эту логику. Это большие вложения. И помните, я не говорю, что она просто притворяется. Если вы притворяетесь слишком долго, это может стать реальностью, это может стать самогипнозом.

Я не говорю, что она не страдает от головной боли, помните. Возможно, она страдает: одного лица мужа достаточно, чтобы запустить этот процесс! Это случалось так много раз, что теперь это стало автоматическим процессом. Я не говорю, что она обманывает мужа; она сама обманута собственными вложениями.

Вы имеете определенный образ и не хотите его менять, а критика означает очередное беспокойство.

Конечно, вы знаете сказку о Красной Шапочке.

Маленькая девочка пошла проведать свою бабушку, которая жила в лесу. Нехороший волк, который хотел ее съесть, занял место бабушки в постели, одним махом проглотив ее. Потом он лег под одеяло, надев бабушкину ночную рубашку и чепчик.

Когда Красная Шапочка вошла, она заметила, что что-то не так, и, глядя бабушке в глаза, спросила:

- Бабушка, какие у тебя большие глаза!
- Это чтобы лучше видеть тебя, моя дорогая.
- Бабушка, какие у тебя большие уши!
- Это чтобы лучше слышать тебя, моя дорогая.
- Бабушка, какие у тебя большие руки!
- Это чтобы лучше обнять тебя, моя дорогая.
- Бабушка, какие у тебя мохнатые руки!
- Ты что, пришла сюда только для того, чтобы критиковать меня?

Всему есть предел. Никто не любит, чтобы его слишком много критиковали. Но, с другой стороны, каждый любит критиковать других; это позволяет вам чувствовать себя хорошо. Если все вокруг обманщики, нечестные, коварные люди, это позволяет вам чувствовать себя хорошо: вы не так плохи, вы не так нечестны. Это сравнение расслабляет вас. Оно помогает вам оставаться нечестным, потому что люди еще более нечестны,

чем вы. Как вы можете выжить в этом нечестном мире? Вы должны играть по правилам.

Каждое утро, рано утром вы читаете газету, и это всегда дает вам хорошее чувство — так много всего происходит в мире, так много уродливых вещей, так много насилия, убийств, самоубийств, изнасилований, ограблений, что в сравнении со всем этим вы просто святой. Поэтому люди любят читать по утрам не Библию, не Гиту, а газету! Читая Гиту, вы чувствуете себя грешником, читая Библию, вы содрагаетесь, вас неизбежно ожидает ад, вы на пути к нему. Все писания описывают ад так ярко, так красочно, что кто угодно может испугаться. И одно кажется определенным: вы не можете достичь небес. Это кажется невозможным, это требует невозможных вещей.

Никто не любит читать писания, никто не любит слушать писания. Именно поэтому, если вы пойдете в храм, вы найдете; что почти все крепко спят. Я знаю некоторых врачей, которые посылают людей на религиозные лекции, если они страдают бессонницей. Если никакие транквилизаторы не помогают, не волнуйтесь: сходите на религиозную лекцию. Это лучший из транквилизаторов — до сих пор ему не было равных. Слушая религиозную лекцию, человек начинает засыпать. Это защита, это бегство: в противном случае, становится совершенно определенным, что небеса не для вас; вам предстоит отправиться в ад. И это тревожит ваше сердце, возникает страх, и, кажется, нет способа этого избежать.

Поэтому все любят критиковать, и не только критиковать — каждый любит преувеличивать недостатки других. Вы пытаетесь сделать недостатки других как можно больше, и, в сравнении с ними, ваши недостатки простительны. А Бог сострадателен: *Рахим! Рехман!* Бог есть сострадание! У вас такие маленькие недостатки, что глядя на мир, в котором так много грешников...

Вы можете быть совершенно уверены, что, когда придет Судный День, ваш номер не будет назван, вы не будете названы. Очередь будет слишком длинной, а все должно быть решено за двадцать четыре часа. Миллионы и миллионы людей за один Судный День — Чингиз-хан и Тамерлан, Александр Великий и Адольф Гитлер, Муссолини, Иосиф Сталин и Мао-цзе-Дун... все эти люди будут в первых рядах. Вы будете крайним в очереди. Ваша очередь не подойдет. Вы можете быть уверены в этом, если вы смотрите на людей через увеличительное стекло.

После очередного тайма футбольного матча судья нашел в зале свою жену и сказал ей, что будет лучше, если она не будет присутствовать на матчах, которые ему предстоит судить.

— В конце концов, — сказал он, — тебе, наверное, было довольно неприятно, когда все столпились вокруг меня и стали кричать «судью на мыло»!

— Это было не так плохо, — ответила она. — Я тоже стояла и кричала.

Эго не хочет подвергаться критике, но хочет критиковать каждого. Начни осознавать стратегию эго, как оно питает себя, как оно защищает себя. Пока ты не будешь абсолютно ясно осознавать все хитрые стратегии эго, ты никогда не сможешь от него избавиться. А избавиться от эго — это начало религиозной жизни, начало саньясы. Тогда тебя больше не беспокоит, что говорят о тебе другие.

Просто посмотри на меня... Весь мир продолжает критиковать меня. Я даже этого не читаю. Каждый день Лакшми приносит сотни репортажей, появляющихся на разных языках в разных странах. Кого это волнует? Если они наслаждаются сплетнями, пусть наслаждаются; в их

жизни больше нечем наслаждаться. Пусть они немного позабавятся. В этом нет ничего плохого, они не могут мне повредить. Они могут разрушить мое тело, но они не могут повредить мне. У меня нет образа самого себя; они не могут разрушить и его. Я не реагирую, я действую. Мои действия вырастают из самого меня, они не зависят от манипуляций других. Я действую по своему усмотрению.

Научись искусству действовать по своему усмотрению. Не беспокойся о критике, не интересуйся похвалами. Если ты заинтересован в том, чтобы тебя хвалили другие, ты не сможешь не обращать внимания на критику. Оставайся отстраненным. Успех или неудача, это одно и то же. *Аэс дхаммо санантано.*

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Хотя я и хочу сдать Тебе и принять саньясу, я чувствую, что я бессилён это сделать. Почему это так? Пожалуйста, проясни.

С. Д. Прасад, это очень просто, здесь нечего прояснить. Ты боишься людей, ты боишься общества. Ты боишься правящей церкви, ты боишься правящей религии, священников, политиков — ты просто испуган. Тебе препятствует этот страх. Саньяса требует храбрости, саньяса требует мужества, в особенности моя саньяса.

Старая саньяса больше не требует мужества, потому что она уже является частью существующего положения вещей. Она принята, уважаема. Если ты станешь саньясином старого образца, люди будут поклоняться тебе. Если ты станешь *моим* саньясином, ты будешь в

постоянной опасности. Люди подумают, что ты сумасшедший, люди подумают, что ты загипнотизирован. Люди подумают, что с тобой что-то не в порядке — что ты свихнулся. Люди скажут: «Такой хороший человек! Мы никогда не думали, нам и не снилось, что это случится с тобой».

Люди будут смеяться, сплетничать, распускать о тебе слухи, они создадут для тебя тысячу и одно беспокойство. А ты должен сосуществовать с людьми, ты должен с ними жить. На каждом шагу они будут создавать препятствия, они будут совать тебе палки в колеса. И не только те, кто является частью большего общества, но и очень близкие: твоя жена может создать для тебя столько проблем... твои родители, твои дети. Тебе придется сталкиваться с трудностями со всех сторон.

Ты испуган. Просто попытайся понять свой страх, и тогда это просто. Как только ты увидишь, что это страх, отбрось его. Вопреки всем страхам прыгни в саньясу, потому что оставаться в страхе значит стать трусом, оставаться в страхе значит упустить всю радость жизни. Жизнь принадлежит тем, кто знает, как рисковать. Жизнь принадлежит искателям приключений, а саньяса это величайшее приключение из всех возможных. И, поскольку я приношу в мир совершенно новую концепцию саньясы — саньясу, которая не является бегством, саньясу, которая не верит в отречение, саньясу, которая верит в радость, саньясу, которая хочет жить в миру и все же быть не от мира...

Старая саньяса проста: ты бежишь от мира, ты избегаешь возможностей искушения, ты бежишь в гималайские пещеры. Сидя там, ты будешь святым, потому что у тебя нет других возможностей. Тебе приходится быть святым. Что еще ты можешь там делать?

В мире существуют всевозможные искушения. Быть святым в мире это нечто роскошное, нечто неза-

урядное. Если в гималайских пещерах нет женщин... я не думаю, что они там есть. Женщины никогда не были настолько глупы; они более приземленные, они более интуитивные, они не интеллектуалы. Они очень реалистичны, они не гоняются за словами, теориями и философиями. Именно мужчина слишком привязывается к абстракциям. Женщина не слишком беспокоится о другом мире, она хочет красивое сари *здесь и сейчас!* Ты дурак, если ты ожидаешь найти на небесах какую-нибудь красивую женщину.

Женский ум не слишком беспокоится о другом мире. Женский ум говорит: «Посмотрим. Если мы можем справиться здесь, справимся и там. Если мы можем найти дурака здесь, те же самые дураки будут и там. Зачем беспокоиться о другом мире?»

Но мужчина живет в абстракциях. Это величайший изъян мужского ума. Он живет в теориях. Он так загипнотизирован словами, что готов принести им в жертву саму жизнь. Он готов уйти в пещеры, отречься от этой жизни, чтобы достичь другой жизни. Он живет в прошлом, он живет в будущем. Женщина более живет в настоящем. Поэтому в гималайских пещерах нет женщин. Ты можешь пойти и сесть там, и видеть самые разные сны, но там нет возможности. Там нет денег, там нет власти, там нет красоты — там нет ничего! Сидя в своей пещере, постепенно ты становишься более и более тупым; это вид постепенного самоубийства.

Моя саньяса не в том, чтобы отбросить мир, а в том, чтобы идти в него глубже, идти к самому его центру, потому что в самом центре мира — Бог. Бог является душой мира. Ты не можешь его найти, убегая от мира. Ты можешь его найти, лишь идя в мир глубже и глубже. Когда ты достигнешь самого центра существования, ты найдешь его. Он скрыт в мире, весь мир пропитан им. Он в деревьях, и в скалах, и в птицах, и в людях. Да, он

в вашей жене, в вашем муже и в ваших детях. Он в вас! И лучшая возможность его найти — в мире, не вне мира.

Уход из мира очень привлекателен; и это также от страха. Беглец труслив; он не может быть достаточно наблюдательным, чтобы жить в мире, и все же не подвергаться его воздействию. Он не может быть настолько наблюдательным — он недостаточно разумен, он не может совершить такого усилия, чтобы проснуться — поэтому он бежит. Он — трус.

Поэтому, С. Д. Прасад, старая саньяса, возможно, прекрасно тебе подходит, но она не поможет. Ты останешься трусом, ты останешься управляемым страхом. На поверхности кажется, что саньясин, оставляющий мир, очень смел. Это не так. Не обманывайся внешней видимостью. Солдат, который идет на войну, кажется смелым — не обманывайся внешней видимостью — глубоко внутри он дрожит, он боится.

Адольф Гитлер готовил свой гардероб ко второй мрачной зиме на ледяном фронте в России.

— Мой фюрер, — предложил один офицер из его свиты, — вспомните, что делал Наполеон, когда он был в России. Он носил ярко красную форму, чтобы, если он будет ранен, его люди не замечали, что он в крови.

— Прекрасная мысль! Прекрасная мысль! — задумчиво сказал Гитлер. — Дай-ка мне вон те коричневые штаны.

Не обманывайся внешней видимостью. Даже такие люди, как Адольф Гитлер, очень боятся, дрожат. И твои так называемые саньясины, которые бежали от мира, бежали из страха.

Я учу тебя пути бесстрашия. Тебя удерживает прос-
то страх и не что другое, хотя ты и не будешь очень доволен моим ответом. Должно быть, ты ожидал, что я

скажу что-то очень приятное для твоего эго. Извини, я не могу говорить неправду. Я могу говорить только правду, и если она ранит, она ранит. Лишь благодаря правде свет начинает проникать в твое существо. Поэтому, если ты чувствуешь себя задетым... потому что твое имя мне незнакомо, должно быть, ты здесь недавно. Я никогда не бываю так груб с новыми людьми, но я вижу в тебе возможность, и поэтому я так резок.

Когда я вижу в человеке возможность, я веду себя резко. Если я не вижу возможности, я остаюсь вежливым. Если я вежлив, это просто означает, что я хочу от тебя избавиться. Если я резок, если я изо всей силы бью тебя по голове, это означает, что я уже начал тебя уважать.

Пятый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я очень жаден в отношении денег. Не думаешь ли Ты, что в прошлой жизни я был евреем?

Суреш, почему в прошлой жизни? Ты еврей прямо сейчас! Лишь то, что ты родился в Индии, лишь то, что ты родился в индуистской семье ничего не значит. «Еврей» это не национальность, это психология, это метафизика. *Марвари* еврей — индийский еврей. Фактически, каждый, кто жаден, еврей — жадность еврейское свойство.

Иисус не еврей, хотя он был рожден евреем — в нем нет ничего еврейского. Когда я использую такие слова, как «еврей», всегда помните, что я не говорю о национальности. Я не интересуюсь кровью. Иудейская, христианская и индуистская кровь ни в чем не отли-

чаются. Ты можешь взять несколько образцов — здесь ты можешь получить все возможные образцы — отнести их к врачу и спросить, какая кровь иудейская, какая — индуистская, а какая — христианская, и он будет растерян. Он не сможет этого установить — кровь есть кровь! Конечно, есть разные типы крови, но они не иудейские, индуистские или буддистские.

«Еврей» это не что иное, как другое название для жадности. В этом смысле весь мир состоит из евреев, кроме нескольких исключительных людей. Еврей почти каждый! Или ты Иисус, или ты еврей — есть лишь две возможности. Если ты не хочешь быть евреем, будь Иисусом. И не пытайся утешить себя тем, что в прошлой жизни... Это изобретения и уловки человеческого ума: «Может быть, в прошлой жизни я был евреем». Ты еврей прямо сейчас. Перекладывая ответственность на прошлую жизнь, ты оказываешься ни при чем; тогда ты можешь продолжать в том же духе.

Старый еврей предлагает проститутке двойную плату, если она в процессе любви будет держать обе руки у него на голове. После она спрашивает его, какое особенное удовольствие он от этого получает.

— Дело не в удовольствии, — говорит он, доставая из кармана толстую пачку банкнот. — Но за два лишних доллара я могу быть уверен, что твои руки у меня на голове, а не в карманах.

Еще одна история для тебя, Суреш:

Удалившийся от дел еврейский предприниматель был почти разорен своими сыновьями, которые требовали денег, чтобы заплатить забеременевшим от них девушкам. Но он платил, чтобы уберечь родовое имя от позора.

Через некоторое время его дочь пришла к нему и призналась:

— Папа, я беременна.

— Слава Богу, бизнес идет на лад, — сказал старик.

И третья история:

Комната наполнена евреями, обсуждающих, какой бизнес самый лучший. В конце концов, боротатый старик говорит:

— Давайте перестанем врать друг другу. Самый лучший бизнес — публичный дом: это у них есть, они его продают, и оно все равно есть.

— Что вы такое говорите! — кричит другой старик.

— Что я говорю? Я говорю: ни ремонта, ни содержания, ни инвентаря — что может с этим сравниться? И, к тому же, это всегда опт.

Жадность это еврейское свойство, и в этом смысле каждый еврей. И помни, что жадность это проекция страха. Именно из-за страха человек становится жадным. Он так боится, что хочет накопить на будущее. Он так боится, что жертвует сегодня ради завтра, а завтра никогда не приходит. Жадный человек — самый глупый человек в мире. Будда называет его «дураком» — непревзойденным дураком, потому что он продолжает жертвовать настоящим ради будущего, которое никогда не приходит. Он копит деньги, но не может их использовать; он остается бедным.

Жадный человек никогда не становится богатым. У него может быть в распоряжении весь мир, но он остается бедным. Он не может этим наслаждаться, ему не позволяет жадность. Он остается скупцом. Он всегда так боится будущего, что не может расстаться со своими деньгами. Он копит, копит, тратит впустую всю свою жизнь, и однажды он умирает. Он был бедным всю

жизнь — он пришел с пустыми руками, ушел с пустыми руками, и вся его жизнь утекла без всякого смысла.

Не пытайся утешить себя тем, что в прошлой жизни ты был евреем. Посмотри на свое существо! Ты еврей *сейчас*. Тогда есть возможность, что ты увидишь: «Я еврей, я жаден. Откуда берется моя жадность?» Иди в жадность глубоко, анализируй жадность, и ты найдешь страх. И, когда ты находишь страх, ты подошел к самой основе.

Есть лишь два способа прожить жизнь: жизнь страха и жизнь любви. Человек, живущий из страха, становится жадным, становится агрессивным, становится насильственным, становится эгоистичным. Человек, который живет из любви, вынужден не быть жадным, потому что любовь знает, как делиться. Любовь наслаждается щедростью, любовь не знает большей радости, чем делиться. Любовь делится всем, что бы она ни имела. И любовь узнает великий секрет: чем больше ты делишься, тем больше любовной энергии постоянно достигает тебя, бьющей из неизвестного, неисчерпаемого ключа — *аэс дхаммо санантано*.

Чем больше ты любишь, тем более ты в молитве. Чем больше ты любишь, тем большее дает тебе Бог, потому что даешь ты. Что бы ты ни делал с людьми, Бог делает то же с тобой. Если ты делишься, делится Бог. Существование это лишь зеркало, оно отражает твое лицо, оно отзывается эхом на твое существо. Живи любовью, и ты будешь Иисусом.

Иисус говорит: Бог есть любовь. Живи страхом, и ты будешь евреем. Ты можешь быть индуистским, мусульманским или христианским евреем — это не имеет значения.

Последний вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Почему я не понимаю тебя?

Рам Гопал, понимание это второй шаг. Первый шаг — услышать. Ты упускаешь первый шаг; тогда второй шаг невозможен.

Когда ты слушаешь меня, в твоём уме роится тысяча и одна мысль. Они делают тебя глухим. Мои слова никогда не достигают тебя в своей чистоте, в целостности. Они искажены, они окрашены твоими мыслями, твоими предрассудками, заключениями, к которым ты уже пришел. Ты слушаешь меня через свое знание — именно поэтому ты *не* слушаешь. И, что бы ни достигло тебя, это нечто совершенно другое, нежели чем то, что было передано. Я говорю одно, ты продолжаешь слышать другое; отсюда непонимание. Вот почему ты не понимаешь меня; иначе — я говорю очень простыми словами.

Я не пользуюсь интеллектуальным жаргоном, я использую повседневный язык. Я никогда не использую больших слов — мои слова простые, простые, насколько это возможно. Если ты не понимаешь, это просто означает, что каким-то образом ты внутренне глух. Великий шум слов, мыслей, заключений, теорий, предрассудков, знания и опыта — индуистских, мусульманских, христианских, иудейских — все это там, внутри. Мне очень трудно найти путь к тебе. Почти невозможно тебя достичь.

Это не вопрос понимания. Понимание расцветет само собой, если ты можешь сделать одно: если ты можешь *слушать*, если ты можешь позволить мне достичь тебя, если ты можешь открыть свое сердце, если ты не глухой — тогда обязательно случится понимание. Услышанная истина понятна, всегда понятна. Понимание не требует никаких других усилий, оно требует просто открытости, уязвимости. Просто открой мне

окно, хватит лишь окна, и я проскользну в тебя. Хватит лишь окна. Если ты не можешь открыть парадную дверь, не беспокойся, подойдет и черный ход. Но открой мне какую-нибудь дверь, позволь мне войти, и тогда невозможно не понять, невозможно понять неправильно.

Истина обладает такой ясностью, что, однажды понятая, она трансформирует твою жизнь. Однажды услышанная, она понята. Истина это очень простой процесс: однажды услышанная, она понята; однажды понятая, она трансформирует твою жизнь. Если ты правильно услышал, ты никогда не спрашиваешь, как понимать. Если ты правильно понял, ты никогда не спрашиваешь: «Как мне теперь трансформировать свою жизнь в соответствии с ней?» Истина трансформирует, истина освобождает.

Медитируй над этим анекдотом:

Нью-Йорк. Человек заходит в бар и заказывает два виски, для себя и для своего друга. Бармэн наливает два виски, и человек ставит один бокал на миниатюрный рояль, который он достает из чемоданчика. Из того же чемоданчика появляется человечек в вечернем костюме ростом в тридцать сантиметров, садится за пианино и начинает играть «Лунную сонату».

Потрясенным бармэн хочет узнать, откуда взялся маленький человечек. Человек отвечает:

— Как-то я рылся в одном антикварном магазине и нашел старую керосиновую лампу. Когда я потер ее рукавом, чтобы разглядеть получше, внезапно сверкнула молния, появился джин, и он сказал, что он раб этой лампы, и что он должен исполнить мне любое желание. Я сказал, что я хочу тридцатисантиметровый пенис, и вот что дал мне этот глухой сукин сын!

Он услышал слово слово «пианист» и упустил всю суть.

Ты продолжаешь слышать то, что ты можешь слышать. Ты продолжаешь слышать вещи, которые никогда не были сказаны. И тогда ты их истолковываешь, а все толкования это неверные толкования. И, что бы ты ни делал, ты будешь разочарован, потому что твои неверные толкования не могут привести тебя к истине. Истина есть причастие.

Будда говорит: Найди друга, найди мастера и причастись к мастеру. Что такое причастие? Причастие означает удаление всех условий, удаление всех пред-рассудков, пребывание в невинности с тем, кто уже прибыл, это означает, что ты снова становишься ребенком рядом с тем, кто уже пробужден. Слушай как маленький ребенок: бдительный, полный благоговения, удивления, и слова тотчас же проникнут в твое сердце. Я достигну тебя как стрела.

Да, будет и некоторая боль, но очень сладкая... настолько сладкая, что ты никогда не знал ничего слаще. Да, когда истина в первый раз проникает в твое сердце, она убивает тебя — она убивает тебя как эго. Это распятие, тотчас же происходит воскресение. С одной стороны, ты умираешь таким, как ты был до сих пор, с другой стороны, ты рождаешься снова. Ты становишься дваждырожденным, *двиджем*; ты становишься брамином, ты становишься тем, кто знает.

Но познание требует великого любовного романа между учеником и мастером. Познание возможно, лишь когда любовный роман тотален, когда преданность тотальна, когда вовлеченность тотальна. Если ты слушаешь как зритель, ты будешь продолжать упускать. Если ты слушаешь только из любопытства, ты будешь продолжать упускать. Если ты слушаешь со всеми своими

идеями и философиями, ты услышишь совсем не то, что было сказано.

Дело не в том, чтобы понять мои слова, дело в том, чтобы понять мое присутствие. Лишь тогда ученик блажен.

Рам Гопал, ты все еще не ученик. Ты любопытный. Ты пришел, чтобы посмотреть, что происходит. Ты еще не предан. Ты слушаешь меня, но держишься на расстоянии, чтобы, если дело пойдет слишком далеко, можно было легко сбежать. Ты остаешься на окружности, ты не вошел в круг.

Войди в круг — я приглашаю тебя. Стань моим гостем, позволь мне быть хозяином. Пей от меня, и ты утонешь, и ты будешь преображен. Я обещаю.

На сегодня достаточно.

Содержание

Глава 1. <i>Мудрость невинности</i>	5
Глава 2. <i>Пей до дна и танцуй</i>	39
Глава 3. <i>И иди дальше</i>	73
Глава 4. <i>Распространяй слух!</i>	111
Глава 5. <i>В ирязи на обогине</i>	143
Глава 6. <i>Вот!</i>	173
Глава 7. <i>Пробует ли ложка суп?</i>	203
Глава 8. <i>Бог любит смех</i>	235
Глава 9. <i>Сея семена блаженства</i>	267
Глава 10. <i>Закон — древний и неисчерпаемый</i>	301

ОУШО

Дхаммапада.

*Книга выпущена по заказу
Московского медитационного центра
«Нирвана»*

*Редактор Свами Вип Джайс
Перевод Н. А. Потапова
Компьютерная верстка Ма Джем Пуджа*

Формат 60x90/16.
Гарнитура «Таймс ЕТ». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21. Уч-изд. л. 21,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 2913 .

Лицензия No 062411 от 11.03.93

*Отпечатано с оригинал-макета
в Московской типографии №2 РАН
Москва, 12 1089, Шубинский пер. д. 6.*

Изданные (1-35) и издаваемые* (36-80) книги ОШО

ОШО почтой - заказ по адресу: 127550 Москва а/я 1 Радаеву АЮ

Медитация

- 1 Оранжевая книга ** Здесь и сейчас 1-2 - -36.37
 2 Медитация-искусство экстаза ** В поисках чудесного --38
 35 Психология эзотерического * Скрытые тайны -----39
 ** Вигьян Бхайрав Тантра 1-5 --40.41

Христианство и западные мистики

- 13 Духовный путеводитель ** Я говорю вам 1-2 -----42.43
 14 Теология мистика **Приди и следуй за мной 1 2-3.4-44.45
 16.17.18 Заратустра 1-3 * Скрытая гармония -----46
 22 Философия Переннио 1-2 * Горчичное зерно-----47
 35 Новая алхимия

Буддизм -тантра

- 3 Алмазная сутра * Сутра сердца -----48
 4 Белый лотос ** Дисциплина трансцендентного 1-2 --49.50
 5 Тантра- высшее понимание
 26.27 Видение тантры 1.2
 29.30.34 Дхаммапада 1-3 *** Дхаммапада- путь Будды 4-6---51-53

Индуизм

- 6 Путь абсолюта * Верховная доктрина -----54
 12 Путь любви * Божественная мелодия ----55
 15 Революция *Кришна- человек и философия --56
 20.21 Книга мудрости 1-2 * Возлюбленные -----57.58
 24.25.31 Йога - сутры 2.3.4 ** Йога - сутры 1.5 -----59.60
 * Огромная тайна -----61

Дзен

- 4 Ни воды ни луны * Бог умер.-----62
 5 Поиск * Якусан- прямо к точке просветления ----63
 5 Син. син. мин * Дзен- прямая передача -----64
 12 Нирвана- последний кошмар
 23 Надписи на воде Гусь снаружи
 28 Манифест дзен

Дао

- 11 Три сокровища 1-2 * Пустая лодка -----65
 **** Путь без пути тт 1-4 -----66-69
 * Тайна тайн -----70
 * Когда туфли не жмут ---71

Суфизм и хасидизм

- 2 Истинный мудрец * Искусство умирать -----72
 7 Мудрость песков 1 * Именно так -----73
 8 Мудрость песков 2 * Тайна -----74
 9 Совершенный мастер
 32 Мистическое единство 1 * Мистическое единство 2-----75

Беседы с учениками - письма-сборники изречений

- 6 Начало начал * Ходи без ног... -----76
 8 Алмазные рооссыи * Мой путь- путь белых облаков -77
 10 Звук хлопка одной ладони * Дикie гуси и вода -----78
 15 Чашка чая * Будь спокоен и знай -----79
 16 От секса к сверхсознанию
 30 Медитация утром и вечером * Биография Ошо -----80

Центр *Нирвана* - Москва 125422 Солдатову А В до востребования